

**ПРОПАГАНДИСТ
ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ**

ПРОПАГАНДИСТ ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ

К 90-летию музея
Н.Г. Чернышевского

**ПРОПАГАНДИСТ
ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ**

Сборник научных трудов и материалов

Выпуск 4

ИЦ «НАУКА»
САРАТОВ – 2011

УДК [821.161.1.09+94 (47).081/082] (082)+929 [Пыпин+Чернышевский]
ББК 83,3 (2 Рос = Рус)1–8 Чернышевский Н.Г. Я 43+83.3 (2 Рос = Рус)
1–8 Пыпин А.Н. я 43+63.3 (2) 51 я 43
П81

П81 **Пропагандист великого наследия: Сборник научных трудов и материалов / отв. ред. А.А. Демченко. – Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 4. – 200с.**

ISBN 978-5-9999-0850-6

Замысел, составление, редактирование:
Г.П. Муренина, А.С. Озерянский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: А.А. Демченко – отв. редактор,
В.С. Жукова, Г.П. Муренина, А.С. Озерянский, В.В. Смирнова

В сборнике освещаются различные стороны экспозиционной, просветительской, научной деятельности музея Н.Г. Чернышевского.

Публикуются статьи и сообщения о жизни и деятельности Н. Г. и М.Н. Чернышевских, А.Н. Пыпина, включающие неизданные материалы музейного фонда. Впервые представлена хроника основных событий музея за годы его существования.

Для всех интересующихся биографией Н. Г. и М.Н. Чернышевских, А.Н. Пыпина, вопросами музейного дела, истории русской литературы и общественного движения.

Финансирование издания осуществлено
Управлением по культуре МО «Город Саратов»

УДК [821.161.1.09+94(47).081/082] (082)+929 [Пыпин+Чернышевский]
ББК 83,3 (2 Рос = Рус)1–8 Чернышевский Н.Г. Я 43+83.3(2 Рос = Рус)
1–8 Пыпин А.Н. я 43+63.3 (2) 51 я 43

ISBN 978-5-9999-0850-6

© Музей Н. Г. Чернышевского, 2011
© Коллектив Авторов, 2011

ОТ РЕДАКТОРА

В 1984 году по инициативе директора музея Н. Г. Чернышевского Галины Платоновны Мурениной был издан первый выпуск сборника «Пропагандист великого наследия» – писательского наследия, изучением и разъяснением значения которого музей со дня основания в 1920 году полагает своей главной задачей. За прошедшие два десятилетия музей опубликовал еще два выпуска под тем же названием (1990, 2002).

С самого начала сложилась и структура издания: материалы к истории музея, публикации из его фондов и архива, научные статьи и сообщения.

Настоящий сборник представляет материалы о прошлом и настоящем музея, раскрывающие его место в культурном пространстве региона и страны в целом (*Г.П. Муренина* «Хотелось бы надеяться, что это паломничество не прекратится...», *И.В. Пузанкова* «Нам полюбилась Волга, полюбились ее люди...», *Н.Ю. Кравченко* «Социальная востребованность музея Н.Г. Чернышевского в современных условиях...»), посвященные его экспозиционной, массово-просветительской, научно-исследовательской деятельности (*С.В. Клименко* «Музей особенной достоверности», *Д.Г. Сапожникова* «Формирование инновационной модели «музей - посетитель» в программах для детей и юношества (1985-2005)», *Е.В. Степанова* «К истории организации сборника «Н.Г. Чернышевский» 1926 г. ...»), представляющие его фондовые коллекции (*Т.С. Конкина* «Газетные публикации о Н.Г. Чернышевском в 1864–1889 гг.», *А.А. Поляков* «Фотофонд М.Н. Чернышевского в музее (1861–1888 гг.)»). Традиционно издание включает в себя публикацию архивных материалов музея (*А.С. Озерянский* «Диспут был вчера, в воскресенье...», *Г.П. Муренина* «Удивительный был человек Александр Павлович Скафтымов») и научной библиотеки СГУ (*Н.А. Попкова* «Издания трудов А.Н. Пыпина в Научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского»). Изучению эпохи, в которую жил и творил Н.Г. Чернышевский, его литературно-общественного и семейного окружения посвящены работы японского исследователя *Оя Она* «К истории парижской встречи Ф.И. Тютчева с А.И. Герценом», *Г.Ф. Самосюк* «М.Е. Салтыков–Щедрин и

А.Н. Пыпин в полемике вокруг "Истории одного города"», П.Г. Торопыгина «Н.Г. Чернышевский и А.Н. Пыпин о П.Я. Чаадаеве», А.С. Озерянского «К вопросу взаимоотношений Н.Г. Чернышевского и А.Н. Пыпина...», В.В. Колпакова «Потомки А.Н. Пыпина». Вопросы разностороннего восприятия писателя и его творчества рассмотрены в работах А.А. Демченко «По поводу некоторых современных газетных публикаций о Н.Г. Чернышевском», Ю.А. Громаковского «Психологизм произведений Н.Г. Чернышевского», В.А. Дьяконова «Н.Г. Чернышевский на саратовской сцене».

В сборнике представлен раздел хроники, включающий публикацию «Музей Н.Г. Чернышевского. Из летописи событий (1918–2000)», а также основные даты жизни и деятельности основателя музея М.Н. Чернышевского.

Музей по-своему, раскрывает грани общеприменимого в музейном мире понятия «музей особенной достоверности». Она заключается, прежде всего, в самой личности писателя, воплощенной в подлинных рукописях, книгах, изобразительных материалах, в мемориальной экспозиции дома времени его детства и юности, воссоздание которого потребовало многолетних усилий научных сотрудников. Высокая степень достоверности достигается также искусством донесения в посетителя музея атмосферы эпохи, в которую жил и творил писатель, его окружения, семейного и литературно-общественного. В то же время достоверность вовсе не застывшее состояние, это процесс постоянного развития, наполнения новооткрывающимися фактами прошедшего и постоянно обновляющимся современным восприятием облика Н.Г. Чернышевского.

Выпускаемые музеем сборники «Пропагандист великого наследия» соотносимы с другим изданием – «Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» (опубликовано уже 17 выпусков), которое издает Саратовский государственный университет совместно с музеем.

Встретив свое 90-летие, которым ознаменован данный сборник, музей Н.Г. Чернышевского продолжает убеждать в своей «особенной достоверности», и содержание предлагаемого читателю сборника тому наглядное подтверждение.

ГАЛИНА МУРЕНИНА: «XXI ВЕК БУДЕТ ВЕКОМ ЧЕРНЫШЕВСКОГО!»

Музей Николая Гавриловича Чернышевского – не просто музей. Это наша гордость, наша история, пример большой и бескорыстной любви к Саратову и его жителям. Это часть души нашего города, наша культура, наша память. В

2010 году музею исполнилось 90 лет! Солидный возраст даже для памятника культуры. О том, как зарождался музей и с каким настроением здесь отмечают юбилей, мы беседуем с его директором Галиной Мурениной.

– Галина Платоновна, расскажите, как все начиналось...

– Со дня своего основания музей традиционно является научно-просветительским центром по распространению знаний о знаменитом саратовце, его семье, саратовском окружении, усадьбе, где более 200 лет живут члены большого семейства Чернышевских-Пыпиных.

Основателем и первым директором музея стал младший сын писателя **Михаил Николаевич Чернышевский**. Создание музея было его мечтой и целью его жизни. Именно он передал государству огромный архив писателя и личные вещи, принадлежавшие семье Чернышевских.

Время было неблагоприятное – разгул, бандитизм, разруха. В городе практически не осталось ворот и калиток – все разбирали, использовали на дрова, продавали. Возможно, такая же участь ждала бы и дом Чернышевских – уже успели снять деревянную калитку с улицы Некрасова. Но в марте 1918 года на дом была выдана Охранная грамота, подписанная Наркомом по просвещению А.В. Луначарским. Она-то и спасла дом Чернышевских от многих неприятностей, в том числе от разорения.

17 сентября 1920 года Постановлением Совета Народных Комиссаров дом Чернышевских в Саратове объявили на-

циональным достоянием, в нем был организован музей памяти русского писателя и общественного деятеля Николая Гавриловича Чернышевского. Музей сразу же стал одним из российских центров по изучению его наследия. Так получилось, что Чернышевский вошел в обиход тех деятелей общественного движения, культуры, истории, которые нужны были молодому государству. Поэтому-то интерес к этому человеку был колоссальный. В музее защищались кандидатские, докторские диссертации! Архив музея стал притягательной силой, собиравшей вокруг себя тех, кто изучал историю России XIX века и общественного движения 60-х годов.

– Видимо, и отношение властей к музею было соответствующее?

– Да, музей был республиканским достоянием. В 20-х годах была разработана программа становления музея, которая включала в себя все – от организации Ученого совета до выделения денежных средств.

Понимаете, Чернышевский был очень нужен тому времени – времени, когда зарождалось новое государство, когда стране нужны были прогрессивные взгляды, новые идеи. Кстати, сегодня время очень созвучно 20-м годам прошлого столетия. Мы начинаем понимать, что главные ценности не материальные, а духовные, культурные...

Центр научной мысли

– Галина Платоновна, а музей Чернышевского сразу же планировали разместить в Саратове?

– Да. Были и другие предложения, в частности говорили о Санкт-Петербурге, но саратовские ученые сумели доказать, что место этому научному центру там, где писатель родился, вырос, учительствовал, обзавелся семьей.

– Какая именно научная деятельность велась в музее?

– В круге научных интересов музея изучение биографии и творчества Н.Г. Чернышевского, его окружения, эпохи 60-х годов XIX века, исследование вопросов, связанных с историей музея и усадьбы, музейная педагогика. Как я уже говорила, здесь защищались многие научные труды. Защитила кандидатскую здесь и внучка Николая Гавриловича – **Нина Михайловна Чернышевская**, которая после смерти отца с 1924 года была бессменным заведующим, а затем директором музея на протя-

жении 50 лет.

Особо активизировалась научная деятельность в музее в 1928 году – в год 100-летия Н.Г. Чернышевского. К юбилею в музее готовились очень многие издания.

Такая оживленная научная деятельность продолжалась здесь вплоть до 1941 года. А с началом войны весь архив был вывезен в Сибирь и в Саратов уже не вернулся. Затем архив был отправлен в Москву, в ЦГАЛИ (сегодня РГАЛИ), где был помещен в фонд под номером 1.

Первые выставки – на столе

– А посетители в музей допускались? Или здесь находились только ученые?

– Главная функция музея это хранение и введение в научный оборот музейных ценностей. В этом смысле у нашего музея счастливая судьба. До 1918 года была жива **Ольга Сократовна Чернышевская** (супруга писателя). Во многом благодаря ей и был сохранен дом и вся в нем обстановка, мебель, личные вещи Николая Гавриловича. Это давало возможность с первых же дней работы музея устраивать экспозиции. Конечно, первые выставки были наивными (с точки зрения сегодняшнего музейного дела), но они строились на подлинниках. Сейчас у нас в музее работает выставка о первых довоенных годах работы музея. И когда мы ее делали, мы были поражены, не подозревая, какие документы хранятся в наших фондах!

Например, план комнат музея, написанный и расчерченный на листочке из тетрадки в клеточку. Или пропуск в Кремль: «ГЛАВНАУКА Академического Центра Наркомпроса просит пропустить в Кремль предьявителя сего, Михаила Николаевича Чернышевского, для получения из Секретариата и Совнаркома выписки Постановления по делу о ремонте дома-музея Чернышевского в Саратове». Вот так! В Кремле знали о доме-музее!

Принимая посетителей, Михаил Николаевич выкладывал экспонаты прямо на столы и дополнял рассказы о них своими личными воспоминаниями. Представляете, какими интересными и захватывающими были эти экскурсии! Очень любил рассказывать Михаил Николаевич о поездке в Сибирь. Как мама – Ольга Сократовна намеревалась броситься за борт парохода, выражая тем самым протест против положения отца. Как, прощаясь с родными, Николай Гаврилович подарил Мише коро-

бочку из-под лекарств. Эту коробочку Михаил Николаевич хранил всю жизнь, и она стала первым экспонатом музея.

– Когда же появилась первая стационарная экспозиция?

– Это произошло в 1927 году. Затем историко-литературные экспозиции открывались в 1939 году, 1953-м. В экспозиции 1967 года впервые был отражен литературный процесс, показана творческая лаборатория писателя.

Эта экспозиция пользовалась большой популярностью, впрочем, как и сам писатель, которого изучали и в школе, и в вузах. В 60-70-е годы в музее проводилось от 10 до 15 экскурсий ежедневно. В период навигации музей входил в обязательную экскурсионную программу для путешествующих по Волге.

В 1978 году к 150-летию со дня рождения Н.Г. Чернышевского в музее впервые была открыта мемориально-бытовая экспозиция. Она воспроизводила обстановку дома Чернышевских на основе подлинных предметов быта и мебели, книг и документов 20-50-х годов XIX века.

Экспозиция была реэкспонирована в 2001 году после реставрации дома Чернышевских под названием «Н.Г. Чернышевский в Саратове. 1828–1853 гг.». Научная реставрация позволила воссоздать исторически достоверные интерьеры всех комнат дома, с которым связаны детство, отрочество и юность писателя. Действующая историко-литературная экспозиция открыта в марте 1988 года. Архитектурно-художественный проект экспозиции получил Гран-при как лучший проект года. Авторы проекта – художники из Ленинграда Борис Робенко и Вячеслав Глазков.

Всего за эти 90 лет существования музея было открыто 16 стационарных экспозиций.

Связанные судьбою

– Галина Платоновна, ваше имя неразрывно связано с музеем. Музей и вы – одно целое. Вы помните день, когда впервые сюда пришли?

– Очень хорошо помню. Я работала на телевидении редактором отдела информации и не думала менять работу. Но все произошло по странному стечению обстоятельств. Дело в том, что председатель Комитета по телевидению и радиовещанию Е.О. Кульжонков по роду своей прежней деятельности был тесно связан с музеем и его директором Ниной Михайловной Чер-

нышевской. И как-то раз Нина Михайловна попросила его порекомендовать ей кандидатуру для работы в музее в качестве ее заместителя. Не знаю почему, но выбор пал именно на меня.

Я фаталист и уверена, что быть связанной с Чернышевским мне было предначертано судьбой. Ведь до этого события было в моей жизни еще одно очень странное совпадение. Я училась в Куйбышевском пединституте, и вот на третьем курсе нам предложили выбрать семинар, который впоследствии должен был лечь в основу дипломной работы. Я выбрала тему поэзии Серебряного века. И вдруг староста мне говорит, что записал меня на семинар к Марии Ивановне Рунт, занимавшейся революционными демократами. Я была в шоке, а девчонки успокаивали: «Ну какая тебе разница? А Мария Ивановна счастлива будет». И я пошла к ней в семинар, совершенно не предполагая, что это станет делом моей жизни!

Мало того, я пришла в музей 24 июля 1973 года – в день рождения Николая Гавриловича Чернышевского, абсолютно этого не зная. Был самый обычный день, никто в городе о дне рождения не говорил. Это был последний год, когда день рождения Чернышевского прошел в Саратове незаметно. Со следующего года 24 июля стало городским праздником!

– Представляю, что творилось в 1978 году в день 150-летия писателя!

– О! Город был просто наполнен Чернышевским. Шутили даже, что по радио у нас говорят только об уборке хлеба и о Чернышевском.

– Как же вам, журналисту, удалось так быстро вникнуть в тонкости музейного дела?

– Первое время приходилось очень много читать, набираться знаний. Я человек увлекающийся и расположенный к делу. Мне нравилось в школе, где я работала после вуза, на телевидении, где я проработала 9 лет, и поэтому в музее я тоже нашла много для себя интересного. В 1974 году встал вопрос о создании экспозиции.

Вообще мы брались за все. Ничего еще толком не зная, мы решились на издание книги «Мысли и афоризмы Чернышевского». И мы ее издали!

Работа в музее стала самой интересной вехой в моей жизни. Музей стал моим домом, все, кто здесь работал, – моей семьей.

Зарабатываем души

– Переживаете, что интерес к музею Чернышевского уже не тот, что раньше?

– Я никогда не соглашусь с тем, что интерес к музею ослабевает. Чернышевский – это целая эпоха, это страница истории, знать которую должен каждый. Да, конечно, сегодня приходится перестраиваться и искать для наших посетителей какие-то новые подходы. Нужны новые формы, что-то необычное. Например, сейчас мы придумали для школьников программу «Место встречи – “Современник”». Имеется в виду журнал, в становлении которого Чернышевский сыграл большую роль. И тут мы предлагаем такие темы, как «Чернышевский и Пушкин», «Чернышевский и Гоголь», «Чернышевский и Некрасов» и так далее.

Для малышей у нас работает «музейный всеобуч». Он пользуется огромной популярностью. Мы работаем с детьми-дошкольниками, которым в игровой форме рассказываем о музее, о его экспонатах. Придите и посмотрите, как радуются дети, когда им разрешают поднять коромысло, потянуть кудель. Это воспринимается ими как чудо!

– Видимо, на тот же эффект – эффект чего-то необычного – настроены и ваши программы по привлечению молодежи.

– Да. Уже становится традицией захватить после загса к нам в музей, чтобы сфотографироваться на фоне старинного интерьера. Большую роль здесь играет желание людей уйти от обыденности. Молодые приходят, садятся в шикарные кресла XIX века, надевают одежду той эпохи... Кроме того, музей – это особая аура. Здесь мы благословляем на благополучную семейную жизнь. Ведь именно в этом доме когда-то зародилась любовь Ольги Сократовны и Николая Гавриловича, именно здесь проходили первые месяцы их совместной жизни.

– Программы для молодоженов – это и способ хоть как-то подзаработать музею...

– Вы знаете, когда мне говорят, что надо зарабатывать деньги, я обычно отвечаю: «Нет! Мы должны зарабатывать души!» Если мы сумеем привлечь души, мы изменим жизнь.

– Как лично вы оцениваете место Чернышевского в сегодняшнем дне?

– Я уже говорила, что время Чернышевского близко нашей эпохе. Что такое Чернышевский и его время? Все жажда-

ли перемен, чтобы улучшить жизнь. Мысли людей того поколения ложились на позитивную почву. Чернышевский был кумиром в молодежной среде. Как тогда говорили, гимназистка считалась последней дурой, если не читала роман «Что делать?». Это великое произведение. И совсем не понятно, почему его сегодня убрали из школьной программы, ведь это роман о любви и революции. Это роман для тех, кто ищет счастья общественного и кто нуждается в счастье личном.

«Саратовская панорама» от 20–26 октября 2010 г. № 41(765) С. 7.

С.В. Клименко

МУЗЕЙ ОСОБЕННОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ

Определение «музей особенной достоверности» появилось недавно в среде столичных музейных работников. Не являясь термином, оно все же как нельзя более точно отражает специфику музея Н.Г. Чернышевского и всех его экспозиций, начиная с первых попыток экспозиционной работы, принадлежавших основателю музея М.Н. Чернышевскому. В его планах была мемориализация не только дома его отца Н.Г. Чернышевского, но и дома родственников Пыпиных, и, частично, усадьбы обеих семей.

Подобные планы музейного развития основывались на особенностях коллекций будущего музея и их комплектования, начавшегося во второй половине 19 века и продолженного в 20 веке. Все родственники и члены семьи Н.Г. Чернышевского приложили немало усилий для сбережения дома писателя, других усадебных строений, бытовых вещей, книжного собрания, фотографий, документального и рукописного архивов.

К началу 20 века сложилась большая коллекция предметов, принадлежавших Н.Г. Чернышевскому и его родственникам. Вместе с этим родилась и получила развитие традиция «музея особенной достоверности». Она соответствовала намерениям сына писателя, ставшего первым директором музея, и была естественна при условии наличия мемориального дома. Сохранение исторической достоверности его фасадов и интерьеров с самого начала было особой заботой М.Н. Чернышевского и его дочери Н.М. Чернышевской, ставшей продолжательницей дела строительства музея.

Уже первые реставрационные работы в доме учитывали документальные и мемуарные свидетельства о нем, специально собранные основателем музея. Сведения об особенностях интерьеров, бытового окружения семьи Чернышевских бережно сохранялись десятилетиями и в той или иной мере использовались в музейной практике в различные периоды.

В созданных М.Н. Чернышевским планах первой экспозиции среди предлагаемых экспонатов выделялись прежде всего

личные вещи Чернышевских, рукописи, письма, документы. В качестве экспозиционной площади предусматривалось использование почти всех комнат дома Н.Г. Чернышевского. Экспозиция должна была совместить историко-литературные материалы и мемориально-бытовую обстановку. Предполагалось даже частичное воссоздание исторических интерьеров. В архиве М.Н. Чернышевского имеется документ, названный им «Планом распределения комнат в Доме-Музее памяти Н.Г. Чернышевского», в котором под номером 2 сказано: «Реставрация старинной гостиной, как она была при Н.Г. Чернышевском в 1830-х годах: синие стены, на потолке большой овальный венок из крупных красных роз (как на фарфоре Сакс). Мебель 1830-х годов красного дерева: против окон диван, стол и два кресла; у окон в простенках 2 стола (один сохранился). У среднего окна витрина с вещами-реликвиями Г.И. Чернышевского»¹. В полной мере осуществить эти планы довелось после кончины отца Н.М.Чернышевской. В начале 1920-х годов экспозиционные решения имелись лишь в одной или двух комнатах и выглядели в определенной степени предварительными. Первая большая экспозиция была открыта в 1927 году. По плану в каждом из ее восьми разделов экспонировались личные вещи Чернышевских², коллекция которых продолжала пополняться в 1920–1930-е годы.

Традицию мемориальности и достоверности продолжали все последующие экспозиции. Так, в путеводителе по музею 1939 года наличие мемориальных предметов указывается в каждой комнате: кресло, стол, рисунки, тетради, книги. Иногда автор путеводителя Е.Н. Сторожицкая отмечает просто: «личные вещи». Из этого издания можно узнать, что в одной из комнат воссоздан, вероятно, частично, интерьер. В перечне экспонатов комнаты номер два сказано: «комната Чернышевского (мезонин)»³.

В 1940-е годы эта экспозиция совершенствовалась и дополнялась. В следующем путеводителе 1949 года при перечислении комнат даны не только их номера, но и указания на их прежнее назначение, то есть «кабинет отца», «приемная», «столовая», «синяя комната». Последняя названа именно так, хотя реконструкция окраски стен и росписи потолка будет произведена через несколько лет⁴. Как и первые две, экспозиция 1940-х годов была историко-литературной, посвященной всей жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. Но, судя по путеводителю

П.А. Бугаенко, в каждой комнате имелись вещи Н.Г. Чернышевского разных лет, причем, они не только указаны, но и названы: «книжный шкаф», «круглый столик», «кресло из обстановки гостиной». Очень важно отметить момент профессионализма в подходе к экспонатуре уже в те далекие времена. Сохранялись и передавались из поколения в поколение ценнейшие сведения о мемориальных предметах. Автор путеводителя не просто упоминал о письменном столе, но давал справку о том, что этот стол стоял в кабинете у Чернышевского, а после ареста писателя хранился у А.Н. Пыпина⁵. Так же подробно охарактеризованы все бытовые мемории: «меховая шапка и кашне, азиатские сапоги, которые он носил в Астрахани, ...бювар и транспарант собственноручной работы Н.Г. Чернышевского, сделанные им в Астрахани; баночка из-под крема, служившая ему чернильницей в Сибири, мундштук, подаренный саратовским краеведом Хованским в последние месяцы жизни Н.Г. Чернышевского в Саратове; маленький зеленый кошелек, расшитый бисерными блястками Ольгой Сократовой и подаренный ею Николаю Гавриловичу; любимый бокал Чернышевского, с которым он не расставался почти всю жизнь...»⁶. Подробная легенда сопровождает все без исключения мемории, несмотря на то, что автор путеводителя делает оговорку о том, что личные вещи экспонируются «дополнительно» или «в дополнение к другим экспонатам»⁷. Весомость и объем сведений, которые приводятся о каждом предмете мемориального значения, подчеркивают их ценность и уникальность в музейной коллекции и экспозиции.

Именно такой подход, унаследованный от М.Н. Чернышевского, свидетельствовал о профессиональной подготовленности и зрелости музейщиков и, тем самым, способствовал возникновению у посетителей музея особенного эмоционального восприятия экспозиции. Эмоция, появляющаяся при рассматривании маленькой коробочки от пилюль с нарисованным на крышке павлином, усиливается при осознании того, что она принадлежала Н.Г. Чернышевскому. Но еще более она усиливается и обогащается, если экскурсовод сообщит, что эту коробочку писатель подарил восьмилетнему сыну Мише при свидании в Сибири на каторге и что она стала первой «ячейкой» будущего музея, так как положила начало собирательской работе М.Н. Чернышевского.

Столь рано проявившаяся и постоянно развивающаяся тенденция достоверности музейного рассказа не была утрачена,

но бережно сохранялась в следующие десятилетия. В экспозиции 1953 года, в традициях того времени перегруженной иллюстративным материалом (картинами советских художников 1940–1950-х годов), мемории оставались. Более того, именно в это время, в 1950 году, художниками В.Б. и Н.М. Элькониными были реконструированы роспись плафона и окраска стен гостиной, интерьер в этой комнате появится позже.

Нельзя не отметить, что экспозиционеры музея Н.Г. Чернышевского располагают хорошо изученной историей строительства дома, в котором прошли детские и отроческие годы писателя. В коллекции музея имеются также подробные мемуары младшей кузины Н.Г. Чернышевского Ек.Н. Пыпиной об интерьерах всех комнат в период 1840–1850-х годов. Об этом сообщали в путеводителях почти все их авторы. Наличие этих мемуаров, сначала рукописных, затем в виде издания, весьма укрепляло и поддерживало традицию достоверности и мемориальности при создании всех экспозиций. Именно это обстоятельство позволило коллективу музея в конце 1970-х годов обобщить опыт предшественников и подготовить первую мемориально-бытовую экспозицию. Она состоялась еще и потому, что ей предшествовала последняя, наиболее научно обоснованная и аналитичная литературно-мемориальная экспозиция 1967 года. Один из ее авторов сообщал в путеводителе, что в основе нового экспозиционного решения – «подлинные материалы, ... личные вещи и книги, уникальное собрание иконографии Н.Г. Чернышевского и членов его семьи...»⁸. Эта экспозиция отличалась серьезной научной разработкой предложенных тем и преобладанием среди экспонатов подлинных материалов.

В отличие от предыдущей экспозиции 1953 года, интерьеры теперь были воссозданы в двух комнатах. В путеводителе отмечено: «Из семи комнат музея две мемориальные, то есть восстановлены близко к первоначальному виду и включают подлинные вещи Г.И. и Н.Г. Чернышевских и членов их семей»⁹. Необходимо отметить, что интерьер гостиной в 1967 году был восстановлен хоть и не полностью, но в соответствии с мемуарными свидетельствами.

Научный подход отличает и приведенные в путеводителе описания не только меморий, но почти всех подлинников – с указанием подробной музейной легенды и времени и источника их поступления в коллекцию. Это, несомненно, показатель осознанного и последовательного продолжения важнейшей тради-

ции, родившейся в 1920-е годы и ставшей залогом профессионального развития музея.

Представленные во всех разделах экспозиции 1967 года подлинники и мемории в путеводителе характеризуются как «центральные экспонаты», занимающие «особое место» в музейном повествовании¹⁰.

В 1960-е годы внучка Н.Г.Чернышевского, директор музея Н.М.Чернышевская много занималась историей дома и усадьбы. Это нашло отражение в путеводителе 1969 года – в особых главах обо всех усадебных строениях. Постоянно поддерживаемая традиция мемориальности и достоверности позволила подготовить первую в истории музея Н.Г. Чернышевского мемориально-бытовую экспозицию, открытую в 1978 году. Сообщая об этом первом опыте полной мемориализации, авторы подчеркивали: «...новая экспозиция воспроизводит бытовую обстановку всего дома Чернышевских». В качестве источников названы «автобиографические заметки, письма и работы самого Н.Г. Чернышевского и мемуарная литература» – воспоминания А.Н. Пыпина, а также свидетельства, собранные Ек.Н.Пыпиной, Ф.В. Духовниковым и П.Л. Юдиным, мемуары А.И. Розанова, И.У. Палимпсестова. Отмечено, что «особое место в этом ряду принадлежит двоюродной сестре Н.Г. Чернышевского Ек.Н. Пыпиной-Нейман, воспоминания которой о жизни и быте семьи Чернышевских, мебелировке и убранстве комнат и внешнем виде самого дома были записаны Н.М.Чернышевской и частично ею опубликованы»¹¹. Новая экспозиция работала в 1978–1986 годах. Тогда же возникли планы совершенствования интерьерных решений. Они были продиктованы необходимостью более полных и поэтому более достоверных реконструкций, причем, не только в экспозиционном отношении. Не менее важным было то обстоятельство, что сам дом нуждался в серьезных ремонтно-реставрационных работах.

В 1980–1990-е годы группой специалистов из научно-реставрационного объединения «Росреставрация» были проведены научные и архивные исследования проблем истории дома Чернышевских до и после создания музея и практический анализ состояния дома. По окончании большого комплекса ремонтных и реставрационных работ в 2001 году открылась обновленная мемориально-бытовая экспозиция. Исторически достоверная реконструкция интерьеров стала возможной в результате появления ряда изменений на фасадах и в интерьерах дома.

Впервые после пожара 1866 года были восстановлены решетчатые ставни на окнах, что позволило решить проблему защиты от солнечного освещения. Ранее она осуществлялась традиционным для всех музеев способом – шторами на окнах. Однако, по свидетельству Ек.Н. Пыпиной, у Чернышевских «не любили заслонять чем-либо солнечный свет, – вместо занавесок были ставни, сделанные так хорошо, что никогда не хлопали от ветра»¹². О жалюзийных летних рамах на окнах хозяйственных служб помнил М.Н. Чернышевский, написавший в мемуарах: в большом сарае летом «окна заменялись рамой с многочисленными рядами прикрепленных наискось планок, вроде жалюзи»¹³. После реставрации появилась возможность для большего соответствия дома мемуарным источникам. Это важная ступень на пути к научной и исторической достоверности новых интерьеров и всей экспозиции в целом.

В ряде комнат появилось еще несколько реконструкций: печи в спальне, девичьей и бабушкиной комнатах, книжный стеллаж в кабинете, лавки в приемной Г.И. Чернышевского, сундук-«коник» в прихожей. Все это в полной мере соответствует мемуарным свидетельствам об особенностях интерьеров в доме Чернышевских. Во всех комнатах, мебелировка и убранство которых были уточнены и дополнены в соответствии с воспоминаниями Н.Г. Чернышевского и его младшей кузины Ек.Н. Пыпиной, восстановлены более точно и полно обновленные интерьеры. При этом экспозиционеры строго придерживались принципа мемориальности при подборе мебели и предметов быта, дополнявших убранство приемной, кабинета, столовой, прихожей, комнаты бабушки и комнаты Н.Г. Чернышевского в мезонине. В отдельных случаях вновь появившиеся предметы мебели и быта были типологическими. Следует отметить, что, не являясь мемориальными, они оставались исторически достоверными: горка с посудой (отчасти мемориальной, отчасти типологической) в столовой, два кресла в мезонине, самовар и столик в бабушкиной комнате, книги на стеллаже в кабинете, иконы во всех комнатах. В новых интерьерных решениях наименее достоверно и полно воссоздана обстановка столовой, в которой недостает имевшихся там в 19 веке дивана, кресел и фортепиано – особого музыкального инструмента 1830-1840-х годов, отличавшегося от более позднего пианино горизонтальным расположением струн. Пока музею не удалось приобрести фортепиано и гусли, которые также бытовали в до-

ме Чернышевских. Вместо фортепиано в столовой экспонируется пианино второй половины 19 века.

Не вполне исторически достоверно напольное покрытие во всех комнатах: некрашенные половицы в интерьерах первой половины 19 века были значительно шире и толще тех, что имеются в доме в настоящее время.

Та же проблема с оконной и дверной фурнитурой: она была реконструирована по образцам, оставшимся на некоторых окнах и внутрикомнатных дверях. Эти образцы относились ко второй половине 19 века, так как появились во время ремонта дома после пожара 1866 года. Было решено оставить этот вариант фурнитуры, потому что ремонт тогда производили Пыпины. И хотя новые оконные и дверные ручки не похожи на те, что можно видеть в домах, построенных в 1820-е годы, но они достоверны в плане семейно-бытовом, как результат заботы о доме Н.Г. Чернышевского со стороны его ближайших родственников.

Примерно в этой же плоскости оказалась и еще одна проблема. Она касается дворового фасада здания – наличия на нем нижнего балкона. По мнению руководителя реставрационных работ О.Б. Морозова, для аналогичных строений в России характерен лишь один балкон – в мезонине. Было высказано предположение, что нижний балкон мог появиться в результате ремонта, произведенного Пыпиными после пожара 1866 года. Поиски документального подтверждения наличия или отсутствия второго балкона в более ранний период ни к чему не привели. Фасад оставили таким, каким он известен по изображениям дома, относящимся к концу 19 века. Основанием для такого решения стало то обстоятельство, что подготовивший материалы для первой реставрации дома младший сын Н.Г. Чернышевского Михаил Николаевич хоть и не помнил, как выглядело здание до пожара 1866 года, но занимался его историей и согласился с тем решением дворового фасада, которое было предложено в 1918 году автором проекта ремонтно-восстановительных работ архитектором А.В. Горшениным. Таким образом, в конце 20 века реставраторы признали облик дома Н.Г. Чернышевского исторически достоверным.

В той же степени достоверны интерьеры, воссозданные на основе традиций, которые были заложены нашими предшественниками и, прежде всего, основателем музея М.Н. Чернышевским.

Принцип мемориальности и достоверности является основой всех экспозиций музея. На открытой в 1988 году литературно-монографической экспозиции «Отечества достойный сын» экспонируются, кроме книг, документов, фотографий, немало мемориальных предметов – вещей, принадлежавших Чернышевским и Пыпиным. В двух разделах частично реконструированы петербургский и последний, саратовский, кабинеты Н.Г. Чернышевского – на основе мемориальной мебели соответствующих периодов.

В большой степени мемориален интерьер комнаты О.С. Чернышевской в ее флигеле, находящемся на усадьбе Чернышевских с 1880-х годов. Восстановление интерьера во флигеле задумывала Н.М. Чернышевская еще в 1940-е годы, но осуществлено это было впервые в 1970-е годы. Реконструкция основывалась тогда на материалах, подготовленных Н.М. Чернышевской, – воспоминаниях о бытовом убранстве и чертеже, рисующем расстановку мебели и других предметов, записанных со слов близкой знакомой Ольги Сократовны М.А. Чернышевской, дочери крестника Г.И. Чернышевского, часто бывавшей в гостях во флигеле у его хозяйки в 1900-х годах. На основе тех же материалов в 1996 году интерьер в этом флигеле восстановлен более точно и полно. Он включает почти все имеющиеся в фондах музея мемории этого периода – мебель и предметы быта, принадлежавшие О.С. Чернышевской, ее сыну М.Н. Чернышевскому, их родственникам. Среди экспонируемых во флигеле 13 предметов мебели не имеют мемориального значения только три: горка, тумбочка, столик-подставка. Из 46 предметов быта, представленных во флигеле, около половины являются мемориальными.

В 1990-е годы в музее были разработаны планы реконструкции нескольких усадебных строений, исчезнувших во время пожара в 1866 году. В 2003 году на усадьбе появился флигель, стоящий на одной линии с домом Чернышевских, – деревянный сруб с обшитым тесом фасадом со стороны улицы. Это условная реконструкция, степень достоверности которой ниже ожидаемой и желательной с точки зрения специалистов музея Н.Г. Чернышевского.

Предполагалось воссоздание и хозяйственных строений, находившихся в первой половине 19 века на усадьбе Чернышевских в центре двора, архитектура которых соответствовала стилю «ампир». Их реконструкция могла бы завершить ме-

мориализацию усадьбы 19 века, образцов которой осталось очень немного в российских городах. Провинциальная усадьба, связанная с детскими и отроческими годами писателя Н.Г. Чернышевского, академика-слависта А.Н. Пыпина и их менее знаменитых родственников, саратовских интеллигентов, могла бы украсить Саратов и привлечь к нему интерес туристических фирм.

Остается лишь сожалеть, что пока этого не произошло. Но есть надежда на то, что когда-нибудь старания музея и его забота о мемориальности и достоверности как главном и всегда актуальном принципе в работе музейных коллективов увенчаются успехом. И это будет наш общий успех.

Мемориальная основа экспозиций музея Н.Г. Чернышевского давно получила признание у посетителей. Приезжавший в Саратов в 1950 году И. Андронников оставил в книге отзывом характерную запись: «Побывал в Доме-музее Николая Гавриловича Чернышевского. Впечатление огромное: этот домик, в котором с такой силой ощущается присутствие Чернышевского, его комната, балкон, этот вид на Волгу и бесконечный простор – это уже более чем музей! Здесь чувствуется с особой силой величие дела Чернышевского, подвиг его жизни, чистота и благородство его души. Вещи, ему принадлежавшие, цветы, им засушенные, – то, чего касалась его рука, – дополняют его образ новыми живыми чертами. Это один из лучших мемориальных музеев – домик, пробуждающий новые возвышенные мысли о русской литературе»¹⁴.

¹⁴Чернышевский М. Н. План Распределения комнат в Доме-Музее памяти Н.Г. Чернышевского // Муниципальное учреждение культуры «Музей Н.Г. Чернышевского» (В дальнейшем в статьях сборника указывается МУК «МЧ»). ОФ. № 520. Л.2.

²Костин Ю. М. Первые экспозиции // Пропагандист великого наследия. Саратов, 1984. С. 28-31.

³Экскурсия по Дому-музею Н.Г. Чернышевского / сост. Е. Н. Сторожицкая. Саратов, 1939. С. 14.

⁴Дом-музей Н.Г. Чернышевского : путеводитель / сост. П. А. Бугаенко. Саратов, 1949. С. 6, 14, 22, 34.

⁵Там же. С. 29.

⁶Там же. С. 32.

⁷Там же. С. 22, 32.

⁸Демченко А. А. Дом-музей Н.Г. Чернышевского : путеводитель / под ред. Н. М. Чернышевской. Саратов, 1969. С. 10.

⁹Там же. С. 10.

¹⁰Там же. С. 14, 34.

¹¹Муренина Г. П., Костин Ю. М. Дом-музей Н.Г. Чернышевского : путеводитель. Саратов, 1980. С. 13-14.

¹²Беседы о прошлом (рассказы Е.Н. Пыпиной в записях Н.М. Чернышевской). Саратов, 1983. С. 32.

¹³Чернышевский М. Н. Мои личные воспоминания о семье Пыпиных // Пропагандист великого наследия. Саратов, 1990. Вып. 2. С. 41.

¹⁴Демченко А. А. Дом-музей Н.Г. Чернышевского : путеводитель. С. 120.

Г.П. Муренина

«ХОТЕЛОСЬ БЫ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ЭТО ПАЛОМНИЧЕСТВО НЕ ПРЕКРАТИТСЯ»

Музей Н.Г. Чернышевского, недавно отпраздновавший свое 90-летие, традиционно, со дня основания, является объектом туристического показа.

Еще в 1928 г. газета «Известия» словами своего корреспондента Карла Грассиса писала: «Дом-музей Чернышевского стал местом паломничества. Входят в него запросто, очень часто не имея ни малейшего представления о том, что увидят и что услышат. Выходят, – скажем ничуть не преувеличивая, – внутренне преобразенные. Одни клянутся жить так, как жил Чернышевский. Другие жалеют, что тяжесть лет мешает избрать его учителем жизни. Третьи лучше видят нищету своей собственной жизни, проскользнувшей мимо без вспышек героизма и отчаянья, и без светлой радости... Маленький серый домик действует животворяще... Хотелось бы надеяться, что это паломничество не прекратится»¹.

Время показало, что с каждым годом посетителей в домике на Волге становилось больше. Особенно вырос туристический поток в музей в 60–70-е гг. прошлого века после того, как Постановлением ВЦСПС был образован Центральный Совет по туризму, а в крупных городах организованы бюро путешествий и экскурсий. В индустрию туризма были вовлечены мощные транспортные средства: экскурсионные теплоходы, туристические поезда, автобусы, увозящие горожан в знаменитые туристические центры. Туризм стал составной частью здравоохране-

ния, физической культуры, средством духовного, культурного и социального развития личности.

Справка из Большой Советской энциклопедии: в 1975 г. в Советском Союзе число лиц, проводивших отпуск и каникулы за пределами постоянного места жительства, достигло 140–150 млн. человек, что составило около 20% туристов в мире. Социальные структуры туристического потока в 70-е годы по данным статистики таковы: рабочие и служащие промышленных предприятий – 33%, инженерно-технические работники и творческая интеллигенция – 28%, студенты и учащиеся – 18% сельские жители – 9%, пенсионеры – 45%, прочие – 8%².

Думается, что вышеуказанные статистические наблюдения распространялись и на туристический поток, идущий в 70–80-е гг. через залы музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского. Так, по отчету музея за 1977 г. экскурсионным обслуживанием в музее было охвачено 26539 рабочих и служащих, 5520 колхозников и других сельских жителей, 11213 учащихся высших и средних учебных заведений. Турпоток несколько снизился в 80-е годы, но по-прежнему туристы, особенно с теплоходов, составляли значительную часть посетителей музея.

Обширна география городов, заказавших путевки на экскурсионные теплоходы по Волге. По книге учета экскурсионных групп, прошедших по экспозициям музея, можно составить представление о масштабе индустрии туризма в СССР. Выборочно приводим данные с 17 по 24 мая 1977 г.: «Ильич» – Баку, «Дунай», «Аракс» – Ростов-на-Дону, «Марина Раскова» – Иваново, «Кутузов», «Советский Союз», «Воровский», «Дм. Донской» – Горький, «Дружба» – Курск, «А.Фадеев» – Пермь, «Денис Давыдов», «Шевченко» – Куйбышев, «Ф. Энгельс», «М. Калинин», «С. Орджоникидзе», «И. Сусанин», «К. Маркс», «В. Ленин», «Ю. Гагарин» – Москва. Таким образом, в те годы с мая по сентябрь в музей ежедневно приходило по 15–20 туристических групп.

Многочисленных посетителей привлекали в дом Чернышевского его мемориальность, имя писателя, историческая память. В 1980-х гг. почти каждый пятый музей в СССР был мемориальным. Мемориальные музеи, отмечая наиболее святые моменты в истории страны, создают овеществленные пространства памяти народа. По мнению председателя Международного комитета исторических домов-музеев (именно к ним принадлежит музей Н.Г. Чернышевского) Дж. Пинна, особенно это отно-

сится к «историческим домам - музеям» (historic buildings), в которых по представлению посетителей «все как было». Профессиональный музейный работник знает, что это – иллюзия, что посетитель увидит прошлое таким, каким его создал экспозиционер и покажет экскурсовод. Но нельзя не согласиться с тем, что существующая в сознании посетителя вера в истинность, подлинность вещи (в отличие от слова и изображения, достаточно сильно скомпрометировавших себя в последнее время) определяет тягу к музею и его влияние на общественное сознание.

Имя Чернышевского – один из основных факторов, определяющих коммуникативность Саратовского мемориального музея. Для Саратова это имя знаковое. Не случайно на состоявшейся в октябре 1926 года музейной конференции Нижневолжского края, которая обсуждала вопрос о месте нахождения музея Н.Г.Чернышевского (предлагались Саратов и Ленинград), мнение выступивших в прениях склонилось в пользу Саратова. Нельзя не привести в этой связи выступление на конференции профессора университета С.Н. Чернова: «самыми главными мотивами, которые говорят за то, что музей или институт Чернышевского должен быть в Саратове, эта суть моменты исторические и, так сказать, психологические. Здесь в Саратове начала складываться его мысль. Здесь он учительствовал. Здесь он оброс семьей. Наконец, в Саратов он вернулся, чтобы прожить остатки дней и умереть. Если мы анализируем его материалы, которые остались, то мы увидим, что он всей душой саратовец, с Сергиевской улицы, со двора Голубевых. Поэтому я считаю – было бы величайшей несправедливостью, если бы от Саратова отнять то дорогое, что ему по праву принадлежит»³. Родному городу Чернышевского предстояло стать научным центром по изучению его жизни и наследия. И в том, несомненно, есть большая заслуга музея.

Творческое наследие писателя представляет собой значительное явление русской культуры. Экспозиция музея, построенная, в основном, на подлинном материале, рассказывает о жизни и деятельности Чернышевского, его эпохе, его окружении, его научном и гражданском подвиге. Памятники истории и культуры, собранные в одном музейном проекте, преломляются в сознании писателя, по словам археолога И.Ф. Лихачева, «в драгоценное национальное достояние, которое нравственно должно быть для нас выше и дороже всего, ибо ставит нас в не-

посредственное соприкосновение с жизнью наших отцов и предков; это наше собственное прошедшее и единственное духовное наследство наше от исчезнувших поколений». Вот почему особый интерес туристов вызывает экспозиция мемориального дома, в котором родился и жил до 18-ти лет будущий властитель дум нескольких поколений лучших представителей мыслящей России.

Жизнь городской усадьбы XIX века, ее обитателей, членов родственных семей Чернышевских – Пыпиных близка и интересна приходящим в музей, ибо и в XIX и в XX веке люди жили, умирали, страдали, радовались, молились богу по одним и тем же человеческим правилам, которые вырабатывались обыденной действительностью. Жизнь любого мемориального дома полна легенд и мифов, да и сама мемориальная экспозиция это – мифотворчество, в котором фантазия экспозиционера тесно соседствует с реальными событиями двухсотлетней давности (первый дом в усадьбе был приобретен в 1801 году, дом Чернышевских выстроен в 1826 году, дом Ольги Сократовны появился в 1881 году, флигель сестер Пыпиных – в 1895 году). Кто теперь наверняка знает, «как было»? Может быть, поэтому туристы так охотно верят в легенды и предания. К примеру, стоит появиться перед группой экскурсантов кошке (их на территории усадьбы много), как сейчас же всплывает в памяти рассказ экскурсовода, услышанный во флигеле, о том, что в семье Чернышевских было две кошки – Мурысенька и Катусенька, а затем следует вопрос, не те ли это кошки? Под гипнозом мемориальности туристы забывают, что «тем» кошкам было бы теперь 150 лет. И еще один эпизод из музейной жизни. К 150-летию со дня рождения Н.Г. Чернышевского Саратовский драматический театр готовил спектакль «Человек, который знал что делать». Роль Чернышевского исполнил Александр Михайлов, ныне Народный артист России, а тогда в 1978 г., артист Саратовской драмы. Вживаясь в образ, он часами просиживал в доме Чернышевских в кабинете Гаврилы Ивановича за письменным столом с рукописями Николая. В одно из его посещений именно в этот момент пришла группа туристов с теплохода, вела ее молодая девушка – экскурсовод бюро, которая все свои силы употребляла на то, чтоб не сбиться с материала экскурсии и, конечно, не видела, что туристы ее не слушают, что все, как один, они устремились к кабинету хозяина дома. Там сидел «живой» Николай Чернышевский во фраке, с характерной бородкой и очках. Экскурсовод, повернувшись туда, куда смотрели все, секунду молчала, а потом упала в

обморок. Группу из оцепенения пришлось выводить сотруднику музея.

Русский мыслитель Николай Федоров утверждал: «Музеи служат оправданием XIX веку; существование их в этот железный век доказывает, что совесть еще не совершенно исчезла... Но сохранится ли это уважение к памятникам прошедшего при дальнейшем прогрессе?»

На основании всего исторического опыта смеем утверждать – сохранится.

¹Грассис Карл. Дом-музей Н.Г. Чернышевского // Известия. 1928. № 273.

²См.: БСЭ М., 1977. Т. 26. С. 983-987.

³ Научный архив музея Н.Г. Чернышевского (В дальнейшем в статьях сборника указывается НА музея). Д.1. Оп. 1. Ед. хр. № 12. Л. 10.

И.В. Пузанкова

«НАМ ПОЛЮБИЛАСЬ ВОЛГА, ПОЛЮБИЛИСЬ ЕЕ ЛЮДИ ...»

В 1950-е годы Всесоюзное акционерное общество «Интурист» открыло в Саратове свой филиал. С этого времени город на Волге стал туристическим центром не только для советских, но и для зарубежных гостей. Так, в 1956 году Саратов посетило около 800 туристов из Китая, Венгрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Вьетнама, Албании, Польши. Это были представители различных слоев населения: рабочие, инженеры, врачи, партийные работники, журналисты, архитекторы, педагоги. Они проявляли большой интерес к памятникам культуры, в том числе к музею Н.Г. Чернышевского, который возглавляла внучка писателя Н.М. Чернышевская.

Для иностранных посетителей музея Нина Михайловна написала специальную экскурсию, которую начинала словами: «Дорогие гости, я рада приветствовать вас на родине Н.Г. Чернышевского в знак укрепления дружественных связей между нашими народами»¹. Тогда же началась ее обширная переписка с зарубежными научными работниками и учреждениями. Письма приходили из Болгарии, Венгрии, Румынии, Китая, Северной Кореи и Польши. В данном сообщении освещается

сюжет, отражающий связи музея с представителями дружественной нам в те годы Польской Народной республики.

Первые польские туристы посетили музей 2 февраля 1954 года. Это была группа студентов, оставивших в книге отзывов свою запись на Польском языке с прилагаемым переводом на русский язык: «Мы очень счастливы, что имели возможность побывать в Доме-музее, в котором жил и работал великий русский демократ-революционер Н.Г. Чернышевский. Группа польских студентов»². 13 декабря 1957 года в Саратов приехал профессор К. Стравински, директор Института зоологии и этимологии при университете им. Мари Кюри-Склодовской города Люблина. Посетив музей, он встретился с Н.М. Чернышевской, которая любезно предоставила ему возможность познакомиться с творчеством Н.Г. Чернышевского. К этому времени в музее уже были некоторые переводы трудов Н.Г. Чернышевского на иностранные языки. В библиотеке профессор увидел работу Jozef Kowalski «Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe» (Warszawa, 1955). Н.М. Чернышевская пояснила, что она была прислана в 1956 году из Москвы известным исследователем жизни и творчества Н.Г. Чернышевского Н.А. Алексеевым. Стравински заинтересовался, есть ли в музее польские переводы произведений Н.Г. Чернышевского, и получил отрицательный ответ. Перед уходом профессор попросил книгу отзывов и сделал следующую запись: «С большим удовольствием я познакомился с жизнью и деятельностью великого борца за свободу Н.Г. Чернышевского – писателя и революционера. Когда вернусь в Польшу, буду рассказывать об этом великом человеке нашим товарищам и предлагать посетить Саратов и очень хорошо сохранившийся Музей памяти Чернышевского. 13.XII.1957. К. Стравински, профессор из Польши»³.

Вернувшись в Люблин, он занялся поисками трудов Н.Г. Чернышевского, переведенных на польский язык. В библиотеках города он нашёл такие переводы Н.Г. Чернышевского, как: «O sztuce» (1952), «Prolog» (1952), «Zasada antropologiczna w filozofii» (1956). Ему также удалось приобрести в книжном магазине роман Н.Г. Чернышевского, изданный в Варшаве в 1951 году. На бланке института 17 января 1958 года профессор Стравински посылает письмо Н.М. Чернышевской, в которой сообщает о присылке романа в польском переводе⁴. В конверт с письмом он вложил небольшой сувенир – миниатюрный календарь святых имен на 1958 год. В ответном письме от 30 января

Нина Михайловна благодарила и сообщала о получении книги, которая была помещена в музейную экспозицию, «где ее будут обозревать многочисленные посетители»⁵.

Необходимо отметить, что перевод романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» на польский язык предпринимался еще в XIX веке, вскоре после ареста Н.Г. Чернышевского. Так, в 1864 году ссыльные участники польского движения Станислав Краков и Людвиг Павлович предлагали одному из видных деятелей польской революционной организации в Петербурге Иосафату Огрызко издать в России сделанный ими перевод романа Н.Г. Чернышевского на польском языке. Огрызко вскоре был арестован и сослан в Вилуйск. В середине 1860-х годов за перевод романа на польский язык взялся русский революционер Павел Маевский, от этой работы сохранилась лишь часть, оставшаяся в рукописном списке⁶.

В 1870-х годах роман Н.Г. Чернышевского был хорошо известен как в украинских, так и в польских кругах Галиции. Воспринимали его там по-разному, в зависимости от идейных позиций читателей. Так, краковские консерваторы (т.н. партия станчиков) не приняли революционных идей Чернышевского, утверждая, что они заимствованы с Запада. Леон Каплинский в своей статье «Чернышевский и его роман» подверг «Что делать?» и его автора непристойным насмешкам⁷.

Иная реакция на произведение была со стороны представителей демократических кругов. Ещё при жизни Н.Г. Чернышевского, в 1875 году, во Львове на польском языке вышла необычная переработка «Что делать?». На титульном листе книги стоял заголовок «Ludzie» («Люди»). В настоящее время это издание является библиографической редкостью – оно отсутствует в львовских библиотеках, в книгохранилищах Варшавы. Лишь в Вроцлаве знаменитом «Оссолинеуме» сохранился экземпляр книги. В польском издании имя автора Н.Г. Чернышевского не стояло, но значилось под инициалами «М.С.» (т.е. – Mikolaj Czernyszewski). Не было указано и имя переводчика. Однако известно, что им был поляк-украинофил, учитель львовской гимназии Павлин Свенцицкий, участник восстания 1863 года, после его разгрома скрывающийся в Галиции⁸. О содержании «Людей» писал один из львовских журналистов: «Роман этот был конфискован..., во всей польской публицистике не поднялся ни один голос объективной критики... Так вот, мы осмеливаемся утверждать (а в справедливости на-

ших слов каждый может убедиться, сравнив перевод с оригиналом), что упомянутый роман, в польском издании выступающий в качестве оригинала, есть дословный перевод романа Николая Чернышевского, страдающего сейчас в Сибири за русский нигилизм... Правда, в польском переводе персонажи носят польские имена и называют себя поляками, а главное место действия перенесено из Петербурга в Киев. Но этим и ограничиваются все изменения, которые позволил себе переводчик... А роман Чернышевского будет ли он, как в польском переводе, называться «Люди», или как в оригинале – «Что делать?», всегда останется тем, чем был: целой социальной программой русских нигилистов»⁹.

В 1963 году музей получает новые издания Н.Г. Чернышевского на польском языке. Этому подарку предшествовали следующие события, нашедшие отражение в записной книжке Н.М. Чернышевской. Запись от 5 июля: В музее 15 чел<овек> раб<очей> партии поляков с предс<тавителем> ЦК»¹⁰. Действительно, с 5 по 8 июля 1962 года в Саратове пребывала делегация партийных работников ПОРП во главе с секретарем ЦК Витольдом Ярославским.

В первый день приезда гости из Польши посетили музей Н.Г. Чернышевского. Нина Михайловна рассказывала им о связях Н.Г. Чернышевского с его польскими друзьями, как в Петербурге, так и на каторге в Сибири, где было много ссыльных поляков, участвовавших в восстании 1863 года. Она показала членам делегации бережно хранимые рисунки польского ссыльного с изображением мест Сибири – Кадаи, Александровского завода, где отбывал каторгу Н.Г. Чернышевский. На память полякам были подарены сувениры – наборы открыток с памятными местами Н.Г. Чернышевского в Саратове, путеводители по музею. Прощаясь с саратовцами, гости из Польши говорили: «Нам полюбилась Волга, полюбились ее люди...».

В феврале 1963 года посольство ПНР в Москве передало в музей Н.Г. Чернышевского «Философские сочинения» писателя на польском языке, присланные в дар В. Ярославским¹¹. В ответном письме Н.М. Чернышевская, в частности, писала: «Дирекция Государственного Дома-музея Н.Г. Чернышевского в Саратове приносит Вам глубокую благодарность за присылку «Философских сочинений» Н.Г. Чернышевского, изданных в Польской Народной республике на польском языке. Ваш подарок еще раз свидетельствует об идейной связи классиков рус-

ской науки с народно-освободительным движением вашей страны в лице друга польского народа Н.Г. Чернышевского. Мы очень рады, что Ваше посещение музея имело такие приятные последствия для нас. Просим и в будущем не забывать родины Чернышевского»¹².

Связи музея с поляками продолжились. В октябре 1968 года в Саратов приехал Ярослав Ладош, заведующий кафедрой философии Вроцлавского университета. В отзыве о музее он писал: «Я рад, что мне представился случай посетить Дом-музей Чернышевского, и восхищен старанием, с которым сохраняется память об этом великом революционном демократе и философе. Желаю работникам музея больших успехов в работе»¹³. В дальнейшем ученый выполнил обещание заняться поисками переводов трудов Н.Г. Чернышевского на польский язык. В декабре 1968 года В. Ладош прислал в библиотеку музея польские издания Н.Г. Чернышевского: «Антропологический принцип в философии» (1961), «Избранные философские произведения» (1961), «Избранные экономические произведения» (Краков, 1956)¹⁴. В конце декабря он получил письмо Н.М. Чернышевской, в котором она искренне благодарила его за присланные книги¹⁵.

Проходят годы. Двери домика на Волге гостеприимно распахнуты и ждут своих посетителей. Музей по-прежнему активно посещают туристы из разных стран. Нам бы очень хотелось, чтобы и наши польские друзья чаще приезжали в Саратов, который хранит в музее Н.Г. Чернышевского память о событиях прошлого, неразрывно связанных как с русской, так и с польской историей.

¹Чернышевская Н. М. Обращение к зарубежным гостям : (рукопись) // МУК «МЧ». ОФ. Папка 170. № 7347/4227. Л. 1.

²Из книги памяти народной [Высказывания посетителей Дома-музея Н.Г. Чернышевского]. Саратов, 1980. С. 101.

³Книга отзывов музея Н.Г. Чернышевского за 1953–1981 гг. // НА музея. Д. 10. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 5.

⁴НА музея. Д. 10. Оп. 1. Ед. хр. 579. Л. 1.

⁵Машинописная копия указанного письма // Там же. Л. 6.

⁶См.: Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978. С. 30-31.

⁷Там же. С. 132.

⁸Там же. С. 132-135.

⁹Там же. С. 134.

¹⁰Чернышевская Н. М. Записная книжка. 1962 г. // МУК «МЧ». ОФ. Папка 64. № 7347/1887. Л. 32.

¹¹Машинописная копия письма из посольства ПНР (Москва) в музей Н.Г. Чернышевского от 21 января 1963 г. // НА музея. Д. 10. Оп. 1. Ед. хр. 583. Л. 2.

¹²Машинописная копия письма Н.М. Чернышевской В. Ярославскому от 12 марта 1963 г. // Там же. Л. 3.

¹³Книга отзывов музея Н.Г. Чернышевского за 1953-1981 гг. // НА музея. Д. 10. Оп.1. Ед. хр. 69. Л. 16.

¹⁴Письмо В. Ладоса Н.М. Чернышевской от 9 декабря 1968 г. // Там же. Д. 10. Оп. 1. Ед. хр. 585. Л. 1.

¹⁵См.: Машинописная копия письма Н.М. Чернышевской В. Ладосу от 22 декабря 1968 г. // Там же. Л. 2.

Д.Г. Сапожникова

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ «МУЗЕЙ- ПОСЕТИТЕЛЬ» В ПРОГРАММАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА (1985-2005)

Работа с детьми и юношеством в музее Н.Г. Чернышевского имеет продолжительную историю, но изменения, которые произошли за двадцатилетие 1985-2005 годов в этой сфере музейной деятельности, серьезно повлияли на ее содержание и форму. Эти процессы были общими для советского, а позднее – российского – музейного пространства.

До 1980-х годов детскую аудиторию в музее Н.Г. Чернышевского представляли в основном старшеклассники¹, которых приводили на «урок в музее» в связи с изучением творчества и биографии Чернышевского в курсе русской литературы и истории 19 века. Популярность таких «уроков» была обусловлена присутствием имени Чернышевского в ряду ключевых персонажей советской идеологии; кроме того, Чернышевский, уроженец Саратова, являлся, в сущности, одним из главных символов города. Эти обстоятельства делали естественным участие музея в идеологическом и патриотическом воспитании подрастающего поколения: музей, отвечая на социальный заказ, осуществлял свою роль «пропагандиста великого наследия». Формы работы со школьниками были традиционны: беседы, лекции (в музее и в школах города) и экскурсии, по своей форме и тематике почти не отличающиеся от таковых для взрослых.

Кроме того, существовал обычай принимать школьников в пионеры на территории усадьбы и традиция встреч с потомками знаменитого земляка, а в 1979–80 годах работал городской клуб старшеклассников «Чернышевцы». Музей активно сотрудничал с преподавателями, которые обращались за консультациями и изобразительными материалами; сотрудники музея часто выступали на различных учительских собраниях.

Доля школьников в общей цифре посещаемости в разные годы варьировалась. Так, если в 1979–1985 гг. она составляла около 30 процентов от всей численности посетителей, то в 1992 г. достигает 70 %, а в 1999 г. – почти 90%².

В конце 1980-х годов большинство музеев страны остро ощутили свою невостребованность, обусловленную, прежде всего, объективными социальными процессами. Между тем у музея Н.Г. Чернышевского были индивидуальные основания терять своего посетителя. Предшествующие годы идеологизированной назидательности в популяризации этого имени, позиционирование Чернышевского как предтечи ленинского учения, пресловутое «к топору зовите Русь», ему приписываемое, – все это вызвало волну отрицания значимости Чернышевского – критика, писателя, достойного сына Отечества, наконец, общество словно отрекалось от своего героя³; имена деятелей радикально-демократического направления становились объектом пристального – и вовсе не доброжелательного – внимания не столько научной общественности, сколько изобретающих «острые» информационные поводы СМИ. Эти имена исчезали из школьных программ на фоне общего сокращения часов, отведенных гуманитарным дисциплинам.

Преодоление стереотипа восприятия, демифологизация образа Чернышевского, новый взгляд на героев второй половины 19 века – проблемы, которые явственно обозначились в этот период; они же могли стать теоретической платформой для разработки современной программы развития музея.

Как коммуникационная структура музеев, в сущности, должен был задуматься о переосмыслении своей роли, о необходимости поиска своего места в изменяющемся мире. Это касалось и его миссии, и форм общения с аудиторией, и поиска новых ее сегментов. Ушел в прошлое туристический бум, исчезла обязательность как мотивация посещения музея; прежний характер отношений со школой был исчерпан, и приходилось

заново искать своего посетителя, иную основу сотрудничества с ним.

Городское сообщество закономерно стало объектом пристального внимания музея: концепция насыщенной событиями музейной жизни, постоянное его присутствие в культурном пространстве должны были изменить образ «музея одного посещения».

Кроме традиционного партнера – школы – в это время появляется и новая целевая аудитория – родители с детьми, семья. Снижается возраст детей, приходящих в музей, который перестает быть иллюстрацией школьной программы. «Постепенно приходит осознание его [музея. – Д.С.] как уникального центра образования культурой, передающего научный, художественный, исторический опыт от поколения к поколению. Отнюдь не случайно, что именно в этот период создаются новые музейно - образовательные концепции, отрицающие музей как кальку со школьной педагогики, как вспомогательный образовательный институт, подчиненный школе или подменяющий ее», – так формулирует общие для всех музеев выводы руководитель проблемной группы музейной педагогики РИК Марина Юхневич⁴. Нельзя сказать, что изменения протекали безболезненно, они пробудили к жизни острые дискуссии, поскольку влекли за собой структурные и мировоззренческие сдвиги.

Этот период и в музее Н.Г.Чернышевского отличается обращением к дореволюционному и зарубежному опыту, «выбросом» идей, обсуждениями и спорами.

Сотрудники музея Н.Г. Чернышевского Л. Калинина и Д. Сапожникова, ведущие работу с детьми, активно участвовали в ежегодных семинарах по музейной педагогике, организованных заведующей отделом НИИ культуры Е.Г. Вансловой. На семинарах изучались принципы музейной педагогики как новой дисциплины, они давали возможность обмениваться идеями и опытом, подвергать экспертизе собственные авторские разработки, устанавливать творческие контакты с коллегами.

Постепенно выстраивалась новая модель «ребенок – музей», модель, обращенная к посетителю прежде всего как к личности. Изменилась и роль музейного работника, который как бы «обретал лицо», свою индивидуальность, что выразилось в широком проявлении творческой инициативы, появлении новых методик и приемов, в разработке авторских программ. Концепция новой музейной деятельности базировалась на понимании

музея как культурно-образовательного центра, в котором сердцевиной по-прежнему оставался Чернышевский и его эпоха во всей ее многоаспектности. В новом направлении работы активно использовалась многофункциональность музея как феномена, где культурологическая ипостась – полноправная составляющая. На первый план в этом случае выступал музейный предмет как носитель памяти, а ролевая позиция посетителя преобразовалась в позицию сотрудничества. Пространство экспозиции при этом могло восприниматься как особая сценическая территория с музейным предметом в качестве «действующего лица». *Казалось бы, чисто практическая задача – привлечение посетителя – дала толчок активной системной многоуровневой, целенаправленной деятельности, обращенной к конкретной личности ребенка.*

Заново выстраиваемая работа со школьниками очень скоро потребовала восстановления контактов со школой уже на иной основе. Необходимость системного взаимодействия ребенка и музея признавалась всеми, но способы и направления взаимодействия были различны. В одном случае преобладала идея «встроенности» музейного образования в школьный курс⁵, в другом – системность возникала при разработке авторских программ для кружков и студий, для отдельных классов и групп детских садов, то есть речь шла об автономных просветительских развивающих проектах. Общим для разных программ было ясное понимание необходимости последовательно и многократно работать с одной и той же аудиторией.

В музее Н.Г.Чернышевского работа велась по обоим направлениям. Еще в 1984 году возник кружок «Юный музейвед» с программой, опирающейся на углубленное изучение музейной специфики. Одним из первых начинаний в 1982 году было создание экскурсий по мемориальному музею, адресованных школьникам разного возраста. Это дало возможность снизить «возрастной ценз» посетителей и сделать мемориальную экспозицию доступной детям младшего возраста.

Позднее возникли программы «Музейная азбука» и «Музейная Академия» – циклы занятий, основанные на работе с музейным предметом, где экспозиция была системообразующим фактором⁶. Именно подлинные предметы, вещи – от посуды до мебели, от рукописи до фотографии – были выстроены в цепочку, образующую повествование о музейном герое. Научить слушать негромкий голос предмета – хранителя памяти,

ощутить овеществленное прошлое, историю как нечто вполне материальное, увидеть «свое место в цепочке поколений» – такие культурологические, социальные и музееведческие задачи стремились решать сотрудники музея в авторских разработках.

Саратовскому музейному сообществу не удалось включить музейные программы в общеучебный процесс, но в 1990–2000 годах занятия по авторским программам «Музейная азбука» и «Музейная Академия» проводились во многих школах и детских студиях Саратова и области, а в музее Чернышевского эти разработки стали своего рода исследовательской лабораторией. Новые методики, находки, открытия проникали в повседневную, рядовую работу, они меняли психологию экскурсовода, стимулировали его собственное творчество и формировали новую философию музейных коммуникаций, они делали интересным и привлекательным образ музея для учителя, ребенка и родителя. Активное межличностное общение, сотворчество были одним из главных достижений в рядовой экскурсионной и лекционной работе музея Н.Г. Чернышевского в 1990-е годы. Игровой элемент, широко применяемый в новых методиках, позволил в свободной форме, избавляясь от прямой назидательности, осуществлять познавательные и воспитательные задачи – приобщать ребенка к существующим в нашей культуре ценностям.

К 1998 году в музее сложилась цельная концепция работы с детьми, основными принципами которой были использование многофункциональности музея, системность и преемственность, обращенность к возрастным особенностям и интересам аудитории.

В концепции выделялось несколько направлений:

1. «Чернышевский – наш земляк» – центральное направление работы со школьниками, обусловленное спецификой музея.

В этот раздел входила работа на постоянных экспозициях, посвященных Чернышевскому, и тематически «родственные» выставки, такие, как «Жили в городе С...», «Два директора – одна судьба», «Куплено усадебное место». С краеведением связаны многие лекционные темы: «Памятные места Чернышевского в Саратове», «Религиозный быт семьи Чернышевских», «История городской усадьбы», «История саратовских церквей» и т.д.

2. Изучение народных традиций – содержание программы «Обряды и праздники наших предков»; направление подразумевало сочетание образовательных и досуговых, рекреационных задач.

3. Программа «Духовная жизнь общества» включала в себя разнообразные выставки, такие, как «Мир героев Островского», «Старопечатная книга», «Роман «Что делать?» – бестселлер 19 века», передвижную выставку «По музеям Пушкина», «Жизнь разума и любви: Толстой, Тургенев, Чернышевский», «Достоевскому посвящается» и т.д.

В рамках той же программы – цикл лекций «Беседы о русской культуре», посвященный русским писателям 19 века.

4. Культурологическая образовательная программа «История простых вещей» объединяла выставку «Наша кунсткамера», и циклы занятий, посвященные музейному предмету. «Музейная азбука» адресована дошкольникам и младшим школьникам, «Музейная академия» – старшекласникам и студентам.

5. Музей Н.Г. Чернышевского активно развивал идеи музейного содружества. На практике это воплотилось в работу межмузейного абонемента «Я поведу тебя в музей», по которому школьник мог посетить экспозиции и выставки всех музеев Саратова и Энгельса. Заключительная встреча проходила в форме викторины по материалам предшествующих экскурсий. Призом в викторине были билеты на бесплатное посещение выставки в любом из музеев.

6. Взаимодействие музея и школы, координация действий и обмен опытом, обсуждение общих проблем было содержанием научно-практических конференций по вопросам музейной педагогики, которые проводил музей Н.Г. Чернышевского совместно с музеями города и педагогическим институтом. Сообщения сотрудников музея публиковались в сборниках «Музейная педагогика», выходящих по итогам конференций.

Интересным и плодотворным оказалось направление, связанное с рекреационной функцией музея. Календарные праздники, театрализованные экскурсии, фольклорные фестивали вошли в музейную практику с конца 1980-х годов. Принцип «музейности» оставался ведущим и в этом случае: рождественские и новогодние спектакли для младших школьников выстраивались вокруг музейного сюжета, где главной героиней была Фея Воспоминаний. Вовлекая детей в волшебство игры,

используя вещный мир экспозиции, Фея воскрешала память о прошлом, о традиции. Что такое Память; что случится, если она исчезнет; музей – Дом, в котором Память сохраняется всегда; почему злая Фея Забываха никогда не победит... На спектакли для малышей обязательно приглашались родители: важным было совместное переживание, контакт, одновременное открытие и ощущение чуда. Важно и то, что не назойливое, не лобовое, а образное воздействие на зрителя позволяло говорить о вещах чрезвычайно серьезных. Спектакль, выполняя свои образовательные задачи, – дети знакомились с традицией празднования Рождества или Нового года в разные времена и в разных странах – был таинственным, зрелищным, загадочным, праздничным.

С рождественскими праздниками был связан еще один интересный опыт. В течение четырех предшествующих Рождеству воскресений дети с родителями собирались в музее и под руководством художника В. Черевкова сооружали Рождественский вертеп: рисовали, клеили, шили, разукрашивали – готовили вертепное действо. Участники воскресных посиделок знакомились с традицией вертепных спектаклей, узнавали историю народного театра, воспроизводили давно утерянный обычай совместной семейной творческой подготовки к празднику. Заключительная встреча – представление Рождественской мистерии, где дети управляли куклами и произносили тексты, а зрителями были их родители и приглашенные ими гости.

С 1988 года на территории усадьбы в рамках знакомства с традиционными народными празднествами проходила Масленица. Игры, загадки, пляски, праздничные песни, хороводы, катание на лошадях, блины и прочие карнавальные приметы привлекали городскую публику. Несколько лет на усадьбе проводились и Троичные гулянья. Важно, что, организуя и проводя эти праздники, музей не считал своей целью возрождение обрядности. Речь шла о *знакомстве с традицией* прошлого века. Сценарии, создаваемые сотрудниками, отличались точностью интонации, традиция воспроизводилась с этнографической и исторической корректностью. Чаще всего актерами были сотрудники музея, но был и опыт тесного сотрудничества с фольклорными коллективами и театром «Балаганчик».

Театрализованные экскурсии появились в музейной практике в те же годы. «Путешествие в страну Воспоминаний» – первое посещение музея дошкольниками. Это знакомство с

музеем в игровой форме, оно дает представление о музее – хранителе памяти. Хозяйка музея – Фея Воспоминаний (иногда в ее роли был экскурсовод, а временами – и соломенная куколка, в которую как бы превратилась Фея) – вела детей в волшебную страну, где вещи умели говорить, где можно было, притаившись за колонной, услышать их истории и истории их хозяев.

В мемориальном доме проводились театрализованные экскурсии для младших и старших школьников. В них участвовало разное количество сотрудников; костюмированность была минимальной, но жизнь дома при этом становилась образно объемной, временная переключенность – остро осязаемой.

Игры-викторины на разнообразные темы вызывали живой отклик у преподавателей и школьников. Они могли быть заключительной частью циклов музейных занятий; такой была викторина «Все о музее» – с судьями в мантиях, с командными и персональными заданиями вроде письма гусиным пером; викторинами могли сопровождаться посещения выставок – «Сказка ложь, да в ней намек», «Приметы пушкинской поры».

Почти двадцатилетнюю традицию насчитывают фольклорные фестивали на музейной усадьбе. В Дни славянской письменности, в Международный день музеев, в Дни города, в дни, связанные с народными праздниками, выступления школьных фольклорных коллективов естественно и органично звучат на фоне старинных усадебных строений.

Идея фестивалей воздушных змеев возникла в связи с воспоминаниями о забавах маленького Николи. Собравшиеся на усадьбе дети участвуют в совместном сооружении огромного змея, украшают, расписывают его и запускают в небо. Это символический подарок, символическое поздравление, посвященное дню рождения Николая Чернышевского. Но фестиваль – это еще и конкурс; в небо взлетают змеи, которые дети принесли с собой. Самый «летучий» и самый красивый змеи награждаются призами. Конкурс-фестиваль как действие вплетен в общую атмосферу праздника: вспоминаем о том, какие игры любил Чернышевский ребенком, о том, что вполне современная забава имеет долгую и славную историю, о том, как и из каких материалов можно изготовить летающее чудо.

В программах для юношества сложилась система занятий, посвященных каждому виду экспонатов, вопросам организации экспозиции, проблемам общественным и личностным, связанным с конкретной исторически значимой персоной –

Н.Г.Чернышевским. Так, на одном из занятий, рассматривая детские прописи Чернышевского, определяли возраст документа, его характер; говорили о бумаге с водяными знаками и о гусином пере, и о старательности ребенка, и об усталости, которая явственно проявляется к концу страницы; читали тексты этих прописей, совсем не похожие на традиционные «мама мыла раму». Рука отца – священника начертала образцы, которые многократно воспроизводит мальчик: «Честный человек всеми любим», «Юным прилична скромность»... Что значат эти слова, почему они в прописях, надеялся ли отец, что ребенок, тысячу раз написавший слово «честный», никогда не станет лжецом и негодяем? Ребята размышляли, говорили о силе слова, говорили о силе привычки – привычна опрятность, привычно быть вежливым... А, может быть, необычайно трудно преодолеть привычку, инерцию быть честным?

В процессе анализа музейного предмета-документа возникает образ отца Чернышевского, выявляется его нравственный облик, его принципы воспитания, проявляются те духовные устои, на которых было основано общение в семье нашего героя. Эпоха, понимаемая как некое историко-культурное пространство, с человеком – личностью в центре – именно в этом ракурсе возможен серьезный разговор, вмещающий в себя проблемы не только познавательного, но и воспитательного спектра.

Огромным успехом пользовались проводимые в 1986–88 годах игры клуба «Что? Где? Когда?» для школьников старших классов и студентов. Вопросы для тематических игр, посвященных истории Саратовского края, биографии и творчеству Чернышевского, русской истории и литературе девятнадцатого века, предлагали представители музея; организацией игр и участием в самом действе были заняты молодые сотрудники Евгения Листвина и Александр Хомак. Публика собиралась на игры по газетным объявлениям; постоянный аншлаг и неувыдаемый интерес сопровождали эти «сезоны».

Музей был площадкой еще одного чрезвычайно интересного проекта, адресованного юношеству. Научный сотрудник музея С. Рыженков курировал поэтическое объединение «Контрапункт», которое собирало молодых саратовских литераторов и поэтов, представителей неформальных течений современной литературы. Кураторы находили совершенно естественным обращение к современному литературному процессу: в

19 веке Чернышевский как критик, литератор, редактор имел дело именно с современной ему литературой; будучи преподавателем саратовской гимназии, он считал необходимым вводить в курс литературы произведения современных ему писателей. В «Литературной гостиной» музея звучали стихи и проза, художники представляли свои картины, сюда приглашались известные писатели и поэты, проходили дискуссии, посвященные современному литературному процессу. Основными посетителями этих собраний была студенческая молодежь.

Необходимость создания своеобразного «специализированного продукта» – выставок, обращенных к детской публике, естественно диктовалась всей логикой общения с юными посетителями. Это могли быть выставки, ориентированные на изучаемые в школе имена и произведения литературы: («Пушкин и его современники»; «Синий чулок, или... «Женский вопрос» в девятнадцатом веке»; «Блажен незлобивый поэт» – о Гоголе; «Роман «Что делать?» – бестселлер 19 века» и т.д.). Другая группа выставок – игровые, предназначенные младшей детской аудитории («Там чудеса» – по сказкам А.С. Пушкина; «Я к Вам пишу...» – история почты и письма; «Все про книгу»; «Куклы, куклы...»; «Наша кунсткамера»). Третья группа – выставки детского творчества, представляющие художественные студии и школы, победителей конкурсов и семейные коллективы, результаты работы на усадьбе – «на пленэре» – юных художников.

Разные по тематике выставки разнообразны и по сценарному решению, хотя имеют общие принципы: они концептуальны, в них отчетливо выражена драматургия, огромную роль играет предметный мир. Кроме того, сама постановка проблемы подразумевает вовлечение зрителя в своеобразный диалог, делает его соучастником действия; выставочное пространство при этом требует создания своеобразных декораций, которые провоцируют «погружение» зрителя в другое временное измерение. Эффект погружения в атмосферу эпохи создается собственно музейными средствами, но в сочетании с некоторыми элементами театрализации. Интерактивность в этих выставках разнонаправлена; если в Пушкинской выставке ее центр – викторины, то в «Нашей кунсткамере» или выставке, посвященной истории почты, зритель вступает в контакт, в общение с самим предметом – участником выставочного действия.

В выставках детского творчества присутствовала возможность стать их участником или выразить свои зрительские симпатии, вступить в общение с авторами, например, приклеив к стене отзыв рядом с понравившейся работой. На выставке «Куклы, куклы...» после завершения экскурсии дети сворачивали тряпичных куколок традиционными приемами русских мастериц. Музей активно использовал возможности сотрудничества с саратовским радио: несколько лет вела там программу для детей научный сотрудник А. Хрястова, беседуя о музейных тайнах с любопытной Мышкой Ньюшей; занятия «Музейной азбуки» проводили для маленьких радиослушателей Л. Калинина, Л. Устиченко, Д. Сапожникова.

Сегодня в работе с детьми и юношеством музеев во многом использует опыт и принципы прошлых лет. Но за двадцатилетие сменилось поколение, и тогдашние дети приводят в музей уже своих детей. Это – другие, выросшие в новых условиях дети. Набор культурных кодов в значительной мере стал иным, и ныне музею вновь приходится задумываться о контактах с изменившимся миром с его почти безграничными информационными возможностями, об иных ценностных ориентирах, о конкуренции телевидения, Интернета, о скудости дисциплин гуманитарного цикла в школьных программах...

Приходится учитывать иной социальный контекст, трансформацию информационного пространства, общественный запрос – со всем этим связана ролевая позиция культурных учреждений и музея в частности.

Но определяющими в работе музея с детьми и юношеством остаются задачи, связанные с формированием ценностных ориентиров, свойственных нашей культуре.

Обращаясь к приемам и технологиям других культурных парадигм, музей не утрачивает главного: его голосом остается голос предмета, вещи, понимаемой как реальный факт ушедшего, прошлого. Деликатное, осторожное внедрение смежных «языков», использование современных технологий, отнюдь не замещающих музейной сущности – все это помогает музею находить общий язык с современным ребенком. Опыт двадцатилетних поисков и находок – прекрасная база, позволяющая, не утратив достижений этого периода, искать и находить новые формы ответов на вызовы меняющегося мира.

¹«Возрастной ценз» не являлся изобретением музея Н.Г.Чернышевского, долгое время считалось, что дети могут посещать музеи только с пятого класса.

²См.: Годовые отчеты музея // НА музея. Опись 1пр. Ед.хр. 217, 237, 239, 249, 261, 317.

³Силуэт памятника Чернышевскому – ранее визитная карточка города – незаметно исчез с открыток и заставки саратовского телевидения; тогда же театр оперы и балета перестал носить имя Чернышевского.

⁴Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей : учеб. пособие по музейной педагогике. М., 2001. С. 112.

⁵В 1990-е годы некоторое время в московских школах в рамках программы краеведения проводились уроки музееведения; в то же время в Иваново музейные уроки были обязательны для 1-4 классов всех школ города.

⁶Авторские программы Л. Калининой и Д. Сапожниковой. В разные годы творчески и, увлеченно работали с детьми по этим и по собственным программам Г. Мажара, Е. Пакалина, Т. Конкина, Н. Гришина, О. Штынько, Н. Чабанова, В. Раевнина, Е. Степанова.

Н.Ю. Кравченко

СОЦИАЛЬНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ МУЗЕЯ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (по материалам социологического исследования)

Современный музей представляет собой заботливо и бережно хранимые архивы, предметы, передающие атмосферу прошлого и память о выдающихся личностях, оказавших значительное влияние на исторический ход событий.

Изменения, происходящие в мире и в нашей стране, существенно повлияли на отношения между музеем и посетителем. Испытывая влияния таких процессов, как глобализация, виртуализация, современный посетитель ожидает от музея принципиально другой формы подачи материала, большей опоры на визуальные средства. Музеи попадают в условия жесткой конкуренции. Одним из условий успешной работы музея становится знание нового посетителя, его запросов и стремлений.

Выстраивая концепцию развития, руководство музея Н.Г. Чернышевского осознавало, что грамотное выстраивание маркетинговой стратегии невозможно без научной основы. Так

в 2008 году было начато сотрудничество социологического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского и музея.

Первое исследование, проведенное в рамках производственной практики студентов, было посвящено изучению целевой аудитории музея. Перед студентами-социологами ставились задачи выяснить, какое место в досуговой деятельности саратовцев занимает посещение музеев, знают ли саратовцы о работе музея Н.Г.Чернышевского, о проводимых в его стенах мероприятиях, а также получить информацию о том, что может привлечь посетителей в музей.

В рамках проведенного исследования было опрошено 303 человека в возрасте от 14 до 44 лет. Из них 46,2% мужчин и 53,8% – женщин. Больше внимание было уделено школьникам и студентам. Так, опрошенные в возрасте 14–19 лет составили 21,8%, а опрошенные в возрасте 20–24 лет – 20,1%.

Прежде всего, необходимо было выяснить, какое место в досуговой деятельности жителей Саратова занимает посещение культурных мест (в том числе музеев). Выяснилось, что свободное время «на природе» (лес, поездка за город) проводят 24,7% опрошенных. За «пассивный отдых дома» высказались 19,1%. При этом 15,1% опрошенных предпочитают проводить свободное время «дома, в кругу семьи». И лишь 9,9% в свободное время посещают культурные места – театры, музеи, консерваторию и т.д.

Подобное распределение времени досуга можно объяснить тенденцией «замедления времени», которую отмечают многие ученые. Это своего рода средство защиты индивида от ускорения темпа жизни, психологических и физических нагрузок, выпадающих на долю каждого человека. Жизнь ускоряется: приходится очень быстро реагировать на любые изменения и быстро при этом действовать, чтобы не отставать от времени. Поэтому сейчас все больше и больше людей считают настоящим счастьем, так сказать, «ничего не делать», предпочитают пассивные виды деятельности; посвящают свое свободное время не «выходам в свет», а своим родным и близким. С другой стороны, возможно, что, оставаясь дома, опрошенные тратят свободное время на быт, а не на досуг.

Удалось выяснить, что практически все опрошенные в 2008 г. бывали в каких-либо Саратовских музеях. Чаще всего они посещали музей им. А.Н. Радищева – 33,1%. На втором месте по посещаемости – музей Краеведения (31,4%). Тройку ли-

деров замыкает музей Н.Г. Чернышевского (17,4%). Следующий – музей Боевой славы (5,6% опрошенных). Музей К.А. Федина посещали 4% опрошенных, а музей П.В. Кузнецова – 3,6%. Надо учитывать, что в Саратове крайне мало мест проведения культурного досуга. К одним из таких мест относится мемориальный комплекс «Журавли», который находится на Соколовой горе. Это место семейного отдыха, которое саратовцы посещают с удовольствием. Но при этом музей Боевой Славы, действующий на территории этого комплекса, по посещению отстает от музея Н.Г. Чернышевского.

Важно было выяснить, из каких источников информации наши респонденты узнавали о существовании музея Н.Г. Чернышевского. Это позволит не только выявить ресурсы воздействия на целевую аудиторию, но и проверить эффективность уже действующей рекламы. Выяснилось, что чаще всего о существовании музея узнавали «от родственников» – так ответили 23,6% опрошенных, 19,6% узнали от «друзей», 14,5% – «увидели сюжет по телевизору». «Статью в газете или журнале» о данном музее прочитали 12% опрошенных. «От учителя или преподавателя» о существовании музея Чернышевского узнали 10,9%. Кроме того, звучали такие ответы, как «услышал репортаж по радио», «нашел сайт в интернете» и другие. Но таких респондентов немного – 5 и менее процентов. Безусловно, наиболее удачным каналом распространения информации о существовании музея являются родственники и друзья. Что касается СМИ, то наиболее эффективным и «работоспособным», в данном случае, оказалось телевидение. Менее эффективны печатные СМИ. Радио и Интернет находятся на одном из последних мест. Такое распределение можно объяснить не только социальными, но и экономическими причинами. По всей вероятности, рекламный бюджет музея не позволяет проводить полноценные рекламные кампании и задействовать все средства массовой информации. Если реклама музейных событий или выставок не проводится на постоянной основе, а действует только по информационным поводам, это значительно снижает ее эффективность. Для создания положительного имиджа музея и формирования установки у потенциальных посетителей на совершение действия – похода в музей необходимо вести постоянную рекламную деятельность.

В ходе исследования опрошенные разделились на две категории: в первую категорию вошли те, кто посещал музей

Н.Г. Чернышевского; во вторую – те, кто никогда его не посетил. Обе категории, согласно задачам исследования, заслуживают внимания. Однако более подробно мы остановимся на рассмотрении второй категории и постараемся выяснить, почему ее представителям не удалось посетить интересующий нас музей. Для того чтобы нагляднее представить полученные данные, посмотрим, какие причины «непосещения» указывали представители разных возрастов.

Для опрошенных в возрасте 14–19 лет наиболее существенной, важной причиной того, что им не удалось посетить музей, является «отсутствие информации о выставках, экскурсиях, проводимых в музее» – так ответили 28,6%. «Неинтересна личность Н.Г. Чернышевского» – так ответило 14,3% опрошенных. Что касается основной массы студенчества (20–24 года), то 50% из них такой причиной также считают «отсутствие информации о выставках, экскурсиях, проводимых в музее». Другая наиболее «популярная» причина (16,7%) – «неинтересна личность Н.Г. Чернышевского». Большинство опрошенных в возрасте (28,6%) 25–29 лет также указали на отсутствие достаточной информации о деятельности музея. Другими наиболее часто встречающимися вариантами были – «неинтересна личность Чернышевского» и «нет времени». На каждый из этих вопросов ответили по 9,5% опрошенных. Следующая возрастная категория – 30–34 года. Для большинства из них основной причиной «непосещения» стало «отсутствие информации о выставках, экскурсиях, проводимых в музее» (31,8%). Другим – «больше нравится другой музей» или у них «не было времени сходить». 21,7% в возрасте 35–39 лет указали на отсутствие информации о деятельности музея. При этом 13% опрошенных заявили, что им «неинтересна личность Чернышевского». Такое же количество ответили что им «больше нравится другой музей». С тем, что «нет информации о выставках, экскурсиях, проводимых в музее», согласились и 43,3% опрошенных в возрасте 40–44 лет. При этом второй значимой причиной является то, что данной категории опрошенных «больше нравится другой музей» (26,7%). Кроме того, для 20% опрошенных причиной «непосещения» явилась незаинтересованность в личности Н.Г. Чернышевского.

Итак, очевидно, что главными причинами, по которым опрошенные саратовцы не смогли посетить музей, является:

1. отсутствие информации о выставках, экскурсиях, проводимых в музее;
2. незаинтересованность в личности Н.Г. Чернышевского;
3. приоритет по отношению к другому музею.

Учитывая сложность проведения анализа по материалам лишь одного исследования, предположим, что любую из вышеперечисленных причин можно объяснить недостаточной рекламной и информационной деятельностью. Возможно, что есть и другие причины, объясняющие сложившуюся картину. Отметим тот тревожный факт, что практически в каждой возрастной категории от 20% до 30% опрошенных, то есть практически каждый пятый саратовец, не знают, где находится музей Н.Г. Чернышевского.

Причем, помимо двух основных причин, для представителей молодежи (14–30 лет) характерно и отсутствие интереса к личности Н.Г. Чернышевского. При этом чем старше человек, тем все чаще он говорит, что ему больше нравится другой музей. Привлекая в музей молодежь, не лишним будет учитывать отсутствие интереса к Н.Г. Чернышевскому, следовательно, этот интерес нужно различными средствами создавать, формировать и поддерживать. Что касается представителей среднего поколения, то, в силу своего возраста и определенного опыта, они уже смогли сделать выводы о том, какие музеи им нравятся больше, какие, соответственно, меньше, т.е. расставили приоритеты.

Что, по мнению наших респондентов, может повлиять на их решение пойти в музей Чернышевского?

Опрошенные в возрасте 14–19 лет пойдут в музей Н.Г. Чернышевского, если «узнают о нем больше информации» (16,7%) или «по собственному желанию» (16,7%). При этом по 8,3% опрошенных согласны пойти в музей лишь при условии, что их:

1. «обяжут» это сделать;
2. что в музее будет организована интересная выставка;
3. если музей станет модным местом;
4. если посоветует друг;
5. если будет больше свободного времени.

Люди в возрасте 20–24 лет согласны посетить музей Н.Г. Чернышевского при условии, что в нем будет проводиться «интересная выставка» (например различные фотовыставки). Так ответили 37,5% опрошенных данного возраста. На втором месте (по 12,5%) «расположились» такие причины, как «собст-

венное желание», «наличие свободного времени» и «если музей станет модным местом».

Представители 25–29 лет первостепенной причиной считают «организацию интересных выставок» (33,3%). Затем – «совет друзей» и «наличие свободного времени», каждый из вариантов выбрали по 22,2% опрошенных. Причем 11,1% данного возраста, указали на то, что согласны посетить музей Н.Г. Чернышевского виртуально.

Для опрошенных в возрасте 30–34 лет главной причиной, согласно которой они посетят музей, является «организация интересной выставки» (18,2%), а также, если «узнают о нем больше информации», «по совету друзей» или «при наличии свободного времени» (по 9,1% на каждый вариант ответа).

27,3% опрошенных 35–39 лет посетят музей, если «узнают о нем больше информации». «По собственному желанию» и «по совету друзей» в музей пойдут по 18,2%. При «наличии интересной выставки» и «свободного времени» – по 9,1% опрошенных данного возраста.

Основная причина, согласно которой посетит музей последняя категория опрошенных (40–44 года) – «если узнают больше информации о музее» (33,3%). При условии, что будет «организована интересная выставка» или «будет больше свободного времени», пойдут по 16,7% опрошенных данного возраста. 8,3% опрошенных пойдут «по собственному желанию».

Молодежь чаще всего указывала такую причину, как – «если узнаю больше информации» и «если будет организована интересная выставка». Кроме того, на их решение может повлиять тот факт, что музей станет «модным» местом. Для представителей среднего возраста две основные причины – «если узнаю больше информации» и «если будет организована интересная выставка». Но при этом для них немаловажно и «наличие свободного времени». Становится очевидна слабая сторона – это отсутствие информации о музее, что препятствует положительному решению населения посетить данный музей. Безусловно, опрошенные, если и посещают музей, то тот, который находится «на слуху», получение информации о котором не вызывает затруднений. Хорошим стимулом являются «интересные выставки». Это «пожелание» необходимо учитывать. Ориентируясь на молодежь как на потенциальных посетителей, имеет смысл прислушаться к их желанию видеть музей «модным местом», и для

этого музея следует проводить специальные молодежные мероприятия и т.д.

Итак, выше мы обозначили тех, кто не посещал музея. Теперь рассмотрим тех, кто уже посетил его, и выясним, кто и почему хочет попасть в музей еще раз и кто и почему, соответственно, этого делать не хочет.

Побывавшие в музее, хотя и в него вернуться, т.к. «относятся с интересом и уважением в личности Н.Г. Чернышевского» (31,6%). «Уникальность экспонатов» после первого посещения отметили 29,5% опрошенных. «Доступная стоимость входных билетов» порадовала 17,9% опрошенных. То, что музей «находится недалеко от дома», к вторичному посещению подвигнет 9,5% опрошенных респондентов. «Интересные выставки и концерты» привлекают 5,3% опрошенных и 1,1% посетителей хотя бы просто «освежить память».

Каковы же причины того, что некоторые опрошенные, уже побывавшие в музее не хотят посетить его вновь? Прежде всего, им «неинтересна личность Н.Г. Чернышевского», так ответили 28,1% опрошенных. 25% – не оценили «представленные экспонаты», «удаленность музея от дома» стала причиной, для 21,9% опрошенных, 15,6% объясняют причину отсутствием времени, и лишь 3,1% указали, что график работы музея неудобен.

Как мы видим, причины, по которым опрошенные хотят посетить музей еще раз или не хотят этого делать – практически совпадают. Казалось бы, противоречие «налицо». Если учесть, что 95 человек из опрошенных респондентов, хотели бы посетить музей еще раз, то очевидны сильные стороны функционирования музея: интерес ко всемирно известному земляку; уникальность представленных экспонатов и предлагаемые музеем услуги, мероприятия и выставки.

Следовательно, имеющийся потенциал необходимо развивать, но с учетом тех пожеланий, которые были сформулированы потенциальными посетителями. Прежде всего, необходимо направить усилия на повышение уровня информированности населения об экскурсиях, мероприятиях, проводимых в музее, о его «жизни» в целом. Как показало исследование, делать это лучше при помощи телевидения. Кроме того, необходимо уметь заинтересовать посетителей, чтобы они, в свою очередь, могли посоветовать своим родным, близким, друзьям также посетить музей. Важно учитывать пожелания, как молодежи, так и пред-

ставителей среднего возраста, чтобы действительно привлечь их в музей. Ориентируясь на молодежь, нужно показать ей, что музей – это не законсервированное образование, а атрибут современного общества, что посещение музея – это не скучная обязанность, а интересное времяпрепровождение для думающей, активной, современной молодежи. Представителей среднего поколения имеет смысл привлекать в музей наличием уникальных, неповторимых и единственных в своем роде выставок, экскурсий и т.д., такой информацией, которую они смогут получить лишь в данном музее и нигде больше. Но для того, чтобы все это работало, необходимо наладить систему «оповещения» населения обо всех изменениях, планах и проектах музея. Вот это должно стать, как показало исследование, основным направлением деятельности музея.

Нам очень приятно отметить, что, ознакомившись с результатами исследования 2008 года, руководство музея и сотрудники приняли во внимание предоставленную нами информацию и внесли коррективы в рекламную деятельность музея. В ходе проведения круглых столов с участием работников музея, преподавателей университета и студентов были поставлены новые вопросы, для ответа на которые проводятся новые социологические исследования, с опорой на качественную методологию: метод наблюдения и метод глубинного интервью. Результатом совместной с музеем работы должно стать развитие интереса к личности Н.Г. Чернышевского.

Также был составлен блок вопросов, выясняющих, какой комфорт должен быть обеспечен в музее, чтобы посещение музея стало для саратовцев желанной формой семейного досуга, какого уровня обслуживания ждет современный посетитель, какие требования к работникам музея, экскурсоводам он предъявляет. Надеемся, что после успешного завершения исследования мы сможем поделиться результатами в следующих публикациях.

Т.С. Конкина

ГАЗЕТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОМ
В 1864-1889 гг.

В уникальной музейной коллекции «Газеты и газетные вырезки досоветского периода» представлены газетные материалы, в которых речь идет о Н.Г. Чернышевском, его судьбе и творчестве или только упоминается имя писателя. Они отражают общественное внимание к фигуре Н.Г. Чернышевского на протяжении нескольких десятилетий, в разные политические эпохи.

Основные факты творческой и личной судьбы писателя всесторонне изучены и стали аксиомой его биографии. Однако изложенные с живой непосредственностью газетного текста в контексте прошедшей эпохи перипетии жизни опального писателя обретают драматическую остроту. Эта особенность газетного жанра определена спецификой предназначения газеты как средства массовой информации – быть сиюминутным откликом на «злобу дня». Газета не только выполняет общественно-значимые коммуникативные функции, но и фиксирует приметы времени, хранит культурные коды ушедших эпох.

Основатель коллекции – младший сын писателя М.Н. Чернышевский. В 1920 году им был передан в дар музею экземпляр газеты «Саратовский листок» № 221 от 15 октября 1889 года, на котором Михаил Николаевич оставил запись: «Последний номер, который папаша держал в руках»¹.

Среди газет – номер «Санкт-Петербургских ведомостей», датированный 21 (9) мая 1864 года, содержащий официально-лаконичное сообщение о предстоящей «расправе» над Н.Г.Чернышевским². Старейшая частная газета правительственного толка извещала: «19-го мая в 8 часов утра назначено публичное объявление на Мытнинской площади в Рождественской части, бывшему отставному титулярному советнику Николаю Чернышевскому (35 лет), высочайше утвержденного мнения Государственного Совета, которым определено: Чернышевского, виновного в сочинении возмутительного воззвания и передаче оного для тайного печатания, с целью распространения

и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления, лишить всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на 7 лет и затем поселить в Сибири навсегда»³.

Принято считать, что в течение нескольких десятилетий, с момента вынесения приговора по делу Н.Г. Чернышевского в 1864 году и до первой русской революции 1905 года, имя Н.Г.Чернышевского находилось под цензурным запретом. Несмотря на это, сведения о Чернышевском все же появлялись в печати.

В поддержку сказанного со страниц газеты «Новое время» от 5 ноября 1904 года звучит голос К.А. Скальковского, авторитетного «хроникера русской и отчасти европейской жизни»⁴, который в материале «Из дневника меланхолика», в частности, писал: «17 октября исполнилось пятнадцать лет со дня смерти Чернышевского. «Русские Ведомости» посвятили этому фельетон, где, между прочим, говорят, будто еще несколько лет назад нельзя было напечатать целиком имя Чернышевского. Это не совсем точно. Кроме других статей, еще в октябре 1889 г. был напечатан мной в «Новом Времени» целый фельетон по случаю смерти Чернышевского, вошедший затем беспрепятственно в книгу «Наши государственные и общественные деятели» стр. 310–321»⁵.

Несмотря на цензурные запреты, судьба опального писателя нашла освещение в газете «С.-Петербургские ведомости» в номере от 6 августа 1865 года⁶. В очерке П.А. Бобровского⁷ из цикла «Всякие. Нечто в роде повести», одним из действующих лиц был Н.Г.Чернышевский, образ которого выведен под именем Николая Гавриловича Самарского. Очерк стал первым печатным повествованием о писателе. Освещённые в нем эпизоды жизни в дальнейшем войдут во многие биографии писателя: «Он был преподавателем русской словесности в одном учебном заведении, где программы соблюдались особенно строго. Самарский не держался этих программ, а спокойно взялся за Пушкина да за Гоголя... Благодаря такой методе, он продержался в заведении, как говорится, без году неделю. Инспектор раз пришел в его класс, пришел в другой, в третий – все Гоголь, да Гоголь... Самарский с первого взгляда не производил никакого внушающего впечатления. Говорил он тихо, спокойно по-видимому, ничего резкого не проявлялось в речах его, и только ироническая, злая улыбка, которая сопровождала иногда сло-

ва его, оттеняла их... Он как будто рисовался этим спокойствием, которое было не что иное, как самая твердая уверенность в себе; это было спокойствие силы, которое, помимо диалектики – в ней тоже силен был Самарский – действовал обаятельно и неотразимо на многих. Трудно было найти человека более честного, более готового на всякое честное дело, более преданного тем убеждениям, которые он старался проводить в своей литературной деятельности и которых держался в жизни. С хорошим человеком он готов был поделиться всем; даровитому юноше он прокладывал дорогу, помогал всеми средствами; до страсти любя жену и предоставив ей полнейшую свободу, он чужд был ревности... он почти безвыходно жил в своем кабинете и не знал развлечений. Жизнь проходила мимо него, и он не имел почти возможности прямо наблюдать ее и раскусить людей как следовало бы»⁸.

В 1866 году газетные очерки А.С. Суворина с дополнением новых глав были изданы отдельной книгой «Всякие. Очерки современной жизни»⁹. О Чернышевском в книгу, кроме названного очерка, вошла глава о гражданской казни писателя. Описанный Сувориным безымянный «преступник», подвергшийся одной из самых унижительных расправ российской государственной системы над инакомыслящими, был безошибочно узнан современниками. Репортерская стилистика очерка, прочитывающееся сочувствие автора дают основание предполагать, что Суворин был очевидцем «гражданской казни» Н.Г. Чернышевского: «Устроен эшафот; подъезжает карета с конвойными, в толпе небольшой, за ранним временем и дождем, проходит смутный говор. Вот и преступник, в очках, с белокурой бородой, болезненным исхудалым лицом... Приговор прочитан... Болезненное, гнетущее выражение принимает лицо преступника, когда ставят его на колени и железными кольцами прикручивают к позорному столбу. Толпа совершенно смолкла, только дождь льет по-прежнему и мочит непокрытую голову несчастного... Но вот преступника освобождают из железных колец; он поднимается. Вдруг из толпы кто-то крикнул: «Прощайте, прощайте!» – Кто сказал: «Прощайте»? Все молчат и оглядываются друг на друга. Летит букет, другой...»¹⁰. В очерке автор выразил не только собственное сочувствие к Н.Г. Чернышевскому, он попытался передать и общественное мнение, которое, видимо, к тому времени было в определенной степени сложившимся. Оно нашло выражение в двух деталях повество-

вания: восклицании «прощайте, прощайте!», в котором преобладает семантика признания вины общества перед казнимым, в том, что оно не смогло встать на его защиту, и букет, летящий к ногам «преступника» – своеобразный символ признания заслуг писателя перед соотечественниками. Книга была признана опасной и подверглась сожжению, ее автор оказался под судом и был приговорен к двум месяцам тюрьмы, замененным тремя неделями гауптвахты¹¹.

Перу А.С. Суворина под псевдонимом «Незнакомец» принадлежит статья в «С.-Петербургских ведомостях» из цикла воскресных фельетонов «Недельные очерки и картинки», выходящих со второй половины 60-х годов. Датировка этого фельетона требует пояснений. М.Н. Чернышевским публикация отнесена к материалам газеты «Новое Время» от 13 апреля 1880 года¹², что вызывает сомнения, так как уже в 1875 году Суворин, подводя итог своему циклу фельетонов, предпринял их отдельное издание, выпустив две книжки «Недельных очерков и картинок». С. Венгеров писал об этом издании: «Недельные очерки, написанные большей частью на злобу дня, в значительной степени уже утратили интерес, но раскуплены были за несколько дней – факт для книжной торговли того времени почти небывалый»¹³.

В 1876 году Суворин вместе с В.И. Лихачевым приобретает газету «Новое время», а значит, вести цикл другого печатного издания на страницах своей газеты он мог теперь только из особых соображений. Они, видимо, заключались в следующем: Суворин дорожил признанным авторитетом «Незнакомца», а также популярностью у читателей самих «Недельных очерков», – все это являлось тем наработанным капиталом, который не мог не использовать издатель для повышения популярности теперь уже своей газеты.

Информационным поводом нового выступления Суворина послужила статья в газете «Берег», (издавалась в Петербурге в 1880 году), затронувшая один из острейших российских вопросов – «что значит – свобода печати?». Газета «Берег» имела репутацию консервативного печатного органа, всецело поддерживавшего внутреннюю и внешнюю политику царизма, восхвалявшего К.П. Победоносцева, одного из вдохновителей политической реакции¹⁴. Суворин выступил в качестве оппонента «Берега». Используя свой писательский и читательский опыт, он смело и иронично, в духе политического памфлета рассу-ж-

дал на обозначенную тему. Кульминация очерка выражена не только композиционно, но и графически. Фрагмент текста, цитирующий основной вопрос «Берега» дан разреженным шрифтом: «Но какой же свободы недоставало в период знаменитой деятельности гг. Чернышевского, Добролюбова, Писарева и т. д.? Что же сказали эти «мыслящие критики» и их последователи?» – спрашивает «Берег». На этот вопрос «можно отвечать одним словом «настоящей», – утверждает Незнакомец и продолжает: «Это была свобода подцензурная, свобода фокусничества мысли, ее увертливости и умение сказать то именно, что говорить строго воспрещалось. Талант диалектики тут помогал как нельзя более и никакая цензура не могла справиться с этой талантливостью, с этим умением проводить свою мысль среди тысячи загородок»¹⁵. В статье выражена явная симпатия Суворина к Чернышевскому (и она была сильнее запретов писать о Чернышевском), проявлен его протест против действий реакционной журналистики.

К 1880 году относится еще одна публикация в суворинском «Новом времени» с упоминанием Чернышевского. 29 февраля в разделе «Внешние известия» напечатана статья А. Молчанова с подзаголовком «Париж, 24 февраля (7 марта) (Корреспонденция «Нового времени»)»¹⁶. Тема статьи – «дело Гартмана», имевшее международный резонанс, едва не приведшее к разрыву дипломатических отношений России и Франции¹⁷.

В связи с «инцидентом Гартмана» автор статьи упоминает другое скандальное, тоже связанное с Россией «дело о нигилистах». Передается разговор корреспондента «Нового времени» с префектом полиции: «– Просто покоя нет с вашими нигилистами... вот опять двух должны были разыскивать и арестовать. – Кого же? – Ч-го и Д-а – двух молодых людей очень приличной внешности...»¹⁸. Несомненно, имеются в виду Чернышевский и Добролюбов. Неслучайно и М.Н. Чернышевский приведенный фрагмент выделил красным карандашом. Упоминание этих лиц в данном контексте, в 1880 году(!), по известным причинам, условно и имеет знаковый характер. Оно свидетельствует о большой известности Чернышевского и Добролюбова в Европе, и о той ассоциативной связи в умах европейцев, которая накрепко связала эти имена с крамольным российским «нигилизмом», как высшим проявлением устремлений опреде-

ленной части общества к разрушению старых социально-политических устоев.

1881 год можно назвать переломным в отношении общества к судьбе Н.Г. Чернышевского. Поводом послужила опубликованная 15 января газетой «Страна» статья в две газетные полосы о необходимости освобождения Н.Г. Чернышевского. Публикация имела большой общественный резонанс, вызвав ряд откликов в прессе. И.С. Тургенев в письме П.В. Анненкову в Париж от 22 января (3 февраля) писал: «Получаете ли Вы в Бадене «Страну»? Прочли ли Вы в N-е от 15 января статью о Чернышевском? Если нет, скажите – я Вам ее вышлю – а Вам советую подписаться на эту лучшую нашу газету. Статья эта – благородный поступок честного человека, желающего добра правительству»¹⁹.

Статья имела характер редакционной публикации – автор указан не был, но рукою М.Н. Чернышевского на отдельном листе, в который вложена газета, написано имя предполагаемого автора – «Л. Полонский»²⁰ – издателя и редактора «Страны». Газета выходила в Петербурге. Как столичное издание считала себя всероссийским органом печати и касалась в своих публикациях предметов, имеющих всеобщий интерес. Будучи в основном выразительницей либеральных настроений, «Страна» воздавала хвалу Александру II, но допускала и вольности; в числе таковых – публикация о необходимости помиловать Н.Г. Чернышевского. Автор статьи объявлял вилюйского узника «жертвой реакции», который «едва прозябает... лишенный всех условий человеческого существования»²¹.

В статье, в частности, отмечалось: «Блестящий публицист начала 60-х гг., главный двигатель, душа запрещенного «Современника», Чернышевский был первой жертвою реакции... Суд над ним был негласный, не похожий на последовавшие, многочисленные политические процессы. За что он был осужден, никогда русскому обществу не было ясно и в обществе нашем – верно ли, нет ли, осталось такое впечатление, что улики в преступлении были слабы, что осужден Чернышевский в действительности, лишь за свою работу, как писатель, за статьи, напечатанные с одобрения цензуры. Он оставил позади себя – семью, находящуюся в крайности; оставил и все русское общество – в недоумении болезненном. Как! Время лучших надежд, три года после освобождения крестьян, могло так покарать талантливое русское писателя, могло так истоптать челове-

скую личность, разорить целую семью... За что?... Теперь хотят излечить зло, в то время посеянное. Но надо лечить его в самых его корнях. И теперь еще не поздно, – благо университеты еще существуют в России, и благо Чернышевский все еще жив... Не поздно еще исправить дело, насколько возможно умиротворить общество, начав с начала»²².

За публикацию о Чернышевском 16 января 1881 года газета «Страна» получила предостережение.

Сохранились свидетельства, что публикация в «Стране» обсуждалась в семье Чернышевских. «"Страна" получила предупреждение, но это более для вида», – писал М.Н. Чернышевский матери 17 января 1881 года²³.

Газета «Порядок»²⁴ от 17(29) января 1881 г. выступила с откликом на эту статью, который был созвучен с общим позитивным контекстом всего номера, настраивавшим общество «на добрые надежды» в наступившем году. В числе таких «добрых надежд» говорится о необходимости перелома в судьбе Н.Г. Чернышевского: «В последнем № газеты "Страна", передовая статья указывает еще на "один, весьма крупный залог", который можно было дать, если, в самом деле, желают "умиротворения", а именно, на возвращение на родину, если не полную амнистию, Н.Г. Чернышевского». В заключении автор отмечает: «Ходатайство есть священное право каждого, и никто нигде им не оскорбляется; – если до сих пор им не пользовались в данном случае, то единственно из опасения ухудшить положение того, о ком ходатайствует. Время переменялось, – и теперь на языке является то, что было до сих пор у всех на уме»²⁵.

Январские номера газеты «Порядок» могли попасть в круг чтения и Н.Г. Чернышевского: «Стал получать за нынешний год газету «Порядок», – сообщал он сыну Михаилу 1 мая 1881 года²⁶.

Газета «Новое время» в разделе «Обзор печати» опубликовала небольшую заметку с откровенной язвительно-иронической интонацией по поводу «чисто-технических» проблем, якобы возникших в «Русском курьере»²⁷ в связи с их планами представить выдержки из передовой статьи газеты «Страна». «Было бы гораздо лучше, – пишет «Новое время», – если бы «Русский курьер» сказал просто, что он струсил, гораздо лучше потому, что это была бы правда. «Чисто-технические» соображения могут помешать приготовить лишнюю сотню бу-

тылок ланинской воды, но не могут помешать включить в номер несколько десятков строк. Куцые зайцы, с Ланиным во главе...»²⁸.

Волна выступлений в прессе в защиту вилюйского узника, многократно повторенный призыв «Страны» имел значение четко сформулированного политического требования, открытого выражения общественного мнения, с которым властям пришлось считаться. В 1883 году под натиском ультимативных требований народовольцев правительство приняло решение об освобождении Н.Г.Чернышевского из сибирского заточения²⁹.

Интерес к личности Н.Г.Чернышевского, к его «таинственной», трагической судьбе в 1883 году проявлялся не только в России. 11 декабря английский журналист Э.Нобль публикует в газете «Daily News»³⁰ статью под многозначительным названием «A Russian political prisoner» («Русский политический пленник»). Статья рассчитана на сенсацию: корреспонденту газеты довелось первым поведать европейскому читателю о личном свидании с русской знаменитостью – Н.Г.Чернышевским, недавно вернувшимся из Вилюйского заточения. Уже первые строки публикации показывают высокую степень интереса европейских читателей к личности опального русского писателя. «Тайну, которая так долго покрывала участь одного из замечательнейших представителей русского нигилизма, можно ныне считать окончательно рассеянной. Я видел и беседовал с Чернышевским, слышал историю его из собственных уст... Чернышевский принял меня со смешанным выражением приветливости и сдержанности, одинаково естественных в его характере и положении. К этому я приготовился. Но я не предвидел, что все предвзятые предположения на его счет будут столь резко разбиты при первом появлении его, когда он вышел и пожал мне руку. Я представлял его себе человеком, преждевременно состарившимся, с лицом, волосами и фигурой, носящими ясные черты девятнадцатилетней ссылки. Но вместо расслабленного ссыльного, неоднократно изображенного в нигилистической литературе, предо мной стоял прямой, широкоплечий, крепко сложенный и подвижный человек, с виду на десять лет моложе своего 55-летнего возраста»³¹.

Представленная портретная характеристика Н.Г. Чернышевского подчинена основной цели статьи – привлечь внимание, что было заложено темой публикации. Подробности внешнего вида Чернышевского в трактовке английского журналиста в определенной мере не совпадают с большинством мему-

арных свидетельств. В частности, В.Г. Короленко вспоминает, что «фигура [Н.Г.Чернышевского. – Т.К.] сначала показалась совсем молодой. Эту иллюзию производили в особенности его каштановые волосы. Но когда я взглянул ему в лицо, – у меня как-то сжалось сердце: таким оно показалось мне истрадавшимся и изможденным...»³². Однако, самое первое впечатление от встречи с писателем у всех, кто общался с Н.Г.Чернышевским незадолго до его кончины, удивительным образом созвучны. Все пишут о молоджавости, которая объяснялась «живостью ума». Так в своих воспоминаниях об отце М.Н.Чернышевский отмечает: «Он не казался мне больным – напротив, меня, как всегда поражала его необыкновенная бодрость и молоджавость... Его смело можно было считать лет на десять моложе, в особенности когда он вел обыкновенную беседу...»³³.

Полный перевод статьи о Чернышевском из «Daily News» появился в русских газетах значительно позднее, в 1909 году. В 1883 году лишь в некоторых изданиях были напечатаны ее фрагменты. В частности, газета «Новое время» 17 декабря 1883 года под названием «Daily News» о Чернышевском» и подзаголовком «Рассказ корреспондента Daily News» опубликовала краткий пересказ статьи английского журналиста³⁴.

Среди газет, составивших собрание живых голосов свидетелей того времени – номер «Нового обозрения» (Тифлис, 15 апреля 1885 года), содержащий восторженный отклик на статью «Характер человеческого знания» г. Андреева в «Русских ведомостях» (1885 г., 6 и 7 марта)³⁵. Первоначально статья была предложена «Вестнику Европы», который ее, как писал А. Захарьин к Н.Г. Чернышевскому, «принять, кажется, побаивается, по крайней мере так я понял из слов Сашеньки [А.Н. Пыпина. – Т.К.]»³⁶.

Публикация в «Новом обозрении» приобретает особую значимость, так как позволяет через исторический документ, обладающий неоспоримой достоверностью, понять истинное восприятие современниками творчества Н.Г. Чернышевского в этот не самый лучший период биографии писателя. Ни читатель, ни, правомерно предположить, автор отклика на статью «Характер человеческого знания» не подозревали, что статья вышла из-под пера блестящего мыслителя, «властителя дум молодого поколения» 60-х годов, прошедшего через жестокую пытку молчанием, одиночеством, нечеловеческими условиями

многолетнего бытования в суровом климате Сибири и Якутии. «То и дело приходится нам оплакивать смерть или уход с литературной сцены крупных талантов и сил, но редко, очень редко приходится приветствовать появление новых, – пишет автор статьи. – Мы рады, что можем на этот раз поздравить себя и читателей с появлением на литературном поприще силы весьма крупной величины.... Мы давно, очень давно, не встречали в нашей литературе ни такой силы мысли, ни такой полемической живости, ни такой сильной уверенности в истине проводимых взглядов. На нас повеяло от нее чем-то бодрым, свежим, молодым, она напомнила нам что-то давно как будто даже забытое... Особенно поражают эта свежесть и бодрость, этот светлый, умный и полный веры в себя взгляд – теперь, когда вся передовая часть нашей литературы приняла какой-то унылый, паралично-старческий вид»³⁷. Автор выражает надежду, что г. Андреев в следующих своих публикациях «развернет перед нами в стройном и последовательном порядке всю картину своего мирозерцания. С величайшим нетерпением будем ожидать дальнейших статей его»³⁸.

Эти строки написаны о Чернышевском, и являются непредвзятым и однозначным ответом на один из вопросов, часто звучащих и сегодня: как повлияла многолетняя ссылка на Н.Г. Чернышевского, на его мыслительную деятельность. Впервые этот вопрос возник в 1904 году в связи с публикацией в ноябрьском номере журнала «Русское Богатство» «Воспоминаний о Чернышевском» В.Г. Короленко.

Наряду с неизвестными и долгожданнами сведениями о Чернышевском, автор приводит иносказательный рассказ о молодом человеке, который выпил старое вино и заснул на несколько веков. По мысли Короленко, то же произошло и с Чернышевским: двадцать лет, в течение которых он был изолирован от общества, стоили России целого века. Чернышевский же «остался прежним... тогда как мы пережили за это время целое столетие опыта, разочарований, разбитых утопий и пришли к излишнему неверию в тот самый разум, перед которым преклонялись вначале»³⁹. Это суждение Короленко вызвало бурную полемику вокруг имени Чернышевского⁴⁰.

Особое место в коллекции занимают газетные вырезки 1889 года – года смерти Н.Г. Чернышевского. Здесь представлена двадцать одна публикация. Среди них – некролог историка, публициста и литературоведа В.Е. Якушкина, опубликованный

в газете «Русские ведомости» от 18 октября 1889 года. Само существование этого материала ставит под сомнение распространённое утверждение: «некрологи на смерть Н.Г. Чернышевского были немногословны, не касались его творчества, перипетий судьбы и были немногочисленны». В публикации достаточно полно освещены все главные этапы жизни Чернышевского, названы основные произведения писателя, однако допущены некоторые неточности в датах. «Телеграф принес известие о кончине Николая Гавриловича Чернышевского. Это имя было одним из известнейших и популярнейших в нашей литературе, хотя вряд ли можно найти другое лицо, вокруг которого скопилось бы столько вражды и ненависти. Но перед открытым гробом, перед незасыпанной могилой должны смолкнуть враждебные чувства, если только их и раньше не смягчила тяжёлая судьба покойного... Каковы бы ни были ошибки и заблуждения Н.Г., он искупил уже их тяжёлою ссылкой, как это и признано правительством, милостиво облегчившим его судьбу за последние годы и давшим ему возможность вернуться к литературной работе. Первые годы его оживлённой деятельности и та эпоха общественных волнений, когда Н.Г. был подвергнут наказанию, – все это уже далеко от нас, все это историческое прошлое, к которому мы можем относиться спокойно и бесстрашно. Теперь, перед могилою Н.Г. Чернышевского, нельзя не вспомнить его, как выдающегося экономиста и как публициста, выступившего в 50-х годах защитником важных общественных интересов, которые были выдвинуты тогда начинавшимися преобразованиями, – как писателя, влиятельно поддерживавшего энергию общественной мысли»⁴¹.

Столь же обширны и обстоятельны некрологи в газетах «Новое время» и «Новости». К. Скальковский в «Новом Времени» от 21 октября 1889 года писал: «Скончавшийся в Саратове Николай Гаврилович Чернышевский принадлежит к числу наиболее выдающихся русских литературных деятелей нашего времени, влияние которого политическое и литературное было даже, может быть, более значительно, чем следовало бы ждать по размерам или оригинальности идей этого писателя. Чернышевский брался за все темы, писал обо всем, но, главным образом, был публицист и, как публицист, он поистине стал на целое десятилетие, а может быть и более, «властителем дум» нашей молодежи и так называемой "интеллигенции"...»⁴².

В статье впервые была обозначена проблема феномена воздействия Н.Г.Чернышевского на современников, предпринята попытка ее объяснения: «Успех этих писаний был чрезвычайный. Хотя и без пособия цензуры скоро началась реакция и органы Каткова первые стали обличать смутность и опасность идей, проповедуемых Чернышевским, но «Современник» царил между всеми органами русской печати и вызвал подражателей. Сила Чернышевского была велика именно тем, что это был фанатик своих идей и в этом отношении прямолинейностью и внешнею логичностью напоминал корифеев революционного движения во Франции в конце прошлого столетия. Притом он жил исключительно для литературы, работая день и ночь». Здесь же содержится указание на издание первого собрания сочинений Чернышевского: «еще не совсем полное, вышло в Швейцарии, в Вевз, в 4-х томах, в 1868–70 годах».

В некрологе нашли отражение события, связанные с публикацией статьи в защиту Н.Г. Чернышевского, опубликованной в газете «Страна»: «Граф Лорис-Меликов⁴³, искавший всяких случаев для успокоения общества, собирался ходатайствовать о помиловании Чернышевского и о дозволении ему вернуться в Россию. Граф полагал, что помилование снимет с сосланного писателя ореол мученичества. Это предположение не исполнилось, так как «Страна» написала весьма бестактную статью, чуть не требуя означенного помилования. В 1883 году Государь Император по докладу графа Толстого помиловал Чернышевского...».

Газета «Новости» от 20 октября помещает «Некролог», в котором Н.Г. Чернышевский назван «известным писателем», указаны все основные направления его деятельности как журналиста, ученого, общественного деятеля, в том числе его роль в крестьянской реформе: «Вопрос капитальной важности, каковым тогда был крестьянский, затрагивавший экономические и правовые отношения в государстве и требовавший исторического его освещения, привлек особое внимание молодого ученого и публициста, со 2-й половины 50-х годов занявшегося преимущественно политико-экономическими вопросами»⁴⁴.

Эта же газета от 26 октября 1889 года под заголовком «Нам пишут из Саратова», дала подборку материалов, подготовленных К.М. Федоровым – секретарем Н.Г. Чернышевского в Астрахани. Основное внимание автор уделяет рассказу о последних работах писателя и планах, большинству из которых не

суждено было реализоваться: «Покойный Н.Г. хотел заняться приготовлением второго тома «Материалов для биографии Н.А. Добролюбова», первый том которых, под названием «Переписка» также в настоящее время печатается в Москве... Все примечания в 1 томе сделаны покойным Н.Г. Чернышевским, считавшим Николая Александровича своим дорогим другом. Кроме того, покойный Н.Г. страстно желал перевести «Brockhaus Conversations – Lexikon», так что, когда он узнал из газет, что Брокгауз сам предпринимает русское издание этого словаря..., сказал: «Ну вот, Константин Михайлович (имя секретаря покойного, жившего почти 5 лет с ним вместе), мы хотели перевести словарь-то; Брокгауз сам хочет издать его и уже пригласил редактором А-го. Только не знаю, выйдет ли толк: А-го – я не знаю, который это, – может быть и умный человек, а только в словарь напихает всякой мелочи, вроде каких-нибудь мелких немецких художников, скульпторов и т.п.». Публикация, кроме того интересна и тем, что передает особенности разговорной речи писателя. В заключении, как бы вскользь, рассказывается о факте по сути незначительном, но свидетельствующем об интересе в обществе к подробностям жизни Н.Г.Чернышевского. «Между прочим, у бывшего секретаря Николая Гавриловича, К.М.Ф., есть стихотворение, написанное и подаренное покойным Константину Михайловичу в прошлом году, когда тот уезжал в Москву для отбывания воинской повинности»⁴⁵.

В отличие от столичной прессы, местные газеты в освещении смерти Н.Г. Чернышевского были лаконичны⁴⁶. «Саратовский Дневник» от 18 октября опубликовал краткий некролог, в котором сообщались самые общие сведения из жизни и деятельности Н.Г.Чернышевского, не было упомянуто о годах его каторги и ссылки, о романе «Что делать?», научных и публицистических произведениях⁴⁷. Эта же газета 19 и 20 октября поместила сообщение: «С 16 на 17 октября, в 12 ч. 37 м. ночи, скончался Николай Гаврилович Чернышевский. Панихиды в квартире покойного (против бульвара, д. Никольского, близ Армянской улицы) ежедневно в 10 ч. утра и 7 ч. вечера. Вынос тела в пятницу, 20 октября, в 9 ч. утра, в церковь Св. Сергия, а погребение на Воскресенском кладбище»⁴⁸. 22 октября появилась также краткая информация о похоронах писателя, в которой, в частности, отмечено: «никаких речей произнесено не было. – 21-го октября, поздно вечером, доставлена телеграмма из

Одессы с просьбою возложить венок с надписью «от почитателей и почитательниц Одессы»⁴⁹. 31 октября газета поместила заметку: «Из Варшавы нам пишут: 23 октября в домово́й церкви преосвященного Леонтия по просьбе русских студентов университета и ветеринарного института была отслужена заупокойная лития о недавно скончавшемся Н.Г.Чернышевском»⁵⁰.

В контексте газетных публикаций этого времени по-иному звучат статьи газеты «Гражданин», которая издавалась в Петербурге кн. В.П. Мещерским и относилась к «реакционной» прессе. Начиная в 1872 году издание газеты, князь ставил перед собой задачу: «Основать орган консервативный в защиту церковного авторитета, самодержавия и в обличение всех увлечений либерализмом»⁵¹.

Автором статей о Чернышевском был сам Мещерский, значительная часть материалов публиковалась под его литературным псевдонимом «Раффо». Статьи окрашены интонацией снисходительного порицания неосмотрительной горячности натуры Н.Г.Чернышевского и его творческой Деятельности, порою переходящей в откровенную неприязнь. В «Гражданине» от 20 октября 1889 года, в публикации под названием «Дневник» он пишет: «О времена, о нравы, говорит французская поговорка. Умер Чернышевский – и имя это, в последний раз после большого промежутка, прозвучит кое-где и замрет навсегда... А что это имя изображало собою в начале шестидесятых годов, когда вспомнишь, сколько оно имело обаяния: и *какой-нибудь* церковный и научный гений, как Филарет московский, или государственный гений, как Муравьев, – в ту пору казались, помню я, маленькими людьми для либералов-интеллигентов в сравнении с Чернышевским – как публицистом, проповедником социализма и моралистом...»⁵².

Автор говорит о деятельности Чернышевского, сожалел об отсутствии рядом с ним честного человека, который мог бы вовремя образумить писателя. «Вот уж про кого можно было сказать совершенно справедливо: среда его загубила. Журнальная среда его подняла, и она же его свалила и сгубила. В ту пору потребность на бойкие перья и либеральные умы была горячею жаждою. Сын бедного священника, необыкновенно способный и даровитый, молодой Чернышевский, кроме этих дарований, привез с собою в Петербург целый осадок в душе той духовной сажки, которая натлилась в нем, как роковая принадлежность бурсацкого развития, и достаточно было первого со-

прикосновения этого осадка с тогдашнею литературною средою, чтобы эту сажу зажечь и дать ему воспламениться пожаром самого сильного либерализма. Время и среда были такие, что, чем даровитее был либерал, тем сильнее загоралась в нем социалистическая страсть, и множество подлецов той эпохи из того лагеря (теперь слывущих за спокойных деловых людей) очень рады были таких молодых и впечатлительных даровитых людей пускать вперед застрельщиками, чтобы играть их жизнями, а свои дешевые шкуры беречь для чиновных карьер, – и вот Чернышевский, подстрекаемый со всех сторон успехами своего свободного мышления и подуськиваниями, как я их называл, подлецов того лагеря, пошел и пошел по своему роковому пути беспочвенного либерализма до минуты, когда журнальной и газетной деятельности ему стало мало и разгоравшиеся в нем страсти повлекли его прямо на путь революционной пропаганды. Не нашелся ни один человек в этой среде либералов, не столько благородный, чтобы предостеречь молодого человека от гибели, на которую он шел...»⁵³. Неприкрытое морализаторство звучит и в финале статьи: «После ссылки он вернулся к свободной жизни – разочарованным, постаревшим и, увы, слишком поздно постигшим, насколько эти увлечения либерализма безумны потому, что они – в резком и непреодолимом разладе с разумом и духом русской народной жизни. Он умер успокоенный и усталый – искупив годами страданий тяжкие грехи своей молодости...»⁵⁴.

24 октября 1889 года в рубрике «Заметки прозаика» «Гражданин» воспроизводит один из распространявшихся в определенных кругах, вымышленный слух о Чернышевском, созвучный оценкам Мещерского судьбы писателя. «Мне рассказывал один почтенный господин, – пишет Мещерский, – очень интересную подробность про Чернышевского в эпоху сильнейшего разгара его либерального творчества, в ответ на мою мысль о том, как виноваты были люди той эпохи, не проявившие никакой сердечной заботы о спасении Чернышевского от ложного пути. Это было в начале шестидесятых годов. Господин этот занимал тогда место, ставившее его в сношения с журналистами. Однажды он увиделся с Чернышевским. Разговор начался вопросом, обращенным к Чернышевскому: зачем он свои несомненные дарования направляет так ложно? Беседа продолжалась более часа. Господин этот говорил от полноты сердечного участия, и, когда он кончил, Чернышевский голо-

сом, в котором дрожали душевные ноты, сказал ему: знаете ли, что вы первый со мною говорили так задушевно и тепло. Спасибо вам. И верьте, ваши слова даром не пропадут... Но, увы, было уже поздно. Час роковой близился... Чернышевский был арестован... Во всяком случае этот факт в высшей степени интересен как доказательство, сколько можно сделать полезного человеку, на самом ложном пути находящемся, когда относишься к нему с сердцем и теплотою...», – заключает автор публикации⁵⁵.

В этой же рубрике 11 ноября 1889 года Мещерский, анализируя провинциальную прессу, с нескрываемым раздражением пишет: «в отделе «печати» – сведение всех панегириков в честь Чернышевского; причем он именуется газетою «Каспий» великим человеком, про которого приводится из другой провинциальной газеты, из знаменитого «Астраханского листка», что когда Чернышевский жил в Астрахани, то к нему отовсюду приезжала молодежь просить советов; – и ответ на их вопрос – «Что делать?»... Положим, ужасного тут ничего нет, как преступление; но вздумайте хорошенько в эту фальшь. Вице-губернатор, то есть второе правительственное лицо в губернии, санкционирует своею подписью, значит своим согласием – признание государственного преступника газетою «Каспий» великим человеком! Ну, как это объяснить, как с этим примириться, и весь простой народ целой губернии должен учиться, читая эту газету, что на Руси недавно умер великий человек, именно Чернышевский»⁵⁶.

Таким образом, газета в конце XIX–начале XX вв. будучи единственным средством социальной коммуникации, могла удовлетворять информационные потребности общества и осуществлять взаимонаправленный диалог пресса-читатель. Коллекция газетных публикаций демонстрирует факт обращения в печати к имени Н.Г. Чернышевского несмотря на правительственный запрет. Этому способствовал и тот факт, что со II половины XIX века газетное дело в России становится выгодным коммерческим предприятием. В прессу приходят люди, для большинства из которых прибыль является основным стимулом деятельности. Чернышевский оставался знаковой, общественно-интересной фигурой, а его личность, «таинственность судьбы» волновали читателя настолько, что издатели шли на риск, но удовлетворяли информационные потребности общества, что гарантировало читательский спрос на газету.

¹Муниципальное учреждение культуры «Музей Н.Г. Чернышевского» (в дальнейшем МУК «МЧ») ОФ. № 92.

²Газета «Санкт-Петербургские ведомости» выходила в 1728–1917 гг., имела официальный характер. Так в № 58 от 20 июля 1826 года на ее страницах опубликовались обвинительные материалы по делу декабристов. Впервые имя Н.Г. Чернышевского в «С.-Петербургских ведомостях» появилось 11 марта 1862 г., сообщалось о публичном выступлении писателя с воспоминаниями о Н.А. Добролюбове. См. подробнее: Краснов Г. В. Выступление Н.Г. Чернышевского с воспоминаниями о Н.А. Добролюбове 2 марта 1862 г. как общественное событие // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965.

³МУК «МЧ». ОФ. № 124. В 1863 году редактором газеты стали либеральный деятель В.Ф. Корш. При нем «С.-Петербургские ведомости» выступали в защиту реформ 60-х годов, вели резкую полемику с реакционными органами печати.

⁴Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых : биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб., 1914. С. 428.

⁵МУК «МЧ». ОФ. № 3842/173. Упоминается книга: Скальковский К. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891.

⁶Там же. ОФ. № 3842/203.

⁷П.А. Бобровский – литературный псевдоним А.С. Суворина.

⁸МУК «МЧ». ОФ. № 3842/203.

⁹По расчету Суворина, книга не должна была подвергнуться предварительной цензуре, т.к. считалась переизданием, уже имеющих визу глав, но в связи с террористическим актом Каракозова, цензура была усилена, и расчет Суворина не оправдался.

¹⁰Суворин А. С. Всякие. Очерки современной жизни. 2-е изд. СПб. 1909. С. 220-221.

¹¹В 1909 году книга А.С. Суворина «Всякие. Очерки современной жизни» вышла вторым изданием. В обращении к читателям Суворин писал: «Окружной суд нашел, что «книга эта написана именно с тою целью, чтобы поколебать общественное доверие к правительству, и включает в себе резкое порицание существующего порядка вещей и сожаление о неуспешности попыток ввести новый порядок, задуманный лицами, образ мыслей и действий которых признан правительством вредным и которые подвергнуты законному преследованию». Там же. С. 3.

¹²МУК «МЧ». ОФ. № 3842/121.

¹³Брокгауз Ф., Ефрон. А. Энциклопедический словарь. СПб, 1901. Т. XXXI. С. 895.

¹⁴Русская периодическая печать 1702-1894 гг. М., 1959. С. 607.

¹⁵МУК «МЧ». ОФ. № 3842/121.

¹⁶Там же. ОФ. № 3842/206.

¹⁷Лев Николаевич Гартман (1850–1908) – участник революционного движения в России, народоволец, с 1880-го года политический эмигрант.

рант. С целью покушения на императора Александра II, которое состоялось 11 ноября 1879 года, вместе с группой народолюбцев делал подкоп под полотном Московско-Курской железной дороги. Покушение окончилось неудачей. В начале декабря 1879 года Гартман из-за угрозы ареста эмигрировал, жил во Франции. 8 февраля 1880-го был арестован французскими властями. На допросах Гартман отрицал свое подлинное имя, утверждая, что он – Маейр. Благодаря кампании, развернутой русскими эмигрантами и поддержанной многими видными общественными деятелями Франции и других стран Европы: В. Гюго, Дж. Гарibaldi и др., французское правительство отказалось выдать Гартмана России и 7 марта 1880 года выслало его из страны. См: Макаренкова Е. М. Новые документы о Л.Н. Гартмане // Вопросы истории. 1990. № 3.

¹⁸МУК «МЧ». ОФ. № 3842/206.

¹⁹Тургенев И. С. Поля. собр. соч. и писем. Л., 1968. Т. 13, кн.1. С. 45. П.А. Анненков в ответном письме от 24 января (5 февраля) писал Тургеневу: «Если сдержите обещание выслать 4-й № «Страны» и тот, где содержится статья о Чернышевском, поклонюсь до земли». Там же. С. 424.

²⁰Л.А. Полонский – политический обозреватель «Вестника Европы». В 1880 г. начал издавать газету «Страна». Его обращение к судьбе Н.Г. Чернышевского на страницах газеты, возможно, было вызвано просьбами А.Н. Пыпина.

²¹МУК «МЧ». ОФ. № 3842/207

²²Там же.

²³Чернышевский в Сибири (1913). СПб. Вып. III. С. 237.

²⁴Ежедневная политическая и литературная газета «Порядок», издавалась в Петербурге в 1881–1882 годах под общей редакцией с журналом «Вестник Европы», с участием всех его постоянных сотрудников. Издатель-редактор – М.М. Стасюлевич.

²⁵МУК «МЧ». ОФ. № 3842/11.

²⁶Чернышевский Н. Г. : в 15 т. М., 1939–1953. Т. 15. С. 326.

²⁷Ежедневная общественная и политическая газета «Русский курьер» выходила в Москве.

²⁸МУК «МЧ». ОФ. № 3842/127. С 1880 года издатель газеты «Русский курьер» – Н.П. Ланин. Резкие высказывания в адрес «Русского курьера» объясняются общим непримиримым характером полемики «Нового времени» с московскими либеральными изданиями.

²⁹См.: Демченко А. А. Н.Г. Чернышевский : научная биография. Саратов, 1994. Ч. 4. С. 183-184.

³⁰Ежедневная лондонская газета отражала интересы либеральной интеллигенции. Была основана в 1846 г. Ч. Диккенсом.

³¹МУК «МЧ». ОФ. № 3842/215 (на англ. языке).

³²См.: Короленко В. Г. Воспоминания о Чернышевском //Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 400.

- ³³Чернышевский М. Н. Последние дни жизни Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 450
- ³⁴МУК «МЧ». ОФ. № 3842/213.
- ³⁵Литературный псевдоним Н.Г. Чернышевского. Под псевдонимом «Андреев» издан и его многотомный перевод «Всеобщей истории» Г. Вебера.
- ³⁶Чернышевский Н. Г. Литературное наследие. М.; Л, 1930. Т. 3. С. 574.
- ³⁷МУК «МЧ». ОФ. № 3842/130.
- ³⁸Там же.
- ³⁹«Русское Богатство». 1904. № 11. отд. II. С. 50.
- ⁴⁰См.: Махонина С. Я. Н.Г. Чернышевский и русские легальные журналы 1905 года // Н.Г. Чернышевский и журналистика : сб. ст. / под ред. Б. И. Есина. М., 1979.
- ⁴¹МУК «МЧ». ОФ. № 3842/34.
- ⁴²Там же. ОФ. 3842/35.
- ⁴³Граф Лорис – Меликов Михаил Тариелович (1825–1888 гг.) – государственный и военный деятель России, генерал-адъютант. В начале 1879 года был назначен временным астраханским, саратовским и сармарским генерал-губернатором с неограниченными полномочиями, в апреле, в связи с покушением на Александра II, временным харьковским генерал-губернатором. После взрыва в Зимнем дворце 12 февраля 1880 года – начальник Верховной распорядительной комиссии. С 6 августа 1880 года – министр внутренних дел и шеф жандармов. 7 мая 1881 года сложил с себя полномочия. Был знаком с Н.А. Некрасовым. В начале 40-х годов Лорис-Меликов «в Петербурге близко сошелся с Некрасовым, тогда еще безвестным юношей, и несколько месяцев жил с ним в одной квартире» (Брокгауз Ф., Ефрон И. Указ.соч. Т.XVIII. С. 15).
- ⁴⁴МУК «МЧ». ОФ. № 3842/42
- ⁴⁵Там же. ОФ. № 3842/37.
- ⁴⁶М.Н. Чернышевский писал, что многие телеграммы, посланные саратовскими литераторами в петербургские и московские газеты, «хоть и были приняты на станции, но затем были возвращены подателям» (Чернышевский М. Н. Последние дни жизни Чернышевского // «Былое». 1907. № 8. С. 141).
- ⁴⁷МУК «МЧ». ОФ. № 3842/33.
- ⁴⁸Там же. ОФ. №3842/45.
- ⁴⁹Там же. ОФ. № 3842/32.
- ⁵⁰Там же. ОФ. № 3842/36.
- ⁶⁰См.: Порох В. И. Князь В.П. Мещерский против Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский : История. Философия. Литература. Саратов, 1982. С. 62.
- ⁶¹МУК «МЧ». ОФ. №3842/41.
- ⁶²Там же.
- ⁶³Там же.
- ⁶⁴МУК «МЧ». ОФ. №3842/38.
- ⁶⁵Там же. ОФ. №3842/40.

**К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ СБОРНИКА
«Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ» 1926 г.
(ПИСЬМО ВАС. В. ГИППИУСА К А.П. СКАФТЫМОВУ)**

В рукописном архиве музея Н.Г. Чернышевского хранится письмо талантливого литературоведа, критика, переводчика Василия Васильевича Гиппиуса (1890–1942) к Александру Павловичу Скафтымову (1890–1968), датированное 18-ым мая 1925 года¹. Поводом к написанию публикуемого письма послужила статья В.В. Гиппиуса «Чернышевский - стиховед», предоставленная им для напечатания в саратовский сборник статей и материалов «Н.Г. Чернышевский» 1926 года, ответственным за составление и выпуск которого был А.П. Скафтымов.

Участие профессора Пермского университета В.В. Гиппиуса в саратовском сборнике состоялось при посредничестве Владимира Владимировича Буша (1888–1934), в 1925 году профессора Саратовского университета. Оба – выпускники Петербургского университета, слушатели Пушкинского семинария С.А. Венгерова, где и состоялось их знакомство. К 1925 году, к моменту написания письма, география послужных мест В.В. Гиппиуса включала: Петербург, Киев, Липецк, Пермь, у В.В. Буша – Петербург, Ташкент, Саратов, но отношения поддерживались перепиской², и само предложение написать статью в саратовский сборник поступило В.В. Гиппиусу именно от В.В. Буша³.

Работа «Чернышевский - стиховед» стала для В.В. Гиппиуса первым обращением к наследию Н.Г. Чернышевского. Годом ранее в 1924 году в ленинградском издательстве «Мысль» вышла его первая монография «Гоголь», получившая высокую оценку литературоведов⁴. Работа о Гоголе осветила круг проблем, составивших литературоведческие приоритеты ученого: проблемы эстетического сознания автора, поэтики произведения и литературной среды, проблемы литературных направлений и, в частности, «натуральной школы». Оставаясь верным своим творческим интересам, В.В. Гиппиус открывает великого демократа с неожиданной стороны, покажет Чернышевского - стиховеда. «Заглавие предлагаемой статьи рискует прозвучать парадоксом», – напишет об этом сам автор⁵.

Письмо В.В. Гиппиуса, с просьбой внести в его текст коррективы – «существенные промахи», замеченные им уже после отсылки статьи в Саратов, А.П. Скафтымов получил в конце мая 1925 года, когда, как свидетельствует письмо В.В. Буша, сборник был уже собран и передан в типографию⁶. Но, готовясь к отъезду на отдых в Гаспру⁷, Александр Павлович передал письмо Нине Михайловне Чернышевской (1896–1975) – директору Дома-музея Н.Г. Чернышевского, члену редколлегии сборника, принимавшей самое активное участие в его организации. Таким образом письмо попало в архив музея.

Сборник «Н.Г. Чернышевский» со статьей В.В. Гиппиуса вышел в начале 1926 года, о чем ему сообщал В.В. Буш: «Вышел сборник «Н.Г. Чернышевский». По-моему, весьма приличный; несколько он академичен, но это – неплохо. Внешне опечатан даже и хорошо»⁸.

Значимость публикуемого письма определяется широтой содержащейся в нем информации. Оно освещает моменты профессиональной стороны деятельности двух ученых: их внутренней ответственности перед своим делом, друг перед другом, проявившейся в творческой щепетильности В.В. Гиппиуса, и отклике А.П. Скафтымова, отреагировавшего на просьбу и передавшего письмо Н.М. Чернышевской, участвовавшей в том числе и в корректорской работе над сборником. Письмо конкретизирует время заочного знакомства двух ученых – май 1925 года, летописно воссоздаёт отдельные события нескольких месяцев их жизни. Наконец, показывает коллективную организаторскую работу над сборником сотрудников университета и Дома - музея Н.Г. Чернышевского, привлечение в качестве авторов исследователей других университетов, в дальнейшем ставшее традицией при работе над сборниками, посвященными Н.Г. Чернышевскому.

С письма 1925 года началось заочное знакомство В.В. Гиппиуса и А.П. Скафтымова, спустя годы перешедшее в непосредственное личное знакомство. Продолжились и творческие отношения двух ученых. В 1926 году А.П. Скафтымов среди рукописей Н.Г. Чернышевского, хранившихся в саратовском музее писателя, обнаружит отрывок неизданной статьи, публикация которой будет предложена В.В. Гиппиусу для второго сборника «Н.Г. Чернышевский» (1928)⁹. Не прерывалась и их переписка. В отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ хранятся девять писем Василия Василье-

вича Гиппиуса к Александру Павловичу Скафтымову разных лет¹⁰.

В.В. Гиппиус – А.П. Скафтымову

Уважаемый Александр Павлович!

Вл<адимир> Вл<адимирович> Буш, на имя которого я послал мою статью «Чернышевский - стиховед» пишет мне, что статья редакцией сборника принята, и самый сборник подготовлен к печати. Это заставляет меня подумать о корректуре статьи и обратиться к Вам с просьбой выслать мне корректуру – когда она будет готова¹¹. До половины июня адрес мой остаётся прежним: Пермь, ул. Луначарского, 16; с половины же июня, я предполагаю уехать в Ленинград (может быть, сначала в Москву) и, остановившись там, сообщу Вам свой летний адрес. В первой половине сентября снова буду в Перми. Просьба моя о высылке корректуры тем более настоятельна, что в тексте статьи уже после отсылки я обнаружил существенные промахи.

Важнейшие corrigenda я сообщу Вам здесь же, на случай если мне почему-нибудь не удастся получить гранок. В таком случае, извиняюсь заранее за беспокойство, я должен просить Вас эти коррективы внести.

1. / о гекзаметре/ – резюмировать мысль, которая несколько ранее по др<угому> поводу была Ч<ернышевски>м распространена. В одном из предыдущих №№ Совр<еменника>.

Следует вместо «несколько ранее» – «вскоре».

Вместо «в одном из предыдущих» – «в ближайшем же».

2. Ч<ернышевский> не заметил, что [правильное смешение ямба с анапестом – не что иное, как амфибрахий, а] правильное смешение хорей, с амфибрахией, и есть тот самый дактилохорей и т.д.

Подчеркнутое выбросить.

3. К последнему абзацу о рифме, прежде перехода к собст<венным> стихам Чернышевского нужна сноска:

Так же и в цитированной рецензии на «Пропилей» Ч<ернышевский> говорит: русские стихи без рифм вялы, тяжелы, скучны, поэтому и необходимы в переводе Гомера рифмы. Соч. Т. I, с. 374.

4. Термин диссонанс, встречающийся несколько раз на одной из последних страниц при анализе «Гимна деве неба» следует заменить общеупотребительным термином

КОНСОНАНС (термин «диссонанс» был широко распространен в практике лит<ературных> критиков лет 10–15 тому назад, теперь же перестал он быть понятным)¹².

К сожалению, не имею точной копии рукописи, не могу сослаться на страницы ее.

Не предполагаете ли Вы быть летом в Ленинграде и не может ли наше заочное знакомство перейти в непосредственное. Я был бы этому очень рад.

С уважением

Вас. Гиппиус. 18. V. – 25.

МУК «Музей Н. Г. Чернышевского». ОФ. Папка 37. № 5849/824. Л. 34.

¹Благодарим за предоставленную копию публикуемого письма старшего научного сотрудника музея Н.Г. Чернышевского А.С. Озерянского.

²В фонде В.В. Гиппиуса Рукописного отдела Института русской литературы и искусства (Пушкинский дом) находятся 29 писем В.В. Буша к нему, охватывающие семнадцать лет – с 17 января 1915 г. до 30 января 1932 г. Судьба ответных писем В.В. Гиппиуса неизвестна (Письма В.В. Буша к Вас.В. Гиппиусу / публ. М. Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2001 год. СПб, 2006. С. 288).

³В письме к В.В. Гиппиусу от 22 марта 1925 года В.В. Буш сообщал о готовящемся в Саратове сборнике работ о Н.Г. Чернышевском и предлагал «испробовать саратовское издательское дело». В следующем письме от 8 апреля 1925 года Владимир Владимирович сообщал о договоренности с А.П. Скафтымовым принять в сборник статью В.В. Гиппиуса: «Спешу же Вам ответить по другому вопросу – о статье для сборника. Говорил о ней редакции сборника, вернее Скафтымову. Он говорит, что охотно примут, но дело это спешное (если и оно состоится), поэтому высылайте Вашу статью спешной почтой на мое имя; я передам» // Там же. С. 308, 309.

⁴Так, В.В. Виноградов назовет книгу Вас.В. Гиппиуса – «одним из лучших обзоров творчества Гоголя» // Виноградов В. В. Гоголь и натуральная школа. Л., 1925. С. 29.

⁵Гиппиус В. В. Чернышевский - стиховед // Н.Г. Чернышевский. Саратов, 1926. С. 73.

⁶«Сборник уже сдан в типографию, но самое печатание пойдёт, наверное, не слишком быстро», – сообщал В.В. Буш В.В. Гиппиусу в письме от 6 мая 1925 г. (Письма В.В. Буша к Вас.В. Гиппиусу // Указ. соч. С. 309).

⁷В письме к Н.М. Чернышевской от 23 июня 1925 года А.П. Скафтымов называет дату своего приезда в Гаспру – 6 июня // МУК «МЧ». ОФ. Папка 37. № 5849/824. Л. 19.

⁸Письма В.В. Буша к Вас. В. Гиппиусу // Указ. соч. С. 315.

⁹Об этой «инициативе А.П. Скафтымова» Вас.В. Гиппиус пишет в работе «Неизданная статья Чернышевского» // Н.Г. Чернышевский. Саратов, 1928. С. 101.

¹⁰Зональная научная библиотека СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Отдел редких книг и рукописей. Фонд 1. Оп. 1. № 30–36.

¹¹В.В. Гиппиус не участвовал в работе над корректурами своей статьи. По выходе из печати в ней обнаружили множественные опечатки, вызвавшие одинаковое чувство досады, как у автора, так и у редактора сборника. Так, в письме к А.П. Скафтымову от 16 марта 1926 года Василий Васильевич, в частности, писал: «Вы не ошиблись, предположив в моей статье опечатки. Их не мало. Исправления я привел в только что отосланном письме к Вл. Вл. Бушу (2 стр.). Если это нужно для оговорок в следующем сборнике, я могу составить и прислать полный список. Разумеется, я ни на кого за это не в претензии – опечатки в таких условиях печатания и корректирования – вещь естественная. На будущее время... я хотел бы принять участие в правке сам, и думаю, что это не неосуществимо» (Зональная научная библиотека СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Отдел редких книг и рукописей. Фонд 1. Оп. 1. № 35). В то же время в письме к В.В. Гиппиусу от 22 марта 1926 г. В.В. Буш отмечал: «Об опечатках в Вашей статье сказал Скафтымову; ему было очень очень досадно тоже; корректуру держал, однако, не он, а Н.М. Чернышевская. Впрочем, Вам, конечно, от этого не легче» (Письма В.В. Буша к Вас.В. Гиппиусу // Указ. соч. С. 317). Две страницы обнаруженных исправлений в уже опубликованной статье, о которых сообщает В.В. Гиппиус, нам не известны. В архиве музея Н.Г. Чернышевского среди писем А.П. Скафтымова хранится его записка, содержащая замечания к корректурам статьи Вас.В. Гиппиуса: «На стр. 3 р<у>к<о>п<иси> В. Гип<пиуса>, строка 4 снизу я пост<авил> защищает, а не защищал («портретность»); кавычки на стр. 5 р<у>к<о>п<иси> строка 3 снизу «мозаики, составленные по книгам, а не с натуры». Вместо «сравни» слова Гоголя (м.б. и повлиявшего на Ч.) – наборщик набрал (м.б. и навравшего на Ч.). Почему пользуется текстом Совр<еменник>. 1855, март, с. 25–30, как более исправным, (соч. Ч. I, 285–289), говоря о преобладании ямба в рус<ской> поэзии? Очевидно, сравнивал. Надо сравнить с корректурой и объяснить. 3) Всё это место напечатано в Собр. соч. Ч. Особенно неисправно. Я исправляю бесспорные опечатки по тексту Современника (Статья о Пушкине, абз<ац>. «Обычай нашего стихосложения» и «Поэтому нам кажется»). В. Гиппиус. Проглядеть и сравнить с корректурами Ч. 67–1870, 1871–1875, 1876– ... // МУК «МЧ». ОФ. Папка 37. № 5849/824. Л. 24.

¹²Сравнение замечаний из письма В.В. Гиппиуса с опубликованным текстом статьи показало, что все они были учтены.

**ФОТОФОНД М.Н. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В МУЗЕЕ
(1861 – 1888 гг.)**

Иконография М.Н. Чернышевского весьма обширна и разнообразна. В фондах музея хранятся оригинальные снимки разных периодов его жизни, а также его многочисленные работы: переснимки с портретов Н.Г. Чернышевского, фотографии усадьбы Чернышевских и Пыпиных, портреты О.С. Чернышевской и многих членов семьи Пыпиных. Как фотограф, Михаил Николаевич достиг значительных успехов. Участвовал с докладами о развитии фотографии в России и не раз представлял на выставках свои снимки. В 1896 г. в Нижнем Новгороде открылась Всероссийская выставка, на которую М.Н. Чернышевский был приглашен в качестве комиссара фотографического павильона¹. Н.М. Чернышевская в книге «Семья Н.Г. Чернышевского» указывает, что «с 1892 г. М.Н. Чернышевский начал заниматься фотографией и затем вступил в члены императорского русского фотографического общества в Петербурге...»². Но в каталоге представлены его фотографии более раннего периода (1888 г.). Более того, уже в 1891 году М.Н. Чернышевский стал обладателем третьего приза на конкурсе журнала Photo-Gazette в Париже³.

В каталоге представлены фотографии М.Н. Чернышевского, которые были сделаны непосредственно при жизни его отца. Они размещены в хронологическом порядке с 1861 по 1888 гг. и разделены на четыре части: детские годы, гимназия, студенческий период и последующие годы. Описание снимков дается в следующем порядке: название фотографии, место и дата съемки, сепия (если имеется коричневатый оттенок изображения), материалы, из которых изготовлена фотография, размеры, автор снимка, описание изображения, надписи, кем и когда была передана в музей и номер основного фонда. Полное описание портрета, в ряду аналогичных, дается первой фотографии, а в описании последующих снимков указываются отличительные особенности, если они присутствуют. Также, по возможности, указаны публикации фотографий.

Детские годы (1861-1866 гг.)

1. М.Н. Чернышевский. Портрет в рост на паспарту. Петербург. 1861 г. Фотография подкрашена, вырезана из альбома. Сепия. Фотобумага, картон. Размер бланка и отпечатка – 9,3X5,8 см. Работа К.Л. Кулиша^а. М.Н. Чернышевский изображен вполоборота, сидящим в мягком кресле. Волосы слегка зачесаны со лба назад. Одет в пеструю рубашку с отложным воротником, перетянутую в поясе ремешком с двойной пряжкой и широкие штанишки. Обут в высокие сапожки. Фотография передана музею М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1166.

2. М.Н. Чернышевский. Портрет в рост под стеклом, заключенный в рамку синего бархата работы М.Н. Чернышевского. Петербург. 1861 г. Сепия. Фотобумага, дерево, бархат, стекло. Размер с рамкой – 11,5X9,5 см. Работа К.Л. Кулиша. Фотография за небольшим исключением аналогична предыдущей. Отличие заключается в изменении положения головы и рук. Фотография передана музею Н.М. Чернышевской в 1970 г. № 2816.

3. М.Н. Чернышевский. Портрет в рост на паспарту. Петербург. 1861 г. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 10X6,3 см, отпечатка – 9,3X5,8 см. Фотография за небольшим исключением аналогична предыдущей. Отличие заключается в неполном изображении ног и сидения кресла. На обороте фотографии имеются надписи печатным шрифтом: «ФОТОГРАФИЯ КУЛИЩА в С. Петербурге. На Невском просп<екте>. прот<ив> Александринского Театра, в доме Демидова №55» и карандашом М.М. Чернышевской: «М.Н. Чернышевский 60^{ле} гг.» Фотография передана музею М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1167.

4. М.Н. Чернышевский. Портрет в рост на паспарту. Петербург. 1861 г. Фотография вырезана из альбома и наклеена на ватман. Фотобумага, ватман. Размеры: бланка – 12,7X7,8 см,

^а Кулиш Карл Людвигович начинал свою фотографическую деятельность еще дагеротипистом на Гороховой улице в доме Яковлева, он упоминается в одной из первых адресных книг Петербурга в 1849 г. Когда Кулиш приобрел ателье на Невском 54, неизвестно, но, судя по адресу на обороте фотографии, это было до 1858 г. Дом № 55 в то время принадлежал купцу Демидову. В 1866 г. состоялась смена владельцев, ателье приобрел именитый петербургский фотограф итальянец Иван (Джованни) Бианки.

отпечатка – 9,3X5,9 см. Фотограф неизвестен. М.Н. Чернышевский изображен вполоборота, с короткой, аккуратной стрижкой, сидящим на стуле с резной спинкой, облокотившись о стол, накрытый скатертью с бахромой. Одет в светлую рубашку-косоворотку, перетянутую в поясе ремнем и штанишки. Обут в высокие сапожки. На обороте фотографии имеется надпись карандашом М.М. Чернышевской: «1861 г. М.Н. Чернышевский». Фотография передана музеем М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1168.

5. М.Н. и А.Н. Чернышевские. Портрет групповой в овале на паспарту. Петербург (?). 1862 г. Сепия. Фотобумага, картон. Размеры бланка и отпечатка – 15,5X11,8 см. Фотограф неизвестен. М.Н. Чернышевский изображен сидящим, в рост и в анфас. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба направо. Одет в рубашку-косоворотку, темные штанишки и сапожки. А.Н. Чернышевский изображен по пояс в анфас, стоящим и обнимающим правой рукой младшего брата. Стрижка удлиненная, волосы зачесаны направо. Одет в рубашку с отложным воротничком, перетянутую в поясе ремешком. На обороте фотографии имеется надпись карандашом М.М. Чернышевской: «1862 г.». Фотография передана музеем М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1138.

6. М.Н. Чернышевский. Портрет поколенный на паспарту. Петербург. 60-е гг. XIX в. Сепия. Фото-бумага, картон. Размеры: бланка – 10X6 см, отпечатка – 8,8X5,4 см. М.Н. Чернышевский изображен в анфас, с короткой стрижкой, волосы разделены пробором и зачесаны направо. Сидит на круглом столике, одет в рубашку с отложным воротником, жилетку, курточку и короткие штанишки с кружевными оборками. Под фотографией тиснением сделана надпись: «Фотография любителей». На обороте имеются надписи карандашом О.С. Чернышевской: «Миша Чернышевский» и М.М. Чернышевской: «М.Н. Чернышевский. 60.». Фотография передана музеем М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1169.

7. М.Н. Чернышевский. Портрет поколенный на паспарту. Петербург. 60-е гг. XIX в. Фотография вырезана из альбома и наклеена на картон. Сепия. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 10,5X7,3 см, отпечатка – 8,8X5,4 см. Фотография за небольшим исключением аналогична предыдущей. Отличие заключается в незначительном изменении положения головы и рук. Вверху на отпечатке имеется надпись карандашом

М.М. Чернышевской: «60 гт.». Фотография передана музеем М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1170.

8. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный на паспарту. Петербург. 1866 г. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 9,5X5,7 см, отпечатка – 8,5X5,7 см. Фотограф неизвестен. Фотография М.Н. Чернышевского наклеена на обороте фотографии А.Н. Чернышевского. М.Н. Чернышевский изображен в анфас сидящим. Одет в двубортный бархатный сюртук, застегнутый на все пуговицы, штаны и головной убор, украшенный перьями. Под фотографией имеется надпись О.С. Чернышевской (?) карандашом: «Это Миша Чернышевский». 1866». Фотография передана музеем М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1142.

Гимназия (1870-1879 гг.)

1. М.Н. Чернышевский-гимназист 2-го класса Ларинской гимназии среди преподавателей и одноклассников. Портрет групповой на паспарту. Петербург. 1870 г. Фотобумага, картон. Размеры бланка и отпечатка – 14,6X12,5 см. Фотограф неизвестен. М.Н. Чернышевский изображен вполоборота, сидящим в первом ряду вторым слева. Стрижка короткая, пробор слева, волосы зачесаны со лба направо. Одет в гимназическую форму. Обут в сапоги. М.Н. Чернышевский помечен крестиком, сделанным чернилами на руке. Фотография вырезана из паспарту. На обороте имеются обрывки записей детским почерком М.Н. Чернышевского имен и фамилий людей, изображенных на снимке. Фотография передана музеем М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1171.

2. М.Н. Чернышевский. Портрет поколенный на паспарту. Петербург. 1870 г. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 10,3X6 см, отпечатка – 8,6X5,5 см. М.Н. Чернышевский изображен вполоборота, сидящим. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба направо. Одет в гимназический мундир, застегнутый на все пуговицы, и брюки. На коленях держит собачку. Под фотографией на паспарту тиснением сделана надпись: «Фотография В. Лауфферта по бол<ьшой>. Морской №32». На обороте имеется надпись карандашом неустановленного лица: «М. Чернышевский». Фотография передана музеем М.М. Чернышевской в 1948 г. № 1173.

3. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный на паспарту. Петербург. 1871 г. Фотобумага, картон. Размеры: бланка –

10X6 см, отпечатка – 8,3X5,7 см. М.Н. Чернышевский изображен в анфас. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба направо. Одет в гимназический мундир. На обороте фотографии имеется надпись чернилами Н.М. Чернышевской: «Под этой карточкой в семейном альбоме рукой М.Н. Чернышевского было написано: «Мих. Ник. Чернышевский, гимназ[ист] 2 класса». Н. Чернышевская. 7/III 1943 г. 1871». Фотография передана музеем Н.М. Чернышевской 7 марта 1943 г. № 1172.

4. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный на паспарту. Петербург. 1872 г. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 10X6,2 см, отпечатка – 8,5X5,5 см. М.Н. Чернышевский – гимназист 3 класса Ларинской гимназии в Петербурге – изображен вполоборота. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба направо, одет в гимназический мундир, вторая пуговица сверху растегнута. Под фотографией на паспарту тиснением сделана надпись: «Фотография В. Лауфферта». На обороте надпись Н.М. Чернышевской чернилами: «1872. Под этой карточкой в семейном альбоме рукой М.Н. Чернышевского было написано: «М.Н. Чернышевский. Гимназ[ист] 3 класса». Н. Чернышевская 7/III-1943 г.». Фотография передана музею Н.М. Чернышевской 7 марта 1943 г. № 1174.

5. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. 1877 г. Сепия. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 10,4X6,3 см, отпечатка – 6,5X5 см. М.Н. Чернышевский изображен вполоборота. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба направо, одет в гимназический мундир, застегнутый на одну верхнюю пуговицу. Под фотографией на паспарту надпись печатным шрифтом: «PHOTOGR. W. LAUFFERT.». На обороте имеется эмблема фотографического заведения и надпись печатным шрифтом: «ФОТОГРАФИЯ В.И. ЛАУФЕРТ. по большой Морской № 32 в доме Баронессы Вревской. в С. Петербурге». Также на обороте имеется надпись О.С. Чернышевской карандашом: «1877 год». Фотография передана музею М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1175.

6. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. 1877 г. Сепия. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 10,4X6,3 см, отпечатка – 6,5X5 см. Фотография идентична предыдущей. На обороте имеется надпись Е.М. Чернышевской карандашом: «Миша гимназист». Фотография передана музею М.М. Чернышевской в 1948 г. № 1176.

7. **М.Н. Чернышевский.** Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. 1879 г. Сепия. Фотобумага, бумага, картон, слюда. Размеры: бланка – 10,7X6,9 см, отпечатка – 7,1X5,1 см. М.Н. Чернышевский изображен в анфас. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба назад, носит усы. Одет в белую рубашку с поднятым воротником, галстук и двубортный пиджак, застегнутый на пуговицы. На шее виднеется шнурок предположительно от пенсне, находящегося в нагрудном кармане пиджака. Под фотографией на паспарту эмблема фотографического заведения и надпись печатным шрифтом: «Константин Шапиро^а. Невский просп<ект>. №30. Constantin Charpau. Persp. de Nevsky №30». На обороте фотографии имеются надписи М.Н. Чернышевского чернилами: «Матери Игуменьи от инока Михаила. 15 Окт<ября>. 1879 г.» и карандашом М.М. Чернышевской: «М.Н. Чернышевский (М.А. Чернышевской) в (?) (однофамилица)». Фотография передана музеем В.С. Чернышевской 20 июля 1984 г. № 4340.

8. **М.Н. Чернышевский.** Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. 1879 г. Сепия. Фотобумага, бумага, картон, слюда. Размеры: бланка – 10,7X6,7 см, отпечатка – 7,1X5,1 см. Фотография идентична предыдущей. На обороте фотографии надписи М.М. Чернышевской карандашом: «М.Н. Чернышевский» и М.Н. Чернышевского чернилами: «Снято 14 Сент<ября> 1879 г.». Фотография передана музеем М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1178.

9. **М.Н. Чернышевский.** Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. 1879 г. Сепия. Фотобумага, бумага, картон, слюда. Размеры: бланка – 9,3X6 см, отпечатка – 7,1X5,1 см. Фотография за небольшим исключением аналогична предыдущей. Отличие заключается в отсутствии изображения эмблемы

^а Шапиро Константин Александрович (1840-1900) в 1868 г. приехал в Вену, которая в то время была "родиной" многих новшеств в фотографии. В конце 1868 – начале 1869 гг. переехал в Петербург, где сначала был компаньоном Вильгельма Шенфельда, а затем открыл собственное фотографическое заведение. С 1876 г. одним из первых в Петербурге начинает применять эмаль, которая придает фотокарточкам вид фарфора, прозрачность, блеск и прочность. Работы Шапиро были неоднократно отмечены различными наградами. Автор «Портретной галереи» известных людей России, в которой сфотографировались Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин и многие другие известные литераторы, ученые и артисты.

и надписи фотографического заведения на паспарту. На обороте фотографии представлен автограф М.Н. Чернышевского чернилами: «15 Окт<ября> 1879 г.». Фотография передана музею М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1177.

10. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. 1879 г. Сепия. Фотобумага, бумага, картон, слюда. Размеры: бланка – 10,4Х6,3 см, отпечатка – 7,1Х5,1 см. Фотография идентична предыдущей. На обороте фотографии надпись М.Н. Чернышевского чернилами: «Снято 14 Сент<ября> 1879 г.». Фотография передана музею М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1179.

Студенческий период (1880-е гг.)

1. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный на паспарту. Петербург. Начало 80-х годов XIX в. Сепия. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 10,3Х6,2 см, отпечатка – 9,9Х5,4 см. М.Н. Чернышевский изображен вполборота. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба направо, носит усы. Одет в двубортный пиджак, на котором видимые пуговицы застегнуты, светлую рубашку и шейный платок. Под фотографией на паспарту надпись печатным шрифтом: «Везенберг и К^{Оа}. С.П.Б.». На обороте фотографии имеется надпись печатным шрифтом: «Фотографии Везенберг и К^О. На углу Вознесенского моста по Вознесенск<ому>. пр<оспекту> д<ом> Макарова №26/30. Фонтанка 55. В С^т. Петербурге». Также на обороте имеется надпись М.Н. Чернышевского чернилами: «Вы просили написать Вам чтонибудь на память – ей богу не знаю что такое намарать, но все таки взял в руки перо, помня пословицу – *Se que la femme veut – Dieu le veut.*^b Вспоминайте иногда. Мих<аил> Чернышев-

^a Везенберг Яков Иоганн Вильгельм (1839-1880 гг.) в 1865 г. открыл фотографическое заведение на набережной Фонтанки в Петербурге. Известен изготовлением фотокопий "с картин, гравированных и масляных портретов" русских и зарубежных деятелей истории и культуры. В 1870-е гг. выпустил серию небольших визитных (8,5×6,0) фотографий с портретов русских писателей, таких как А.С. Пушкин, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин и др. После смерти Везенберга фотографическое заведение продолжало существовать под названием "Везенберг и К^О".

^b Чего хочет женщина – того хочет Бог (франц.).

ский. Господи! Какая жара! 17 июня 1881 г. Пон<едельник>. Саратов.». Фотография завернута в лист бумаги, на котором пояснительная надпись карандашом Н.М. Чернышевской: «Надпись посвящена Марии Александровне Чернышевской, подарившей в музей эту карточку. Н. Чернышевская. 6/VIII-42 г.». На этом же листе сделана пометка карандашом М.М. Чернышевской: «1879». Фотография передана музею М.А. Чернышевской 6 августа 1942 г. № 1180.

2. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный на паспарту. Петербург. Начало 80-х годов XIX в. Сепия. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 9,5X6 см, отпечатка – 8,7X5,3 см. Переснимок с предыдущей фотографии. Лицо увеличено вширь и укорочено. На обороте фотографии надпись чернилами неустановленного лица: «М.Н. Черныш<евский>. 80^x г.». Фотография передана музею М.Н. Чернышевским в 1920 г. № 1181.

3. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный на паспарту. Петербург. Начало 80-х годов XIX в. Сепия. Фотобумага, ватман, картон. Размеры: бланка – 10X6 см, отпечатка – 8,6X5,4 см. Фотография аналогична предыдущей. Под фотографией надпись карандашом Н.М. Чернышевской: «От М.А. Чернышевской. 28.III.26». Фотография передана музею М.А. Чернышевской 28 марта 1926 г. № 1182.

4. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. Начало 80-х гг. XIX в. Сепия. Фотобумага, картон, слюда. Размеры: бланка – 10,1X6,1 см, отпечатка – 6,8X4,4 см. М.Н. Чернышевский изображен вполборота. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба назад, носит усы. Одет в белую рубашку с отложным воротником, полосатый шейный платок и пиджак, застегнутый на верхнюю пуговицу. Под фотографией на паспарту эмблема фотографического заведения и подпись печатным шрифтом «ФОТОГРАФИЯ АНДРЕЯЕВА». На обороте надпись М.М. Чернышевской карандашом: «Михаил Николаевич Чернышевский. Начало 80-х годов». Фотография из коллекции М.Н. Чернышевского. Передана музею В.С. Чернышевской 20 июля 1984 г. № 4366.

5. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. Начало 80-х гг. XIX в. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 10,5X6,5 см, отпечатка – 6,9X4,5 см. Фотография за небольшим исключением аналогична предыдущей. Отличие заключается в отсутствии эмали. На обороте имеются надписи карандашом М.М. Чернышевской: «М.Н. Чернышев-

ский 80^{лв} гт.» и В.С. Чернышевской: «6,5X10,5 см. 4,5X6,9 см. Пып<инский> альб<ом>. №3115». Фотография передана музеем В.С. Чернышевской в 1979 г. № 3171. Фотография входит в состав фотоальбома семьи А.Н. Пыпина № 3115.

Последующие годы

1. М.Н. Чернышевский в центре, по правую руку от него его жена Е.М. Чернышевская (урожденная Соловьева), по левую руку А.И. Панаев^а. Портрет групповой на паспарту. Петербург. 80-е гг. XIX в. Фотобумага, картон. Размеры: бланка – 16,7X10,8 см, отпечатка – 13,7X9,9 см. М.Н. Чернышевский изображен в анфас стоя. Стрижка короткая, пробор слева, волосы зачесаны со лба направо. Носит бороду и усы. Одет в белую рубашку-косоворотку, перетянутую в поясе ремнем, и штаны. Держит в руках пестрый платок. Е.М. Чернышевская изображена вполоборота сидящей и держащей в руках бубен. Волосы ниже плеч, распущены. Одета в длинное платье, поверх которого накинута шаль. На шее бусы. А.И. Панаев изображен в анфас сидящим. Носит усы. Одет в светлую рубашку-косоворотку, перетянутую в поясе, и штаны. Обут в высокие, до колен, сапоги. В руках держит гитару. Под фотографией на паспарту надпись печатным шрифтом: «Westly fils. S^T. Petersbourg». На обороте герб фотографического заведения и надпись печатным шрифтом: «Вестли Сын. Фотографа Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича. С^T. Петербург. уг<ол>. Владимирской и Стремянной д<ом>. № 6-1.»). На обороте также есть надпись В.С. Чернышевской карандашом: «Елена Матв<еевна> и Михаил Ник<олаевич> Чернышевские и Алекс<андр> Ипполит<ович> Панаев. 10,8X16,7 см. Кадр 9,9X13,7 см. Из пып<инского> альб<ома> № 3115». Фотография передана музеем В.С. Чернышевской в 1979 г. № 3163. Входит в состав фотоальбома семьи А.Н. Пыпина № 3115. Публикуется впервые.

2. М.Н. Чернышевский. Портрет в рост. Петербург. 1888 г. Фотобумага. Размер отпечатка – 10,5X5,1 см. Работа М.Н. Чернышевского. М.Н. Чернышевский в роли герцога Эс-

^а Сын Ипполита Александровича Панаева, который в 1856–1866 гг. заведовал конторой «Современника».

пады в спектакле общества «Гаудеамуса» «Гостиница 13^а повешенных». М.Н. Чернышевский изображен вполоборота, стоящим с накладными усами, бородой и бровями. Одет в камзол, штаны, на шее повязан бант. Носит широкополую шляпу с пером. Обут в сапоги-ботфорты. На левом боку носит клинковое оружие. В альбоме под фотографией имеется надпись карандашом неустановленного лица: «М.Н. Чернышевский. Герцог Эспада». Фотография передана музею В.С. Чернышевской в 1984 г. № 4452. Фотография входит в состав альбома № 4444, в котором находятся еще 10 изображений участников спектакля. Публикуется впервые.

3. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный. Петербург. 1888 г. Фотобумага. Размер отпечатка – 12,4X8,9 см. Работа М.Н. Чернышевского. Увеличенная копия лица с предыдущей фотографии в зеркальном отражении. На обороте фотографии надпись В.С. Чернышевской чернилами: «М.Н. Чернышевский в роли Эспады. 1886 г.^б» Фотография передана музею В.С. Чернышевской в 1984 г. № 4394.

«Теперь, когда он [М.Н. Чернышевский] оказался дельным человеком, я стал доволен им и кроме приятного он не услышит от меня ничего. Поручения, которые дает ему правление железной дороги, доказывают, что он считается полезным и надежным человеком. Я думаю, что будущность его и Леночки [Е.М. Чернышевской] теперь обеспечена»^а, – Н.Г. Чернышевский. Письмо О.С. Чернышевской от 26 июля 1888 г.

4. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный в овале на паспарту. Петербург. 90-е гг. (?) XIX в.^с Глянцевая фотобумага, картон. Размеры: бланка – 16,5X11 см, отпечатка – 12X8,8 см. М.Н. Чернышевский изображен вполоборота. Стрижка короткая, волосы зачесаны со лба назад. Носит бороду и усы. Одет в белую рубашку с воротником-стойкой, галстук и пиджак, кото-

^а Имеются разночтения. По программе общества от 2 января 1888 г. ОФ. № 4393 – 13 повешенных, а по роли Эспады ОФ. № 4398 – 14 повешенных.

^б Точную дату, 2 января 1888 г., удалось установить по программе вечера ОФ. № 4393.

^с Имеются разночтения в датировке фотографии. В.С. Чернышевская в карточке научного описания предполагает, что на фотографии М.Н. Чернышевскому приблизительно 40 лет. К статье Н.А. Пыпина «Сыновья Чернышевского» в сборнике «Звенья» опубликована аналогичная фотография с датировкой – 1887 г.⁵

рый застегнут на верхнюю пуговицу. Под фотографией на паспорту имеется эмблема фотографического заведения и надпись печатным шрифтом: «Вестли Сын. Угол Владимирской и Стремянной д<ом> № 6-1». На обороте фотографии надписи Н.М. Чернышевской чернилами: «Константину Петровичу фан дер Флит на добрую память от Н. Чернышевской-Быстровой. 8.VIII.26» и В.С. Чернышевской карандашом: «альб<ом> пып<иных> № 3115». Также на обороте изображен герб фотографического заведения и надпись печатным шрифтом: «Вестли Сын. Фотографа Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича. С^т. Петербург. уг<ол> Владимирской и Стремянной д<ом>. № 6-1. З.И. Глейцман СПб и Москва». Фотография передана музею В.С. Чернышевской в 1979 г. № 3138. Фотография входит в состав фотоальбома семьи А.Н. Пыпина № 3115.

5. М.Н. Чернышевский. Портрет погрудный в овале на паспорту. Петербург. 90-е гг. (?) XIX в. Глянцевая фотобумага, картон. Сепия. Размеры: бланка – 14X10 см, отпечатка – 11X8 см. Фотограф неизвестен. Переснимок с аналогичной предыдущей фотографии на фоне газеты или журнала. Фотография из архива В.А. Пыпиной. Передана в музей в 1976 г. № 2943.

¹Чернышевская Н. М. Мое детство // МУК «МЧ». ОФ. №7347/5009. Папка 200. Л. 56.

²Чернышевская Н. М. Семья Н.Г. Чернышевского : [черки]. Саратов, 1980. С. 96.

³Манова Е. Н. Основные даты жизни и деятельности М.Н. Чернышевского // См.: Наст. издание. С. 178.

⁴Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. XV. Письма 1877-1889 гг. М., 1950. С. 715-716.

⁵Пыпин Н. А. Сыновья Чернышевского // Звенья, 1932. С. 277.

«ДИСПУТ БЫЛ ВЧЕРА, В ВОСКРЕСЕНЬЕ...»
(ЗАЩИТА А.Н. ПЫПИНЫМ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
24 МАРТА 1857 г.)

Многочисленные труды по истории русской и славянских литератур, общественному движению, этнографии, фольклору, палеографии крупнейшего ученого-гуманитария, основателя культурно-исторической школы в отечественной академической науке второй половины XIX века А.Н. Пыпина (1833–1904) отличали глубокое проникновение в суть изучаемых вопросов, острый анализ спорных проблем, привлечение и введение в научный оборот огромного фактического материала. Его сочинениям были свойственны публицистичность и актуальность, историзм, тесная связь литературы и жизни.

Публикуемое письмо освещает важный эпизод начального периода научной карьеры А.Н. Пыпина – защиты им магистерской диссертации «Очерки литературной истории старинных повестей и сказок русских», состоявшейся 24 марта 1857 года в Петербургском университете.

Предыстория диспута такова. Возможность Пыпину сдавать магистерские экзамены появилась в период его успешной экзаменационной сессии по окончании университета в 1853 году. О чем 25 мая сообщал в Саратов двоюродный брат Николай Чернышевский: «Ему [А.Н. Пыпину. – А.О.] дадут магистерскую стипендию (1200 р. асс.), которая влечет за собой только одну обязанность – держать магистерский экзамен» (Т. 14. С. 228).

Письма Пыпина в Саратов в 1853–1857 гг. содержат сведения о процессе подготовки им как экзаменов, так и диссертации, отражают возникающие при этом сложности и преграды, которые он успешно преодолевал. Из писем, например, становится известным, что сроки приема экзаменов в силу разных причин постоянно переносились. Так, в письме от 14 февраля 1855 г. Пыпин сообщал: «На днях начинаю готовиться к экзаменам, которые кончить думаю до лета»¹; а уже 11 апреля он сожалел, что намерения его не могут быть осуществлены, т.к.: «в правилах магистерских экзаменов постановлено, что они не могут быть производимы во время студенческих экзаменов, кото-

рые теперь начались <...>. Экзамен мой отлагается до окончаний летних вакансий»². И лишь 26 сентября 1856 года Пыпин сообщал в Саратов: «На нынешней неделе в среду (28 числа) назначен первый мой экзамен у Никитенки <...> много времени должен был я потерять на то, чтобы устроить назначение экзамена, — которое требует полного собрания факультета и, следовательно, представляет некоторые неудобства»³.

Не сразу А.Н. Пыпин определился с выбором экзаменационной темы, что находит освещение в его письмах к родным в Саратов. 30 августа 1853 года он писал: «Держать экзамены я буду по предмету Никитенки, то есть по русской словесности»⁴; 14 февраля 1855 года, вновь коснувшись этой темы, сообщал: «Предмет [экзаменов. — А.О.] я выбрал Срезневского, отчасти по его желанию, отчасти потому, что он много помогал моим занятиям, давал свои книги»⁵; 21 марта того же года Пыпин возвращается к первоначальным планам: «Экзамен буду держать по русской словесности. Никитенко желает, чтобы я остался верен его предмету, да <...> и диссертация моя прямо относится к русской словесности»⁶.

К осени 1854 года Пыпиным был скорректирован план подготовки диссертации и началось печатание ее отдельных частей в «Отечественных записках», «Современнике», «Известиях» и «Ученых записках» Академии наук.

Еще недописанная диссертация вызывала определённый интерес в научных кругах. По словам Пыпина, «разные господа интересуются диссертацией: один из адъюнктов Академии наук Шиффнер сообщает мне некоторые указания и дает книги из своей академической библиотеки. Один из московских моих знакомых Забелин также прислал мне недавно очень любопытные материалы»⁷.

В публикуемом письме освещаются подробности защиты диссертации А.Н. Пыпиным, записанные им уже на следующий день. Обращает на себя внимание присутствие на диспуте многих видных представителей отечественной науки. Объяснение этому находим у И.И. Панаева, осветившего процесс защиты на страницах «Современника»: «На днях мы были на диспуте А.Н. Пыпина, молодого ученого, который уже успел своими статьями о старинной русской литературе <...> приобрести известность одного из лучших знатоков своего дела <...>. Такого [многочисленного собрания], интересного и одушевленного диспута давно не бывало в Петербургском университете»⁸.

16 мая 1857 года А.Н. Пыпин был утвержден в степени магистра русской словесности, а его диссертация была издана отдельной книгой.

Письмо публикуется с сокращениями, исключены сведения, не относящиеся к диспуту.

А.Н. Пыпин – А.Е. и Н.Д. Пыпиным

25 марта 1857 г.

<...> Диспут был вчера, в воскресенье. Я был с визитами у Норова⁹, у кн. Вяземского¹⁰ /товарища министра/ и кн. Щербатова¹¹, попечителя. Всем им рекомендовал свою диссертацию. Норов был по своему обыкновению очень любезен, говорил мне разные комплименты. Вяземский тоже в этом роде. Так как, вероятно, диспут мой вас интересует, то я и напишу о нем кое-что. Во-первых, мы отправились в Университет всей семьей: Николенька поехал с Ростиславом¹², а потом я с Ольгой Сократовной. На дороге мы встретили препятствие, чрезвычайно меня раздосадовавшее: нам нужно было ехать через Дворцовую площадь, – мы выехали довольно поздно: начало диспута в час, а мы отправились из дому минут за двадцать пять, – подъехавши к Дворцовой площади, мы должны были бросить извозчика, потому что перед дворцом происходил парад и ехать было нельзя, а до университета было еще далеко. Мы отправились пешком, торопились, опять взяли извозчика и успели ровно в час. Только нас почти и не доставало. Мы нашли в зале уже большое собрание посетителей, моих знакомых было, разумеется, очень много. Приехал затем Щербатов, и диспут открылся. Секретарь Совета факультетского, Сухомлинов¹³, прочитал нечто вроде моей биографии; затем ваш покорный слуга взошел на кафедру, – Никитенко¹⁴ начал свои возражения; после него мне пришлось спорить со Срезневским¹⁵, который был вторым официальным оппонентом; за ним немного и довольно глупо возражал один из здешних юридических профессоров, насмешивший слушателей своими вопросами. Наконец, стал говорить мой приятель, впрочем, человек довольно древний, Галахов¹⁶ – тот самый, имя которого вы не раз, вероятно, встречали в журналах. Собирался возражать и адъюнкт Никитенки Сухомлинов, но не успел этого сделать, потому что диспут и без того затянулся, и Устрялов¹⁷ решил кончить. Вся история продолжалась больше

двух часов. Мы вышли из университета, когда была половина четвертого.

Кн. Вяземский приехал на диспут, когда он уже начался. Посетителей было очень много, как это показалось всем. Каковы были мои ответы оппонентам, судить не мое дело; но диспутом, кажется, остались довольны. Вяземский сказал мне несколько комплиментов; Никитенко и Срезневский поздравили меня очень милым образом; даже Ленц¹⁸, исп. должн. ректора, с которым я никогда не имел удовольствия встречаться и которому даже забыл сделать требуемый обычаем визит, и он любезно позддравил меня. Когда я оставил кафедру и очутился в толпе, стоявшей в зале, мне пришлось всем пожимать руки направо и налево. Я удивился даже, как много оказалось у меня знакомых. Кавелин¹⁹, вероятно, по московскому обычаю, даже облобызал меня. Кроме моих коротких знакомых, имена которых вы отчасти знаете, на диспуте были между прочим, из новых моих знакомых – Савельев²⁰, известный ориенталист; Галахов, гр. Уваров²¹, двое Колбасиных, один из которых – автор понравившейся вам статьи о Мартынове²², – многих и недоставало, например, из профессоров не было Куторги²³, с которым мы не совсем в ладах, и ехидный, как называют у нас, характер которого я вам описывал еще в Саратове. Он, вероятно, рассердился, что я не привез ему своей диссертации; – я, впрочем, имел свои поводы не делать этого.

Свои экземпляры диссертации я уже почти все продал книготорговцам <...>. Посылаю вам один оставшийся билет на мой диспут²⁴.

МУК «Музей Н.Г. Чернышевского». ОФ. Папка 6. № 3713/3. Л. 3–4.

¹Письмо А. Н. Пыпина к А. Е. к Н. Д. Пыпиным // МУК «МЧ». ОФ. Папка 6. № 3712/4. Л. 7. Это и последующие письма, включая публикуемое, А. Н. Пыпина приводятся по авторитетным машинописным копиям В. А. Пыпиной.

²Там же. № 3712/11. Л. 19–20.

³Там же. № 3712/18. Л. 29.

⁴Там же. № 3709/9. Л. 17.

⁵Там же. № 3712/4. Л. 7.

⁶Цит. по: Пыпина В. А. К биографии А. Н. Пыпина // МУК «МЧ». ОФ. Папка 3. № 3915. Л. 137–138.

⁷Письмо А. Н. Пыпина к А. Е. и Н. Д. Пыпиным от 26 сентября 1855 г. // Там же. Папка 6. № 3712/18. Л. 29–30.

- ⁸ Панаев И. И. «Заметки нового поэта» // Современник, 1857. № 4. С. 321–322.
- ⁹ Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) – писатель, библиофил, государственный деятель. В 1854–58 гг. – министр народного просвещения.
- ¹⁰ Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – князь, русский поэт, литературный критик.
- ¹¹ Щербатов Григорий Александрович (1819–1881) – князь, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа.
- ¹² Васильев Ростислав Сократович (1830–1885) – родной брат Ольги Сократовны Чернышевской. В 1857 г. будучи студентом Медико-хирургической академии проживал вместе с Чернышевскими и Пыпиным на одной квартире.
- ¹³ Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901) – историк литературы, профессор Петербургского университета, с 1872 г. академик.
- ¹⁴ Никитенко Александр Васильевич (1804–1880) – историк литературы, литературный критик, цензор. Профессор Петербургского университета в 1834–1864 гг., академик с 1855 г.
- ¹⁵ Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – филолог-славист. В 1847–1880-м гг. преподавал в Петербургском университете, с 1851 г. академик. О взаимоотношениях двух ученых см.: Досталь М. Ю. А.Н. Пыпин и И.И. Срезневский // А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения. М. ; Ставрополь, 2005. С. 88–98.
- ¹⁶ Устрялов Николай Герасимович (1805–1880) – профессор Петербургского университета, в 1857 г. декан историко-филологического университета, с 1842 г. академик.
- ¹⁷ Ленц Эмилий Христианович (1804–1865) – физик и электротехник, профессор Петербургского университета, с 1863 г. – его ректор. Академик с 1830 г.
- ¹⁸ Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) – историк литературы, профессор русской словесности Петербургского университета.
- ¹⁹ Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) историк, публицист, общественный деятель либерального толка. Автор одного из первых проектов отмены крепостного права. Близкий человек к семье А. Н. Пыпина, крестный отец его старшей дочери Веры Александровны.
- ²⁰ Савельев Павел Степанович (1814–1859) – востоковед-арабист, археолог и нумизмат. В 1846 г. один из основателей Русского археологического общества, с 1850 г. – секретарь и редактор его «Записок», «Трудов» и «Известий».
- ²¹ Уваров Алексей Сергеевич (1824–1884) граф, археолог, один из основателей Русского и Московского археологического общества, Исторического музея.
- ²² Автором упомянутой статьи о русском филологе и ботанике, академике Иване Ивановиче Мартынове (1771–1833) был Елисей Яковлевич Колбасин (1827–1890) – писатель, критик, историк литературы. Работа «Мартынов» вошла в книгу «Деятели прежнего времени» (СПб, 1859).

²³Куторга Михаил Семёнович (1809–1866) – профессор всеобщей истории Петербургского (1835–1869), Московского (1869–1874) университетов. А.Н. Пыпин в своих воспоминаниях «Мои заметки» (М., 1910) несколько раз упоминает имя этого, по признанию современников, незаурядного ученого (См.: Глинский Б. Б. Александр Николаевич Пыпин : материалы для биографии и характеристики // Исторический вестник, 1905. № 1. С. 271–274), но не говорит об упомянутых в письме противоречиях между ними.

²⁴Приглашение на защиту диссертации хранится в музее Н. Г. Чернышевского // МУК «МЧ». ОФ. Папка 8. № 2995.

В.В. Колпаков

ПОТОМКИ А.Н. ПЫПИНА

Изучение биографии потомков А.Н. Пыпина заслуживает пристального исследовательского внимания. Обращение к жизни четырех прямых наследников ученого и всех последующих поколений его рода важно не только в связи с именем Александра Николаевича, но и в плане биографических комментариев к судьбам целого пласта представителей русской интеллигенции рубежа XIX – XX веков.

Центральная фигура среди шестнадцати потомков А.Н. Пыпина – Вера Александровна Пыпина–Ляцкая (1864–1930), еще при жизни отца ставшая его ближайшей помощницей. В 1900 году она начинает записывать воспоминания Александра Николаевича, которые в полном варианте опубликует уже после его смерти, в 1905 году (Вестник Европы, 1905, № 2–3). Заботам старшей дочери Пыпин в своем завещании поручает личный архив, впоследствии, описанный и систематизированный ею, он будет передан в государственные хранилища.

Вера Александровна – продолжатель дел отца, связанных с именем Н.Г. Чернышевского. Значима ее роль в организации саратовского музея писателя. В 1923 году, в Петербурге, вышла книга В.А. Пыпиной «Любовь в жизни Н.Г. Чернышевского», в которой на материалах семейного архива была изложена сложная история взаимоотношений Николая Гавриловича и Ольги Сократовны Чернышевских.

Окончив Василеостровскую женскую гимназию, педагогические курсы, педагогический институт, общие курсы по рисованию в школе общественного поощрения художеств,

В.А. Пыпина в разное время будет заниматься частной преподавательской практикой, работать в Павловском институте, служить библиотекарем в Техникуме кустарной промышленности ВСНХ. Получившая имя героини романа «Что делать?», Вера Александровна, подобно Вере Павловне, в 1919 году организует вышивальную мастерскую, которую в середине 1920-х годов закроют, обвинив владелицу в частном предпринимательстве.

Дважды была замужем. Первый муж, Ф.К. Беренштам (1862–1937), – художник, график, скульптор; второй – Е.А. Ляцкий (1868–1942), – историк русской литературы. Единственная дочь Веры Александровны от брака с Беренштамом, Нина, умерла в детском возрасте, в 1890-ом году.

О жизни старшего сына А.Н. Пыпина – Дмитрия Александровича (1868–1910) известно немного. Окончил университет, но так и не сделал профессиональной карьеры, по оценкам знавших его людей, вследствие своей рассеянности и необязательности. В юности увлекался музицированием, завсегда Петербургских оперных сезонов, в этой связи упомянут в мемуарах художника Александра Бенуа (Бенуа А. Мои воспоминания – М., 1980).

Николай Александрович Пыпин (1875–1942 ?) окончил Санкт-Петербургский университет. В 1905 году ушел добровольцем на русско-турецкую войну. Впоследствии – научный сотрудник Пушкинского Дома. Владелец большого книжного собрания работ отца, которое после смерти Николая Александровича, в блокаду Ленинграда, бесследно пропало.

Продолжательницей всех последующих поколений рода А.Н. Пыпина станет младшая дочь ученого – Наталья Александровна Пыпина–Мешкова (1866–1932). С юности Наталья Александровна проявляла разносторонность в интересах и увлечениях: иностранные языки, известны ее переводы польской писательницы Э. Ожешко, лепка и прикладное искусство, автор барельефа к памятнику М.А. Балакирева в Санкт-Петербурге. В 1897 году, после смерти матери, Юлии Петровны, вопреки ее воли выйдет замуж за банковского служащего А.А. Мешкова. За ним последует в Симферополь, Екатеринослав, Царское Село. После развода вернется в Петроград, откуда будет вынуждена уехать в начале первой мировой войны. Жила в Крыму, на Урале, в Сибири, работала сестрой-хозяйкой в санатории, преподавательницей английского языка в женском институте, воспитателем в детском доме. Была знакома с разделившимся трагиче-

скую судьбу императора Николая II и его семьи в 1919 г. в Екатеринбурге придворным лейб-медиком С.Е. Боткиным, который принимал участие в судьбе Натальи Александровны, в сложное для нее время.

Старший сын Натальи Александровны – Георгий Александрович Мешков (1899–1967) был помещен в Санкт-Петербургский кадетский корпус, откуда был переведен в пажеский корпус. В гражданскую войну эмигрировал в Тянь Цзинь. Некоторое время работал тапером в местном кинотеатре. Возвращение на родину, в Россию, оказалось невозможным. Переписка с родными была прервана. Долгое время о судьбе Георгия Александровича ничего не было известно. Недавно удалось установить, что в 1949 году из Китая он был эвакуирован в лагерь для беженцев на Филиппины (остров Тубабао), а оттуда – в Соединенные штаты Америки, где умер в штате Нью Джерси в октябре 1967 года.

Ольга Александровна Мешкова, в замужестве Колпакова (1901–1997), время, проведенное в Елизаветинском женском институте, считала самым счастливым периодом в своей жизни. Обучалась музыке у известного музыканта С.М. Козолупова. Уже после замужества и рождения сына окончила Иркутский университет по специальности почвовед. В 1937 году муж Ольги Александровны, Виктор Константинович Колпаков, был репрессирован. С 1939 года она – геолог поисково-съёмочной партии. Работала в Забайкалье, Патынском нагорье, в Саянах. Всю жизнь увлекалась музыкой. Ее сын, Вадим Викторович Колпаков, 1924 г. рождения, стал геологом. Автор нескольких геологических карт. В последние годы пишет стихи. Живет в Москве. Жена, Антонина Петровна Белова, – геолог. Их дети: Виктор Вадимович Колпаков, 1957 г. рождения, Донат Вадимович Колпаков, 1961 г. рождения; внук – Георгий Донатович, 1989 г. рождения.

Ирина Александровна Мешкова, по первому мужу Лосото, по второму – Логунова, (1904–1974) родилась в Царском селе. С 1930 года жила в Новосибирске. Работала библиотекарем, в годы войны – медсестрой в госпитале. Ее дочь, Ирина Александровна Логунова (1937–2002) – инженер-электронщик, была замужем за Ю.Ф. Орловым, физиком, автором книги «Опасные мысли», знавшим и поддерживавшим отношения с академиком А.Д. Сахаровым. Сын – Лев Юрьевич Орлов, 1963 г. рождения, музыкант; внуки – Глеб, Илья и Филипп, 1997, 2000 и 2003 г. рождения.

«УДИВИТЕЛЬНЫЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ СКАФТЫМОВ»

В архиве Н.М. Чернышевской (1896-1975) хранится машинопись ее воспоминаний об Александре Павловиче Скафтымове. Впрочем, это даже не воспоминания, а своего рода эссе, написанное в связи с уходом из жизни ученого.

А.П. Скафтымов оставил по себе светлую память в истории Дома-музея Н.Г. Чернышевского, в течение 50-ти лет возглавлявшимся внучкой писателя-демократа. Более 30-ти лет связывали добрые отношения известного ученого и хранительницу музея. В литературном и научном наследии, оставшемся после Н.М. Чернышевской, есть несомненная заслуга А.П. Скафтымова.

А.П. Скафтымов, несмотря на некоторые критические замечания, высоко оценивал научную работу Н.М. Чернышевской. На защите ее кандидатской диссертации, посвященной «Летописи жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского» он выступал официальным оппонентом. «Летопись...» и поныне является надежным источником для изучения биографии писателя.

Публикуемые воспоминания соотносимы с написанной Н.М. Чернышевской в 1969 г. статьей «Страницы научной жизни Дома-музея Н.Г. Чернышевского. Памяти А.П. Скафтымова», которую автор закончила словами: «В истории музея деятельность А.П. Скафтымова останется дорогим памятным этапом на пути преобразования его в общепризнанный очаг высокой культуры»¹.

Александр Павлович Скафтымов

Начинаю писать в день его похорон, когда сердце плачет. Не знаю, сумею ли передать бумаге все, что хотелось бы. Он скончался 26 января от болезни, которая является бичом человечества².

Удивительный был человек Александр Павлович. От него веяло чувством какой-то большой внутренней свободы и величавой доброты. Это создавало вокруг него нечто вроде не-

приступной вершины, на которой тем не менее иногда выраста-
ли красивые горные цветы эдельвейсы.

Моим «эдельвейсом» были слова, сказанные им очень
скоро после смерти моего мужа:

– Я не могу забыть нашей первой встречи. Вы вошли в
комнату вся в белом, такая нежная...

Я ничего не ответила. И он больше ничего не сказал.

А первая встреча у нас произошла летом 1919 года, ко-
гда я еще не была замужем. Я готовила библиографию писем
Гончарова для семинара профессора Пиксанова в саратовском
университете, и Николай Кирьякович дал мне записку в библио-
теку Учительского института, директором которого состоял.

– Там библиотекарь Добровольский, бывший директор
гимназии, – сказал Пиксанов, – он выдаст нужные журналы.

Со списком этих журналов я и вошла в библиотеку, но
за прилавком увидела не старика Добровольского, а высокого
молодого человека. Я уж хотела уходить, но он осведомился,
что мне нужно и сейчас же принес целую кипу журналов. При
этом он вел себя так вежливо, так приветливо, так доброжела-
тельно, что я не знала, как его благодарить. Конечно, виду не
подала, что очарована его обхождением, но запомнила этот день
навсегда, как все доброе в жизни. Этим милым человеком был
Александр Павлович Скафтымов. Про него говорили, что он
учитель. У Пиксанова он официально числился казначеем, а на
самом деле выполнял обязанности секретаря на литературных
чтениях, устраивавшихся Николаем Кирьяковичем в дневные
часы по воскресеньям, куда мы, студенты, с удовольствием хо-
дили.

Тогда под сводом этих зал

Дух Грибоедова витал.

Николай Кирьякович все читал нам из своей большой
работы о Грибоедове.

Потом привелось мне увидеть Александра Павловича
на гончаровском семинаре у Пиксанова в университете. Он си-
дел почему-то в шубе и шапке /может быть, болел лихорадкой?/,
тогда как мы были в платьях и в пиджаках, и читал свой реферат
о Достоевском. Тема была для нас посторонняя, читал Алек-
сандр Павлович монотонным голосом, выступлений не было,
этим и закончилась наша встреча на семинаре в конце 1919 или
начале 1920 года.

Затем до меня дошли слухи, что за свою книгу о былинах Александр Павлович получил ученую степень без защиты диссертации³. В этот период до самой смерти отца моего мы не встречались⁴. Зато уж после 1924 года и вплоть до последней болезни связь не прерывалась. Больше сорока лет.

Как-то на Ученом Совете университета, пока все еще рассаживались по местам в аудитории Мичурина, он подсел ко мне, и я сказала:

– Александр Павлович, вы три раза в моей жизни подходили ко мне как к научному работнику.

– Как?! – горячо возразил он, – не три раза, а всю жизнь!

Я подразумевала его отзыв о моей «Летописи жизни Чернышевского», его выступление оппонентом на защите моей диссертации⁵ и его несравненную, неповторимую, единственную в своем роде речь, произнесенную на моем первом юбилее 1946 года. После этой речи мне было трудно слушать другие на двух последующих юбилеях.

Однако слова Александра Павловича на Ученом Совете заключали в себе великий смысл. Он применял их к музейной работе в течение многих лет, когда нам с ним приходилось встречаться, начиная с первых шагов музея Чернышевского.

Прежде всего вспоминается мне, как он шел за гробом моего отца в группе университетских профессоров, самый молодой из них⁶, в светлом чесучовом пиджаке, с развевающимися на теплом майском ветерке вьющимися волосами. В этот день он договорился со мной, что приведет в музей своих студентов.

И они пришли. Наша семья в это время еще жила в доме Чернышевских, и для посещения была по-прежнему открыта только одна – первая – большая комната с экспозицией, развешенной еще руками покойного отца. Здесь для студентов Александра Павловича была проведена мною первая в моей жизни экскурсия. Волновалась я ужасно, даже запретила мужу находиться в этой комнате, но он все же подслушивал за дверью и, по доброте своей, похвалил.

В тот же год /1924/ был организован Александром Павловичем первый архивный семинар по рукописям, хранившимся у нас в музее. Здесь было еще не все собрано, но уже можно было знакомиться с ученическими тетрадами, с дневником, с газетными вырезками. Занятия семнадцати студентов проходили на широкой террасе дома Чернышевского. Эта терраса еще

не была тем узким балкончиком, в который превратилась после реставрации. Студенты пришли взволнованные и заинтересованные. Архивные наши дела протекали в самой примитивной обстановке, за случайными столами, ящиками, на стульях и на домашних табуретах. И самый материал, который впоследствии можно было изучать только по микрофильмам, здесь непосредственно попадал в молодые, веселые и ставшие бережными руки. Молодежь была предупреждена Александром Павловичем, какие ценности хранятся у нас в архиве. Я выдала материал, потом отвечала на вопросы студентов, и семинар очень удался. В это время в Саратове решено было издать первый сборник, посвященный Чернышевскому. Он вышел в 1926 году. Официальным редактором считался директор Губмузея Павел Сергеевич Рыков, а фактически вся работа по подготовке материала легла на Александра Павловича, с которым мы вместе работали над музейным архивом. Для сборника Александром Павловичем был подготовлен неизданный материал: первая часть «Мелких рассказов», написанных Николаем Гавриловичем в крепости, письмо Плещеева о Всеволоде Костомарове, статья «Чернышевский и Плещеев», статья о романе «Что делать?»⁷.

Александр Павлович часами просиживал в кабинете покойного основателя музея, и мы все ходили на цыпочках, чтобы ему не мешать. В связи с работой над «Что делать?» он съездил в Ленинград к Вере Александровне Пыпиной, которая была очарована его обхождением и красотой. А он был в восхищении от ее квартиры: «Это настоящий музей».

Годы 1925, 1926, 1927 были очень памятными, очень насыщенными в истории нашего музея. Во-первых, потому, что приближался юбилей – 100-летие со дня рождения Николая Гавриловича. Это был первый большой юбилей при советской власти. Уход из жизни его сына⁸ всколыхнул внимание к музею, всем были памятны неусыпные хлопоты его о создании музея, и со всех сторон готовилась поддержка его преемникам. А преемнице было 27 лет и никакого опыта в музейном деле. Я знала одно: надо продолжать дело отца. Ведь я же написала ему письмо, в котором обещала заботиться о музее, и это письмо было ему прочитано в последние минуты его жизни. Он хлопотал в Москве о средствах на ремонт музея. И я написала в Москву о том же. И вдруг меня в ответ сразу вызывают в Совнарком. – Собирайтесь и завтра же выезжайте на совещание, – приказал Рыков⁹. Я сейчас же уложила маленький чемоданчик и отправи-

лась. Ожидание в Совнаркоме длилось часа четыре, а доклад мой – две минуты. Были отпущены средства, на которые музей был отремонтирован и реставрирован, а семье нашей был предоставлен в пожизненное пользование флигель Пыпиных на дворе предков.

И вот – никогда не забуду этого дня – сижу я одна в музее в большой комнате за пустым столом. Крошечные дети ждут меня дома, а я не двигаясь смотрю только вокруг себя и вижу только пустые комнаты, пустые стены. Семь комнат, а сколько стен! И все эти стены я должна завесить! Неужели это когда-нибудь будет? И страшно мне и радостно, и какая большая дорога впереди! В этот день я познала огромную радость творчества. Пусть потом было много трудностей и невеселых минут, но это чувство осталось во мне навсегда.

Конечно, не мне одной обязаны музейные стены. Разве можно было работать в одиночку, когда кругом все шли на встречу: и руководители партии и города, и саратовские ученые, и была открыта дорога в Москву.

Здесь я опять подхожу к роли Александра Павловича. Мне удалось создать комиссию по организации музея. Официально она возглавлялась П.С. Рыковым, но фактически во главе ее стоял проф. В.В. Буш, а членами были Виктор Геннадьевич Ильинский, Александр Павлович Скафтымов и проф. Павел Геннадьевич Любомиров. Эта комиссия собиралась довольно часто, я сделала там около десятка докладов, в которых материал распределялся на три части: что у нас есть, чего нет, но надо приобрести и куда за этим нужно ехать в командировку.

Эта комиссия заседала уже в освобожденном здании музея после его капитального ремонта. Новая, то есть первая в смысле объема экспозиция намечалась к 100-летию юбилею Чернышевского.

В Москве тоже думали об этом юбилее. Старый большевик Н.А. Алексеев написал своим друзьям-ленинцам, в том числе Надежде Константиновне Крупской, о необходимости подготовить к печати трехтомник под заглавием «Литературное наследие», это было принято, и Соцэргиз обратился ко мне с предложением подобрать работников для подготовки этих томов.

Почти весь второй том – переписка 60-х годов – был подготовлен Александром Павловичем Скафтымовым. Опять он

работал в музее, опять у нас происходили литературные встречи. Работа над трехтомником началась в 1926 году.

В том же году произошло событие в жизни не только музея, но всего города. Из рукописного отделения библиотеки Академии Наук было передано музею богатое архивное собрание из бывшего уголка Чернышевского. Теперь в музее насчитывалось шестьсот рукописей, сто двадцать одна корректура, полторы тысячи писем Чернышевского и множество документов. О них рассказывается подробно в моем очерке «Обзор первоисточников, хранящихся в Доме-музее Чернышевского». Рукописи были присланы в 1926 году, после того, как я сама упаковывала и зашивала кардонки в холст в присутствии Всеволода Измайловича Срезневского, а ящик с корректурами пришел через год в 1927 году. Но разрешение на весь архив было получено в 1926 г. от президента Академии Наук проф. Сергея Федоровича Платонова.

Итак, саратовский музей сделался центром хранения ценнейшего архива. Нужно было его разбирать, сличать с текстами полного собрания 1906 года и выявлять неизданные материалы. Вокруг музея собралось ядро из филологов, историков, философов, экономистов, и все они с большим энтузиазмом стали работать для сборников «Чернышевский», для других изданий и для докладов в Обществе Истархэт, потом переименованном в Общество Краеведения. Помню, в 1927 году было прочтено там 11 докладов о Чернышевском за одну зиму.

Александр Павлович принимал большое участие в обработке для печати писем Чернышевского 50-60-х годов и написал статью о повести «Отблески сияния», которую в Обществе и доложил. Одновременно он продолжал заниматься по «Что делать?», передал свою первоначальную статью и дал великолепный анализ романа уже в следующем юбилейном сборнике 1939 года¹⁰.

В 1936 году Александру Павловичу было предложено подготовить к печати роман «Пролог» по рукописному автографу Чернышевского, хранящемуся в музее. Он написал ценнейший комментарий о прототипах романа, а сверку текста поручил мне и О.А. Скафтымовой¹¹.

Помню, мы сидели с ней в мезонине музея и считывали тексты с подлинника, и списка, сделанного Муравским. Стояла ужасная жара /июль/, но мы занимались с любовью, — это была такая радостная работа для нас обеих. Однажды, когда мы ото-

рвались от рукописей, чтобы отдохнули глаза, Ольга Александровна рассказала мне, как они встретились с Александром Павловичем и как повенчались с ним в старой деревенской церквушки.

— Когда вышли оттуда и поехали домой, разразилась ужаснейшая гроза, и мы так и ехали всю дорогу, — вспоминала Ольга Александровна. Она обожала Александра Павловича, это всем было известно, но, тем не менее, она сказала мне такое, что запомнилось мне на всю жизнь: «Я очень люблю Александра Павловича, но как-то сказала ему /ведь я старше него!/: «Сашенька, если ты когда-нибудь полюбишь другую женщину, то не обманывай меня, не скрывай, а сразу скажи об этом, и я отойду... Лишь бы ты был счастлив!». Иногда на Александра Павловича нападало такое настроение, что он не хотел говорить, он молчал. Ольга Александровна шепотом внушала сыну: «Папа Сашенька молчит, давай и мы будем молчать. Не надо мешать ему».

Пишу эти строки и плачу, потому что сейчас Александр Павлович уже замолчал навсегда.

Поистине огромен вклад Александра Павловича в сложное и трудное дело увековечения памяти Чернышевского.

В 1935 году я получила телеграмму от П.И. Лебедева-Полянского о том, что Гослитиздат предпринимает издание первого полного собрания сочинений Чернышевского в 15 томах /после прибавился еще 16-ый/. Александр Павлович был приглашен участвовать в литературных томах этого издания: одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом, где содержались две редакции романа «Что делать?» и произведения, написанные в Петропавловской крепости и в ссылке. Комментарий Александра Павловича к роману «Что делать?» является крупной научной работой по богатству собранного материала, ставшего библиографической редкостью. Вышел этот том в 1939 году в связи с 50-летием со дня смерти Чернышевского. Одновременно вышел и наш саратовский сборник, в котором помещена великолепная статья Александра Павловича о «Что делать?». Эта работа может быть отнесена к классическому наследию русской литературы.

В тот же период, накануне финской войны, Александр Павлович читал в Педагогическом институте спецкурс о Чернышевском, и я весь этот курс с наслаждением прослушала и записывала его лекции. Много, очень много впервые прозвуч-

чало в его лекциях свежим, новым словом, например, освещение работ Чернышевского в «Современнике» не только литературоведческого порядка. До того времени этого не было сделано нашей наукой так лаконично и так исчерпывающе.

На основании прочитанного курса Александром Павловичем была издана небольшая, но очень ценная монография о Чернышевском¹². Кое-что в первой части, во вступлении было указано не совсем точно, и я в своем экземпляре исправила некоторые биографические неясности. Но в целом эта монография Скафтымова может служить и служит для работников музея непревзойденным пособием.

В юбилейные дни и 1928, и 1939-го года мы с Александром Павловичем работали в юбилейных комиссиях при саратовском Исполкоме Областного Комитета. А при комиссиях были еще подкомиссии, и мы с ним входили и туда. Помню, надо было в университете добиться не то средств, не то встречи с редактором. Вот идем мы по университетскому двору втроем /не помню, кто был третий, кажется, Бельский/. Третий говорит: «У меня сейчас целая неделя Чернышевского!».

– А у меня – месяц Чернышевского, – отвечает Александр Павлович.

– А у меня... – начала я, но он не дал мне окончить, воскликнув: «А у вас – вся жизнь Чернышевского!»

И мы в таком хорошем настроении вошли в ректорат.

В 1939 году Александром Павловичем была помещена в юбилейном номере «Коммуниста» замечательная статья – обзор научной деятельности Дома-музея Чернышевского. После этой статьи нечего было добавить, – так веско она звучала. По своей скромности Александр Павлович не называл себя, а ведь он был душой изучения Чернышевского в Саратове.

Два раза по его просьбе я проводила архивные занятия в музее для его студентов старших курсов. Это входило в учебный курс университета. Первый раз мы «проходили» рукопись диссертации «Эстетические отношения...», второй раз – рукопись И.Г. Жукова, товарища Чернышевского по ссылке. Оба раза девушки хорошо занимались. Когда мы с Александром Павловичем разрабатывали план этих занятий, он так добродушно заметил: «Конечно, они архивной работой не увлекутся: их интересует весна и любовь». И получилось, что именно «Эстетические отношения...» подошли для архивной практики. Тут такое богатство материала, такое разнообразие исследователь-

ских путей и особенно редкий случай – следы цензорских когтей на самой рукописи, а не в корректуре. И вместе с тем это такое эмоциональное, яркое, молодое произведение, в нем столько жизнерадостности, влюбленности в жизнь и красоту, что мимо этой вещи нельзя пройти молодежи.

Накануне финской войны Александра Павловича постигло огромное личное несчастье: умер его единственный сын 19 лет, студент-математик. Умер от туберкулеза в отсутствие матери, находившейся далеко¹³. Так надо было видеть, как откликнулся весь университет, все, кто только знали и слышали Александра Павловича: учителя, учительницы, библиотекари. За гробом Павлуши шла несметная толпа. Я никогда не видала подобных похорон. Студенты скупили все шелковые цветы, продававшиеся в одном магазине за такую цену, что я могла позволить себе в день зарплаты приобрести там только один цветок. Цветы были сделаны из шелка рукою тонкого художника. Все эти цветы легли на гроб Павлуши. Александра Павловича вели под руки, лицо его, опущенное на грудь, напоминало маску...

Это было 14 марта, мокрый снег мешал идти, перед кладбищем мужчины переносили женщин на руках через ручей, разлившийся от потоков с гор.

Ко мне подошла директор Научной библиотеки университета Вера Александровна Артисевич со словами:

– Нина Михайловна, мы все очень озабочены, что пропал шприц, которым в больнице делали уколы Павлуше. Там боятся, не взял ли его отец. Надо не оставлять его одного. Мы решили каждый день ходить навещать его по два человека и уже сейчас сговариваемся. Если вы согласны, то вашей парой будет Александр Петрович Медведев.

Как могла я не согласиться! И стали все ходить на дом в опустевшую квартиру на Камышинской улице. Помню, просили Александра Павловича показать нам альбом летних студенческих экскурсий, просили дать на дом почитать книги из его библиотеки. Мне он дал, помню, «Тарантас» Сологуба.

Не могу пройти мимо еще одной встречи в квартире Скафтымовых. Накануне похорон Павлуши я утром туда поехала. Их домашняя работница налила мне кофе, Александр Павлович был молчалив. А за столом сидела старушка, с которой он меня познакомил. Услышав мою фамилию, эта старушка вдруг мне говорит:

– Как приятно, что я вас вижу. Вы мне напомнили мои далекие молодые годы, когда я вместе с мужем ездила на открытие Китайско-Восточной железной дороги. Мой муж был священник. С нами ехали инженеры и всякое начальство. И вот проездом мы остановились в Александровском заводе. Стало известно, что тут жил Чернышевский. Как раз в его домике и жили мы с мужем. При мне кто-то спросил из наших путешественников у хозяйки домика:

– А много Чернышевский здесь писал? Не осталось у вас что-нибудь из его рукописей?

– Как же, как же, – отвечала хозяйка, – когда его увезли отсюда, остался целый ворох, я его на чердак отнесла. А когда по воскресеньям пекла пироги, то эту бумагу в печку подкладывала, чтобы они лучше зарумянились. Очень хорошие пироги получались.

Этот рассказ врезался мне в память, как-будто по камню его вырезали ножом. При выступлении в МИФЛИ /в Москве/ в 1940 году на тему «Литературное наследие Чернышевского» я его передала. После доклада мне сказали профессора Гагарин, Минц и другие:

– Когда вы это рассказали, у нас мороз по коже прошел...

Давно мне хотелось записать об этом, спустя некоторое время, я спросила у Скафтымова фамилию старушки, но Александр Павлович ничего уже не мог вспомнить, а Ольги Александровны в те дни не было.

Александр Павлович так тяжело переживал смерть сына, что с ним даже сделалось нервное заболевание, от которого все время подергивались плечи и голова. Потом это прошло.

Как-то я приехала к нему, и он мне говорит:

– Раз уж я остался жить, надо жить как следует, надо работать над самым главным в жизни.

И он указал мне на книги Ленина, возвышавшиеся перед ним на столе.

Он очень хорошо изучил Ленина, я убедилась в этом, когда он поправлял В.Н. Шульгина при просмотре нашей музейной экспозиции. Тот считал себя непререкаемым апостолом марксизма, но на каждом шагу ошибался и в жизни, и в теории. Про Александра Павловича этого сказать нельзя.

Только из траурного объявления я узнала, что Александр Павлович был награжден орденом Ленина¹⁴. Это сразу

напомнило мне наш разговор после смерти Павлуши. Да, достойную грудь украсил этот орден.

За время войны у нас в музее заместителем директора был Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов. Он был эвакуирован из Ленинграда вместе с другими профессорами университета. /О нем я должна написать особо/.

После отъезда ленинградцев в 1944 году заместителем по научной части был приглашен Александр Павлович Скафтымов¹⁵. Пробыл он не очень долго, но это не играет никакой роли, потому что по существу он всю жизнь, с самого 1924 года был именно научным руководителем и помощником в нашей научной работе, где бы ни записывали его в ведомостях: в Педагогическом институте или в университете. Он был неизменным членом нашего Ученого Совета, и, если уж он приходил, то с ним приходили и все остальные университетские ученые, состав Совета был обеспечен.

Авторитет его был непоколебим, и это объяснялось не только его деятельностью как талантливого, оригинального и глубоко вдумчивого ученого, но и необыкновенным благородством всей его личности, редкостной моральной чистоты.

У него ни с кем не было ссор или пререканий, он стоял выше мелочей, и в этом чувствовалось такое величие духа, что поневоле около него думалось: такими должны быть мы все.

После войны, после бомбежек, после страха за музей и за землю предков, во мне родилось непреодолимое желание написать книгу «Чернышевский в Саратове». Я пошла в Обком партии и сказала об этом.

– Проспект книги есть у вас? Покажите его Александру Павловичу Скафтымову и пишите, а мы позвоним в издательство, чтобы вашу книгу приняли.

Я отправилась в университет, подождала, когда Александр Павлович выйдет после лекции, и он встретил меня такой доброжелательной улыбкой, что я приободрилась и подала ему мой проспект. Он сделал в нем одну поправку /о родителях Чернышевского/ и отдал обратно. И мы просто сидели друг против друга, глядели друг на друга с сияющими лицами и ничего больше не говорили. Я поняла, что его обрадовало мое вдохновение: написать книгу. Он всегда приветствовал стремление к литературному труду, ценил его в других. А я была счастлива оттого, что на пути к созданию книги никто не облил меня хо-

лодной водой, иначе я могла замкнуться в себе и отказаться от этой работы.

Этот маленький эпизод мне захотелось привести как пример того доброжелательства, с которым Александр Павлович относился к студентам и вообще к людям.

Три издания вышло моего «Чернышевский в Саратове», а я не устаю благодарить Александра Павловича за моральную поддержку.

В конце 1947 г. я присутствовала на собрании в редакции газеты «Коммунист», на котором Александр Павлович выступал с докладом об А.П. Чехове.

В этот вечер его поздравляли с только что присвоенным ему почетным званием Заслуженного деятеля науки РСФСР. Можно было ожидать торжественного ответного выступления, а вместо этого получилось так скромно и просто, вот уж действительно как-то по-чеховски: Александр Павлович встал и сказал с явным смущением только одну фразу, да еще раз повторил ее. Она заключала в себе благодарность и сопровождалась поклоном в сторону присутствующих. И сейчас же он сел на место.

В этом сказался он весь, такой неповторимый.

Два раза мне пришлось публично выступить в защиту А.П. Скафтымова от нападков на него сторонников М.В. Нечкиной.

Это было в 1956 году в Академии Наук, в отделении литературы и языка, где рассматривалась записка, поданная в Гослитиздат по вопросу переиздания пяти литературных и литературоведческих томов Полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского. Основанием для этой записки, поданной В.П. Шульгиным и Ф.М. Головенченко, было якобы неудовлетворительное комментирование томов, вышедших под редакцией А.П. Скафтымова. Особенное внимание авторов записки привлек комментарий повести «Отблески сияния». Эта повесть в 1882 году была взята у Чернышевского в Вилуйске прокурором Меликовым, в течении 45 лет пролежала у него и только в 1917 году была им прислана в Академию Наук после февральской революции. Рукопись оказалась в самом неудовлетворительном виде, она сохранилась далеко не целиком; в ней заключались отдельные главы, не хватало страниц. Написанная эзоповским языком со множеством отступлений в сторону бытовых интересов, пронизанная намеками на большие общественные события, совершившиеся где-то в зарубежных даях, эта

повесть несомненно должна была отражать общественно-политическую направленность автора. Но запутанность изложения, подкрепляемая разрозненностью отдельных частей рукописи, не давала возможности комментатору выйти за пределы догадок.

А.П. Скафтымов со свойственной ему вдумчивостью осторожно подошел к материалу, – выявил наличие положительного героя как передового человека своего времени и отметил в романе отголоски Парижской Коммуны.

В.П. Шульгин, обуреваемый жадой открытия творческих находок, – прямо называл героя участником Парижской Коммуны. Вслед за ним потянулись Ефременко и другие /после о том же написал В.М. Корочкин в статье «Был ли Н.Г. Чернышевский знаком с «Капиталом» Маркса?» в журнале «Вопросы истории», 1968 г. №3/.

В Академии Наук о Полном собрании сочинений Чернышевского выступил Борис Павлович Козьмин, как главный редактор всего собрания. Он указывал на трудности печатания томов особенно в военное время и не слагал с себя ответственности за некоторые недочеты, неизбежные в таких условиях.

После Бориса Павловича я попросила слова и сказала:

– Я всегда рада поддержать новые издания сочинений Чернышевского и сама работаю над ними уже много лет. Но я бы хотела обратить внимание вот на такой факт: если два лица подали записку о подготовке новых пяти литературных томов и если они считают неудовлетворительной работу Скафтымова, то без всякого сомнения эти лица подразумевают, что новые пять томов будут редактировать они. Вот против этого я бы решительно возражала. Работы и высказывания Шульгина мне достаточно хорошо известны по Саратову, – в них преобладает безудержная фантастика. А Головенченко плохо знает Чернышевского, об этом свидетельствует записанная мною его лекция о Чернышевском в Политехническом музее, которую я читала научным сотрудникам в Саратове, как пример того, как не нужно читать лекции.

Шульгин пытался в ответ перенести вопрос на личную почву, но председатель академик В.В. Виноградов не дал ему этого сделать и закрыл собрание. Вопрос об издании пяти томов не был разрешен на основании перегруженности Академии многотомным изданием Салтыкова-Щедрина.

Что касается издания повести «Отблески сияния», тут нельзя умолчать, какую неприятность устроил Александру Павловичу его аспирант А.П. Медведев, которому Александр Павлович поручил сверку текстов. Медведев пропустил целую страницу. В рукописи было трудно разбираться, потому что она написана как «Отче наш в наперстке», и Медведев не справился, а Александр Павлович на него положился. Жаль, что он так подвел А.П. Скафтымова.

Второй раз я выступала на факультете, когда разбиралась статья Зевина, поместившего А.П. Скафтымова в совсем не подходящую для него компанию. Зевин шел по стопам своего идейного шефа – М.В. Нечкиной. Я выступала последней. Выступала горячо, много сил положила в это выступление...

Прощаясь после собрания, Александр Павлович сказал мне только: «Спасибо, Нина Михайловна!».

Однажды в Переделкине /это было в 1963 г./ ко мне подошел один кинорежиссер /Коварский/ и спросил о профессоре А.П. Скафтымове. Завязался разговор, во время которого мой собеседник обратился к сидевшим по близости писателям и писательницам со словами: «Это – грандиозный ученый!»

И добавил: «И красавец необыкновенной красоты. При этом не конфетного жанра, а настоящий... Ему бы играть Ставригина!»

Действительно, одаренный от природы редкой красотой лица, Александр Павлович был чужд всякой рисовки. Красота его привлекла всех чертами высокого душевного благородства.

28 января 1968 г.

На этом рукопись воспоминаний Нины Михайловны заканчивается. Через год /в 1969 г./ ею написан другой очерк об А.П. Скафтымове, помещенный в университетском сборнике «Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» № 6 за 1971 г. стр. 275–282. <прим. В.С. Чернышевской>

МУК «Музей Н.Г. Чернышевского». ОФ. Папка 199. № 7347/5003. Л. 1-16.

¹ См.: Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 6. Саратов, 1971. С. 282.

² А.П. Скафтымов умер 26 января 1968 г. в Саратове. Похоронен на Воскресенском кладбище.

³Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1924.

⁴М.Н. Чернышевский скончался 3 мая 1924 г. в Москве. Похоронен в Саратове на Воскресенском кладбище.

⁵«Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского» издана в издательстве «Academia» в 1933 г. В 1944 г. была защищена Н.М. Чернышевской на Совете Ленинградского университета, эвакуированного в Саратов, а ее автор удостоена ученой степени кандидата филологических наук.

⁶С 1929 г. А.П. Скафтымов – доцент, затем профессор, заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Саратовского пединститута (1931–1948) и университета (1944–1951).

⁷Н.Г. Чернышевский : Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926.

⁸Сын А. П. Скафтымова Павел умер в марте 1937 г.

⁹П. С. Рыков – директор Областного музея краеведения, в ведении которого в эту пору находился музей Н. Г. Чернышевского.

¹⁰См. сб.: Н.Г. Чернышевский. Саратов, 1939. С. 212–233.

¹¹Ольга Александровна Скафтымова (урожденная Знаменская) (1884–1978) – жена А.П. Скафтымова.

¹²Скафтымов А. П. Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1939; 2-е изд. Саратов, 1947.

¹³См.: Прозоров В. В. А.П. Скафтымов. Новые материалы. Известия Саратовского университета: Сер. : Филология, журналистика. Вып. ½. Т.5, 2005. С. 34–94.

¹⁴В 1947 г. А.П. Скафтымов удостоен звания Заслуженного деятеля науки РСФСР, награжден Орденом Ленина.

¹⁵Из личного дела А.П. Скафтымова, хранящегося в музейном архиве, следует, что он работал в должности заместителя директора по научной части с 1 октября 1944 г. по 1 декабря 1945 г.

**К ИСТОРИИ ПАРИЖСКОЙ ВСТРЕЧИ
Ф.И. ТЮТЧЕВА С А.И. ГЕРЦЕНОМ**

Как известно, в марте 1865 года в Париже Ф. И. Тютчев встретился с А.И. Герценом. Эта встреча была выбрана темой данной статьи, несмотря на значительную ограниченность материалов, свидетельствующих об этом событии. Принцип исторической объективности, согласно которому «историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать», дорог и ценен для нас, в особенности, когда исторические сведения весьма скудны, и, конечно, необходимо ограничивать свою фантазию даже при наличии скудных материалов. Но все-таки можно, и даже нужно определить границу между теми фактами, что объективно возможны и теми, что невозможны.

Цель статьи состоит в том, чтобы, во-первых, выяснить, что говорилось на встрече, и обозначить, чего на ней не было, во-вторых, определить значение этой встречи в политической деятельности и личной жизни Тютчева.

Прежде всего, рассмотрим взаимоотношения обоих до их встречи.

Известно, что Герцен основал в Лондоне «Вольную русскую типографию» и с 1857 года начал издавать газету «Колокол», не подвластную цензуре. Предоставляя возможность свободного высказывания, газета пользовалась большой популярностью и, следовательно, оказывала заметное влияние на русское общество. «Русская литература за границей растет не по дням, а по часам» – гордо пишет Герцен чуть позже, в октябре 1860 года (Герцен. Т. 14. С. 328¹).

Царскому правительству в ответ на «вредное влияние» Герцена предстояло принять какие-то контрмеры. В то же время возникала необходимость цензурной реформы в рамках общего преобразования страны после Крымской войны. В ходе обсуждения цензурной реформы, уже в 1858 году министр иностранных дел А. М. Горчаков обратился за помощью к Ф. И. Тютчеву, который долго проработал дипломатом в Европе и был весьма

осведомлен в цензурных системах западных стран. Самое главное, у него было понимание «направления общественного мнения» Европы. Ведь еще в 40-х гг. Тютчев активно действовал в области идеологии в защиту международного престижа России, пытался расположить европейских литераторов, чтобы противостоять антирусским настроениям на Западе, сам написал ряд политических статей в защиту России².

В ответ на запрос Горчакова Тютчев написал «Письмо о цензуре в России». В нем он предложил, во-первых, облегчить цензурный гнет: по его мнению, из-за цензурной строгости во-круг русской власти образуется «пустыня, огромная умственная пустота» (Тютчев. Т. 3. С. 203³). Для него поражение в Крымской войне казалось естественным последствием отсутствия общественного мнения в России. Во-вторых, с целью эффективной борьбы с Герценом он предложил создать заграничную правительственную русскую типографию на основаниях «хотя бы немного сходных с условиями противника» (Там же. С. 311).

После серьезного обсуждения проблемы в российских правящих кругах в апреле 1858 года Тютчев вступил в должность председателя Комитета цензуры иностранной при Министерстве народного просвещения «с оставлением в ведомстве Министерства иностранных дел» вопреки уставу, который запрещал цензору исполнять одновременно другие обязанности⁴. Таким образом, Тютчев стал главным противником Герцена. В своем отчете за 1858 год Тютчев отмечает, что Комитет цензуры иностранной «поступает самым строгим образом» с заграничными русскими типографиями⁵. Другое дело, если существовал бы заграничный полуофициальный орган, то Тютчев мог бы помещать там издаваемые материалы.

Но предложение Тютчева создать орган свободной прессы, хотя и было принято в правительстве в качестве плана создать полуофициальный орган подобно «Bureau de la press» во Франции, потерпело неудачу. И Герцен, узнав об этом, обличил его на страницах «Колокола» (Герцен. Т. 13. С. 420). Все-таки Тютчев остался на посту председателя Комитета цензуры иностранной, хотя задуманный им заграничный орган и не был создан. На этом посту он продолжал борьбу против Герцена. В отчете за 1863 год он пишет: «На этого рода сочинения [имея в виду заграничные русские сочинения. — Он Оя] Иностранная Цензура обращает и ныне особенно строгое внимание, употреб-

для все зависящие от нее средства к воспрепятствованию водворения в Империи подобного рода изданий»⁶.

Именно в то время, когда Тютчев писал свой отчет, Герцен переживал самое трудное время в своей и политической, и частной жизни. Дело в том, что в «Колокол» перестали писать русские либералы, опасаясь и революционности газеты, и ее отношения к польскому восстанию. «К концу 1863 года расход «Колокола» с 2500, 2000 сошел на 500 и ни разу не подымался далее 1000 экземпляров», — позже вспоминал Герцен (Герцен. Т. 11. С. 374). В конце 1864 года Герцен решил перенести свою типографию в Женеву и покинуть Лондон. Более того, в конце 1864 года Герцен потерял двух детей от дифтерии, еще заметнее стало пристрастие к алкоголю Н.П. Огарева, их номинального отца...

Вот в такое трудное время Герцен принимал Тютчева в Париже, куда Герцен приехал, чтобы перезахоронить двух детей. 20 марта (по н. ст.) он получил разрешение на эксгумацию на парижском кладбище, и уже в три часа тридцать минут дня 22 марта он уехал «с двумя гробиками» в Ниццу. А встреча с Тютчевым состоялась именно 21 марта. Следует подчеркнуть, что вопреки широко распространенному мнению о двухразовой встрече, Герцен встретился с Тютчевым только один раз⁷.

Несмотря на то, что сведения об этой встрече, крайне скудны, попытаемся восстановить, как именно она происходила. Сначала обратим внимание на письмо Герцена к Огареву от 9/21 марта из Парижа.

«Сегодня я у Левицкого... с Тютчевым. Горе ему, если он станет говорить о «Колоколе». Он просил Левицкого его познакомиться. Экая каша» (Герцен. Т. 28. С. 48).

Судя по этому письму, во-первых, инициатором встречи был Тютчев, который только что приехал в Париж из Ниццы. Дело в том, что, потеряв свою «последнюю любовь», молодую Елену Денисьеву в августе 1864 года, Тютчев с горя «убежал» за границу и с конца октября провел почти четыре месяца в Ницце. Таким образом, не только для Герцена, но и для Тютчева это было трудное время. Но все-таки он смело попросил у Левицкого организовать встречу с Герценом. Не вызывает сомнения, что у старика-Тютчева (ему было больше шестидесяти лет) была сильная мотивация для разговора с Герценом. А Герцену, пожалуй, были неизвестны намерение и цель Тютчева. В то же время вполне вероятно, что на встрече речь *не* касалась «Коло-

кола». И также можно предположить, что Тютчев-дипломат начал встречу мягко-нежно, обходя острые моменты, и даже в какой-то степени нашел общий язык с Герценом, например, по поводу произвола французского правительства⁸.

А вот еще одно письмо Герцена к Огареву от 11/23 марта 1865 года из Тулона: «Приехал сюда после 32 часов без отдыха. Завтра в 6 утра должен ехать – теперь двенадцатый час...

Тютчев – еще больше мед и млеко...» (Герцен. Т. 28. С. 50).

От Парижа до Тулона Герцен ехал тридцать два часа на поезде «с двумя гробиками». О чем он думал в вагоне? Что он хотел передать Огареву под словом «мед и млеко»? Об истинном ответе на первый вопрос, нам можно только догадываться. Вполне возможно, что он думал о детях, о семье, но, возможно, и о встрече с Тютчевым.

А ко второму вопросу мы можем подходить более или менее исторически. Дело в том, что за несколько дней до встречи в письме к Огареву Герцен употребляет слова «мед и млеко», когда речь шла о Н. В. Ханыкове (Герцен. Т. 28. С. 43). С ним Герцен вместе обедал 6/18 марта и «просидел с ним часа четыре». Ведя долгий разговор с Герценом о дворянском конституционализме, Ханыков, хотя два дня тому назад был, вроде бы «в восхищенье» от статьи Герцена, теперь «уклонив, бережет свою позицию» (Герцен. Т. 28. С. 44). Значит, для Герцена человек «мед и млеко» – человек мягко-нежный, но упорный. Можно предположить, что на встрече с Тютчевым, тот показался Герцену более мягко-нежным, но в то же время и более упорным человеком, чем Ханыков.

Тогда, что так упорно скрывал Тютчев на встрече с Герценом? В чем разногласия между двумя идеологическими противниками, если до разговора о «Колоколе» не дошла речь? Может, в вопросах о Ницце, об умирающем тогда там наследнике престола Николае Александровиче, или о польском восстании? Опять нам остается только догадываться.

Но вскоре появившиеся после этой встречи стихотворение Тютчева («Сын царский умирает в Ницце»), и статья Герцена от 31 мая («Письмо к императору Александру II»), нам представляется, поддерживают нашу догадку. С одной стороны, Тютчев пишет:

Сын царский умирает в Ницце —
И из него нам строят ков(ы)...

«То казнь отцу за поляков», –
Вот что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих понятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?...
Кто говорит так: польский поп,
Или министр какой из русских? (Тютчев. Т. 2. С. 139.)

А с другой, Герцен резко критикует на страницах «Колокола» беспощадное подавление польского восстания:

«К бесчисленному числу польских семей, повергнутых в глубокое горе, потерявших сыновей своих, прибавилась еще семья в трауре – это ваша семья, государь. Она счастливее их, ее горе не будет оскорблено...» (Герцен Т. 18. С.337.)

Но, догадка остается догадкой. Вернемся к нашей теме. С какой целью Тютчев встретился с Герценом, и какое значение имеет встреча для Тютчева?

Как уже сказано, Тютчев «убежал» за границу из-за горя: потеря Денисьевой. А в Ницце он утешился в горе, решил заниматься «деятельностью живой, серьезной» (Тютчев. Т.6. С. 86). На самом деле, после возвращения на родину (т. е. после встречи с Герценом в Париже) он начал активно воздействовать на русское общественное мнение. Он пытался внушить свою идею на страницах «Московских ведомостей» через А. И. Георгиевского – мужа сестры Денисьевой. Биограф Тютчева даже считает, что «многие статьи Георгиевского в значительной мере были... тютчевскими» (Кожин. 2001. С. 329).

Из всего сказанного хотелось бы выдвинуть гипотезу о том, что для Тютчева парижская встреча с Герценом служила необходимым шагом для того, чтобы заняться новой, живой, серьезной деятельностью. То есть создать «опору» в русском общественном мнении в пользу царского правительства. Именно для этого, чтобы сделать еще один шаг, Тютчеву необходимо было констатировать смерть «Колокола».

В своем отчете за 1865 год Тютчев пишет:

«...В настоящее же время литература Герценовская представляет мало опасного, она, как известно Высшему Начальству, исписалась и потеряла всякое значение»⁹.

¹Здесь и далее цитируется по изд.: Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1966.

²См.: Казанович Е. Из мюнхенских встреч Ф.И. Тютчева // Уралия. Л., 1928. С. 150–151.

³Здесь и далее цитируется по изд.: Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем : в 6 т. М., 2003.

⁴Устав цензурный от 2 апр. 1848 // Свод законов российской империи. СПб., 1857. С. 7.

⁵Отчет о действиях иностранной цензуры за 1858 год // Литературное наследство. Т. 19–21. С. 568.

⁶Отчет за 1863 год // Там же. С. 572.

⁷Биограф Тютчева В.В. Кожин в своей книге написал, что «Тютчев, находясь в Париже, дважды встретился с Герценом (8 марта они обедали вместе, а на следующий день продолжили беседу)» (Кожин В. Тютчев. ЖЗЛ, 1994. С. 380; Пророк в своем отечестве. М., 2001. С. 323; 2002. С. 399). Действительно, 21 марта по новому календарю (т.е. 9 марта по старому) Герцен написал Огареву, сообщая, что в этот день он виделся с Тютчевым (Герцен. Т. 28. С. 48). А летописец Тютчева назвал еще одну дату – «8/20 марта» (Чулков Г. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М. ; Л., 1933. С. 167), исходя из биографической канвы в Собрании сочинений Герцена под редакцией Лемке (Лемке М.К. 1922. Т. XXII. С. 344). Возможно, что Лемке, редактор собрания сочинений Герцена, сделал ошибку, когда он, составляя хронологическую канву, перевел дату герценовского письма на старый календарь. Однако эта возможная ошибка не встречается в другом месте того же издания (Лемке М.К. 1925. Т. XXII. С. 344). Несмотря на то, что книга покойного Кожина несколько раз была переиздана, эта ошибка не была исправлена и, пожалуй, не будет исправлена. Поэтому считаю необходимым здесь особо указать на нее.

⁸Позже Герцен вспоминает разговор с Тютчевым о законах «о подозрительных людях Эспинаса» во Франции (Герцен. Т. 11. С. 495).

⁹Отчет о действиях иностранной цензуры за 1865 г. // Литературное наследство. Указ. соч. С. 577.

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ О Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Один из постоянных авторов уважаемой газеты «Известия» писатель, доктор философских наук, кандидат филологических наук К.А. Кедров в последнее время откликнулся на две даты, связанные с именем Н.Г. Чернышевского – статья «Умри, но не давай поцелуя без любви» к 180-летию со дня рождения писателя («Известия», 2008. № 134. 24 июля) и статья «Под сломанной шпагой» («Известия», 2009. № 203. 2 ноября). Можно было бы и не обращать внимания на эти выступления, если бы не авторитет газеты с ее большим по нынешним временам тиражом и, главное, если бы не имя Чернышевского.

Первая статья дала повод для полемики профессору Волгоградского государственного университета В.Б. Смирнову, выступившему со статьей «Зачем кусать груди кормилицы?» (журнал «Отчий край», 1908. № 4. С. 216–224).

Поясним смысл сплошь публицистических названий статей.

Фраза о поцелуе взята из романа «Что делать?». Там она имела значение напутствия молодой девушке. Но в своем неприятии Чернышевского К.А. Кедров, перетолковывая смысл романа, будто бы направленного на разрушение нравственности, сопроводил вырванную из произведения фразу комментарием: «Вот почему путаны не целуются». Этот комментарий, как показал В.Б. Смирнов, включен в запутанный клубок обвинений Чернышевского во всех грехах соцреализма. Да и «Что делать?» приобрел популярность только потому, что был написан в тюрьме, «потому что, – вещает известинец, – любая книга, созданная в тюрьме, вызывает если не уважение, то определенный ажиотаж». И автор называет «Дон Кихота» Сервантеса, «Город Солнца» Кампанеллы и «Майн Кампф» Шикльгрубера (Гитлера). Какова тщательная продуманность избирательности имен!

В статье волгоградского профессора о грудях кормилицы сказано в связи с ответом А.С. Пушкина декабристу К.Ф. Рылееву, заподозрившего В.А. Жуковского в измене свободомыслию: «Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? По-

тому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности».

«То велеречивое, то глумливое словоблудие» – так очень точно обозначил В.Б. Смирнов критический пафос известинского опуса 2008 года.

Нам неизвестно, знал ли К.А. Кедров об этой публикации, но в своей второй статье 2009 г. он продолжил свои упражнения в нападках на Чернышевского, отличающиеся той же злобностью и бойкостью пера. На этот раз выбрана другая дата – 120-летие со дня смерти Н.Г. Чернышевского, умершего в возрасте 61 года 17 (29 по новому стилю) октября 1889 года.

В этой связи в статье заявлено: «Чернышевский все же дотянул до седьмого десятка». Слова «все же» произнесены для сравнения с «недолго» жившими Блоком и Маяковским, в одном контексте с Чернышевским в данном случае упомянутыми. Смысл сопоставлений: те двое, настоящие писатели, не дожили и до 42, а этот ... Ох уж эта сила и потаенная слабость сравнений! Автору статьи, так хорошо знающему биографии названных писателей, не худо бы, прежде чем сравнивать, учесть, что из 61 года Чернышевскому 27 пришлось провести на каторге (7 лет) и в ссылке (из них в Якутии 12 лет). Литературная «смерть», которая выразилась в запрещении его имени и возможности печататься, что для писателя *равносильно смерти физической*, наступила, когда ему исполнилось всего 35 лет – вполне возраст Блока и Маяковского.

Потоптавшись на прахе писателя, непозволительно дотянувшего до седьмого десятка, монополюный владелец истины выдвигает заглавный тезис – «Двадцатый век в России стал полигоном для идей Чернышевского. Все они оказались губительными».

Первым доказательством автор называет пресловутое «призывал Русь в топоры». И сколько ни доказывали в последние годы (и доказывали убедительно, см. хотя бы статьи историка В.Ф. Антонова), что нигде у Чернышевского такого призыва нет, все равно твердят: есть! Пусть, говорит К.А. Кедров, не в романе «Что делать?», герои которого «Лопухин (правильно: Лопухов!), Рахметов и Кирсанов никого топором не рубят», но зато в прокламации «Барским крестьянам...» к топорам призвал, за что и сослали в Сибирь. Авторства никто не доказал, «справедливого суда не было», «ну а если и он ее сочинил, – рассуждает автор статьи, – то гражданской казни на эшафоте с ломани-

ем шпаги над головой, да и еще с табличкой на груди «государственный преступник» – более чем достаточно». И далее следуют сетования в адрес царского правительства, своими действиями «вольно или невольно» причислившего Чернышевского «к сану мучеников великого заблуждения». В итоге формула «призывал Русь в топоры» осталась – иначе заявление о «полицейском» провисало бы.

Второй аргумент: «Самые губительные идеи Чернышевского – не в утопии «Что делать?» и не в листовке, а в его диссертации», в попытке подчинить искусство «простонародной эстетике» (оказывается, и такая бывает!) и с помощью утверждения «прекрасное есть жизнь» побуждать «подчиняться жизни, а не чувству прекрасного и прочим барским выдумкам...». «Большим писателям и поэтам» эти мысли не могли нравиться, «но они, – сообщает автор, – пленили полуобразованную толпу». Заметим, что доктор философии К.А. Кедров и не заметил, как в этой «полуобразованной толпе» вдруг оказались большой писатель и поэт, философ Вл. С. Соловьев, написавший о диссертации Чернышевского еще в 1894 году большую статью «Первый шаг к положительной эстетике», а вместе с ним и религиозный философ В.В. Зеньковский, автор «Истории русской философии», далекий от многих убеждений Чернышевского, но назвавший эту публикацию Владимира Соловьева «очень ценной» («...был прав в своей высокой оценке диссертации Чернышевского»). Вл. Соловьев дал бой всем тем сторонникам «искусства для искусства», кто, возражая главнейшему положению диссертации Чернышевского о том, что красота в природе имеет объективную реальность, призывал, как теперь призывает К.А. Кедров, подчиняться чувству прекрасного, а не жизни. «Нет, – отвечает Вл. Соловьев К.А. Кедрову: – искусство не для искусства, а для осуществления той полноты жизни, которая необходимо включает в себя и особый элемент искусства – красоту, но включает не как что-нибудь отдельное и самодовлеющее, а в существенной и внутренней связи со всем остальным содержанием жизни». Не затушевывая недостатков диссертации Чернышевского, Вл.С.Соловьев настойчиво рекомендовал видеть в ней начало будущей эстетической теории. Нечего сомневаться в том, что эта теория никоим образом не напоминает теорию соцреализма, против которой справедливо выступает К. Кедров и с которой он совершенно произвольно сближает идеи Чернышевского.

Третий аргумент: «Чернышевский совершенно не понимал, что такое творческая свобода». На этот раз предоставим слово самому Чернышевскому, писавшему в статье о повести «Детство» молодого Л.Н.Толстого: «Мы любим не меньше кого другого, чтобы в повестях изображалась общественная жизнь; но ведь надобно же понимать, что не всякая поэтическая идея допускает внесение общественных вопросов в произведение; не должно забывать, что первый закон художественности – единство произведения и что потому изображая «Детство», надобно изображать именно детство, а не что другое... И люди, предъявляющие столь узкие требования, говорят о свободе творчества!».

Далее у К.А. Кедрова: «Ни с того ни с сего обругал Тургенева за «Асю». Кандидат филологических наук, как видим, абсолютно не знает и не хочет знать истории этой статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» (1858). В ней критик, вовсе не ругая Тургенева, сосредоточился на характеристике главного героя, который в решительный момент свидания с любимой девушкой повел себя трусливо и в высшей степени эгоистично. Это предательское поведение перенесено на оценку поведения деятелей русского общества, которые повели себя непоследовательно перед лицом предстоящих общественных перемен (в ту пору обсуждался вопрос о возможной отмене крепостного права). Статья Чернышевского не была эстетической критикой, в ней публицистически заострен общественный вопрос, поднятый критиком, а не писателем, и не о таланте Тургенева шла речь («характер таланта, нам кажется, тут ничего не значит», – писал Чернышевский), и статья не против Тургенева направлена. Напомним, что в письме к Тургеневу Некрасов, поместивший «Асю» в своем журнале, сообщал: «...повесть... прелесть как хороша... Даже Чернышевский в *искреннем* восторге от этой повести» (подчеркнуто Некрасовым).

Между тем К.А. Кедров продолжает: «Чернышевский верил, что критик имеет право учить писателя. Ладно бы от своего имени, а то от лица всего народа». Исходя из того, что далее упомянуто слово «суд», вывод, вероятно, сделан на основании одного из положений диссертации Чернышевского: «Часто произведения искусства имеют и значение приговора о явлениях жизни». Но у Чернышевского говорится не о критике, а о писателях, которые в своих произведениях могут выносить приговор и суд изображаемой действительности. В статьях Чернышевского доли учительной критики ничуть не больше, нежели в любой

другой критике, если помнить, что всякая критика всегда в известной степени учительна.

Статья К. Кедрова, ее тон, настораживающая категоричность, безапелляционность, бездоказательность заключений побуждает вспомнить замечание Вл.С. Соловьева, далеко не все принимавшего у Чернышевского, в адрес одного из критиков, допустившего крайнюю резкость в оценке его трудов: «...я полагаю, однако, что постигшая его судьба не позволяет давать ему щелчков хотя бы даже за непонимание Гегеля. Понимать Гегеля никто не обязан, но уважать исповедничество идеи и жертву ценою жизни обязательно для всякого». И снова встает здесь тень пушкинского Жуковского, который, что ни говори, «имел решительное влияние на дух нашей словесности».

К сожалению, К.А. Кедров написал о Чернышевском статью, полную неуважительности, нетерпимости, и других качеств, характерных для недавних блюстителей тоталитарной идеологии, борцом с которой он себя заявляет.

Завершим разговор словами автора статьи «Под сломанной шпагой», в конце чуть их перефразируя: «Что делать, каждый решает сам. А вот если хотите знать, чего не делать, читайте статью К.А. Кедрова, чтобы никогда не делать то, что и как делает он».

Ю.А. Громаковский

ПСИХОЛОГИЗМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

При изучении произведений Н.Г. Чернышевского можно увидеть не только описание эпохи, в которой он жил, проанализировать его творчество, оценить все трудности, в которых эти произведения создавались, но и проследить его способность раскрывать тайны внутреннего мира человека, выражать его душевные движения. Психологизм – это стиливая характеристика литературных произведений, в которой изображается внутренний мир персонажей, т. е. их ощущения, мысли, чувства и, возможно, дается тонкий и убедительный психологический анализ душевных явлений и поведения¹. Современный исследователь А.Б. Есин отмечает: «В психологизме один из секретов

долгой исторической жизни литературы прошлого: говоря о душе человека, она говорит с каждым читателем о нем самом»².

Обращение Н.Г. Чернышевского к жанру романа было вызвано ходом как внутренней психологической, так и идейно-творческой эволюции писателя, которая привела его к новой проблематике, требовавшей художественной, исторической, психологической разработки. Статьи Чернышевского, написанные и опубликованные в 1861 году, позволяют проследить, как возникала и усложнялась эта новая проблематика. Так, в работе «Не начало ли перемены?»³ поставлены вопросы, связанные со значением субъективного фактора в истории. Чернышевский выделил две стороны этой проблемы: об особенностях психологии народных масс в моменты исторических кризисов и о новом типе личности, сформированном в конкретной среде. Единство этих проблем в романе «Что делать?» просматривается в первую очередь в проявлении авторской позиции, когда в роман вводится образ автора-повествователя, включающий добродушие и откровенность, дерзость и мистификацию, иронию и насмешку, сарказм и презрение. Личность здесь выступает как совокупность внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия общества. По мнению Г.Е. Тамарченко в вышеназванной статье Чернышевский уже четко осознал тему своего будущего романа, затронув проблему зарождения человека нового социально-психологического типа, новой этики и новой психологии отношений. Реализация этой проблемы в будущем романе требовала определённого психологического обоснования. Можно было ожидать, что выход романа «Что делать?» вызовет острую полемику и не только с точки зрения его философских, исторических, художественных позиций, но и психологических. И действительно, роман привлек внимание многих известных писателей – Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова и других. Но, к сожалению, до сих пор явно недостаточно исследовательских работ посвящено психологическому анализу произведений Николая Гавриловича. А ведь роман «Что делать?» несет большую психологическую нагрузку, которая проявляется в характеристиках «новых людей», в описании взаимоотношений между ними, в психологической оценке общественной среды.

Анализируя творческую деятельность Н.Г. Чернышевского, Г.Е. Тамарченко еще в 1975 г. отмечал: «Эзоповская форма выражения политических и организационных идей Чер-

нышевского, это форма «психологических размышлений», рассуждений об «исторической психологии», не была чистой условностью или метафорой. Она была глубоко содержательна, ибо подводила автора к новой для него проблематике. В этих «аналогиях» развита мысль о взаимозависимости истории и психологии, о том, что от уровня интеллектуального и духовно-психологического развития людей наиболее передового общественного слоя в значительной мере зависит ближайший ход или иное разрешение очередного узла социально-политических и психологических противоречий»⁴.

Существует мнение, что роман «Что делать?» принадлежит к типу утопических романов, и поэтому трудно объективно судить об идейном своеобразии книги. Подобные выводы вызваны необычностью структуры и психологического строя романа и как следствие – выпадение его из привычного восприятия художественных произведений того времени. В то же время следует констатировать, что не многие русские писатели добивались такого успеха, какой выпал тогда на долю автора «Что делать?». Ответ на вопрос, почему так произошло, дал Н.А. Рубакин в теории библиопсихологии, которая определяет уровень отношений «книга-читатель». Он не только теоретически обосновал эту проблему, но и провел ее апробацию. Им был предложен специальный библиопсихологический метод исследования читателя и книги, который, нужно понимать как степень соответствия определенной книги определенному читателю в данный момент времени. Автор теории выделил восемь уровней такого соответствия, которые являются библиопсихологическими Критериями, определяющими соотношение информации, циркулирующей в психике человека в данный момент времени и поступающей в нее из документального источника. По Н.А. Рубакину, это: ощущения, образы, инстинкты, эмоции, стремления, хотения, действия. Начиная с 1988 года, эту теорию успешно применяли для оценки популярности различных произведений в обществе. Согласно этой теории успех романа «Что делать?» был обусловлен его морально – психологическим влиянием на общественное сознание, и книга нашла своего читателя⁵.

Ведь поиск истины, по Чернышевскому, достигается достаточно строгим, всесторонним исследованием действительности и этот подход нашел отклик в обществе. Так, при создании внутреннего психологического мира своих героев он ис-

пользует весь арсенал доступных ему художественных средств. Портреты и действия героев романа «Что делать?» как бы растворяются в сюжете, но независимо от этого образы, созданные Чернышевским, четко отражаются в нашем сознании. Эти образы, с современных позиций, можно определить в следующем виде: это человек, который, ставя перед собой задачи, анализируя свои ошибки, причины успеха или неудач, соотносит свои ценности, возможности с требованиями среды и деятельностью других людей.

Чернышевский отвергает взгляд, будто мысль противоположна действительности. Она не может быть противоположна ей, ибо порождается действительностью и стремится к ее познанию. Писатель опровергает идеалистические философские системы, которые, доверяя «фантастическим мечтам», утверждают, что человек ищет абсолютного и, не находя его в действительной жизни, отвергает ее как неудовлетворительную. Он защищает новые воззрения, руководствуясь фактами реальной жизни и человеческой деятельности. Раскрывая характеры своих героев, Чернышевский разделил «новых людей» на «обыкновенных» (Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна) и «особенных» (Рахметов). В качестве критериев такого разделения он определил проявления у них идеологических и психологических факторов. Условное выделение типов персонажей имеет свои философские, общественно-исторические и психологические обоснования.

Например, чтобы описать проявление состояний и чувств главной героини, Чернышевский использует такой художественный прием как сон. Анализ этого явления демонстрирует роль мысли и чувств в психологии поведения отдельного человека. Соотношения мысли и чувств, сознательного и стихийного начал в душевной организации и поведении человека оказались в центре художественных интересов эпохи. Вместе с тем Н.Г. Чернышевский показывает характеры своих героев в их постоянном взаимодействии с социально-историческими обстоятельствами, когда «натура» выступает не только как нечто «заданное» природой, но и как природные задатки, которые развиваются или заглушаются в ходе жизни. Чернышевский четко осознает, что эти портреты выдуманы, созданы воображением самого автора. «Я видел, что я не изображаю своих знакомых, не копирую, — что мои лица столь же вымышленные лица, как лица Гоголя <...>. Я не хочу сказать этим, что у меня такая же сила творчества, как у Гоголя. Нет, этим я не интересуюсь. Я

только вдумывался в жизнь, столько читал и обдумывал прочтенное, что мне уже довольно и небольшого поэтического таланта для того, чтобы быть замечательным поэтом» (Т. 12. С. 682).

Одной из психологических линий романа стала, выдвигнутая Чернышевским, теория «разумного эгоизма». По мнению автора, такой эгоизм «разумен» потому, что подчинен естественному стремлению людей к счастью и добру. Личная выгода человека должна соответствовать общечеловеческому интересу. Одинокого личного счастья нет, счастье одного человека зависит от счастья других людей, от общего благосостояния общества. В свое время Ф.М. Достоевский, полемизируя с Н.Г. Чернышевским, отмечал, что в современном «развитом» человеке могут парадоксально сосуществовать мечты о подвиге самоотвержения и низменное стремление насладиться унижением другого человека, комплекс неполноценности и бешеное самолюбие, жажда общения и крайняя самоизоляция. Такой психологический склад – не случайность, но закономерное явление современности.

Чернышевский же, считая, что «оригинал уже имеет значение в своей индивидуальности», видел задачу писателя в том, чтобы понять «сущность характера в действительном человеке», уяснить, «как стал бы действовать, говорить этот человек в тех обстоятельствах, среди которых он будет поставлен поэтом», «передать его таким, каким понимает его поэт» (Т. 2. С. 66). В этом, по Чернышевскому, и состояла основная задача романиста.

Внимательное осознание всех психологических проявлений, отраженных в романе, помогает понять мировосприятие его героев, позволяет конкретно представить внутренний «механизм» художественного воплощения мечты реальных людей о светлом будущем.

Поэтому, при решении вопроса о соотношении реальности и фантастики нет основания «переводить» весь роман Чернышевского из произведения реалистического в разряд утопических романов, сводить «первые случаи» личной и общественной активности «новых людей», имеющих «исторический интерес», лишь к «имитации опыта». В то же время отдельные критики доказывают, что произведение, воспроизводящее объективность и точность описания, добывающееся правдоподобия и увлекательности повествования во имя доказательства некоего авторского постулата, не будет иметь ничего общего с реали-

стическим искусством и в лучшем случае выполнит иллюстративную функцию⁶.

Опровергают эти высказывания «сны» Веры Павловны, которые представляют необычно смелую художественную интерпретацию сюжета на узловых, переломных этапах духовной жизни героини. Сновидение, утверждал З. Фрейд, является посредником между миром наших потайных чувств и миром чувств, подчиненных нашему сознанию; благодаря ему мы можем знать многое такое, что в состоянии бодрствования соглашаемся знать неохотно. Ни один сон не является до конца бессмысленным, каждому из них, как полноценному душевному акту, присущ определенный смысл. В каждом проявляется себя не высшая правда, не божественная, не внечеловеческая воля, но, зачастую самая затаенная, самая глубокая воля человека⁷. «Сны» в романе представлены в двух разновидностях. В одном случае это художественно-символические картины, утверждающие типологическое единство и взаимосвязь личного освобождения героини и освобождения вообще всех девушек из «подвала». В другом – ретроспективное изложение событий, повлиявших на мировосприятие и психологию героини и предопределивших новые сюжетные повороты. Именно это обусловило наличие в романе сюжета, когда, в домашнем молодежном «университете» Вера Павловна, усвоив мысль о том, что «жизнь имеет главным своим элементом труд», приняла решение организовать трудовое товарищество нового типа.

«Что делать?», пожалуй, впервые в истории русского романа дает авторской мысли (включая сюда и авторский анализ психологии героев, и авторские рассуждения на общие философско-исторические, этические и эстетические темы) права эстетического и конструктивного фактора, так что без этого авторского голоса, четко отделенного от «голосов» персонажей, не могла бы вполне развернуться и «картина эпохи». По существу рассуждения «от автора» не являются чем-то инородным, это продолжение того же изучения жизни, которое разворачивается по ходу изложения взаимоотношений и поступков героев, в анализе их психологических мотивов поведения.

Предпринятый анализ психологических проблем романа «Что делать?» лишь начало изучения вопросов, связанных с социально-психологическими отношениями героев Н. Г. Чернышевского, которые, несомненно, заслуживают дальнейшего углубленного рассмотрения.

¹Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко. М., 1997. С. 390.

²Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М., 2003. С.18–22.

³Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1939–1953. Т. VIII. С. 855–889. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страницы приведены в тексте.

⁴Тамарченко Г. Е. «Что делать?» и русский роман шестидесятых годов. Л., 1975. С. 8–14.

⁵Рубакин Н. А. Избранное : в 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 54–68.

⁶Пинаев М. Т. Н.Г.Чернышевский – романист и «новые люди» в литературе 60–70 гг. // История русской литературы : в 4 т. Л., 1980. Т. 3. С. 7, 8.

⁷Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989. С. 204–208.

П.Г. Торопыгин

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И А.Н. ПЫПИН О П.Я. ЧААДАЕВЕ*

В 1860 году Н.Г. Чернышевский готовит для «Современника», а в 1871 году соответственно А.Н. Пыпин помещает в «Вестнике Европы» «Апологию сумасшедшего» П.Я. Чаадаева. Во вступительных статьях обоих авторов выразилась неоднозначность исследовательских подходов, а также несовпадение исторической оценки личности мыслителя-скептика.

Так философско-публицистический анализ творчества Чаадаева приводит Чернышевского к критическому осмыслению российской истории и современной ему действительности. Отталкиваясь от чаадаевской «Апологии сумасшедшего», он создает собственную апологию Чаадаева, иллюстрируя конкретными примерами свои рассуждения.

Критикуя (в отличие от Чаадаева) деятельность Петра I, Чернышевский подчеркивает неудавшуюся европеизацию страны, показывает ее азиатскую сущность. Русское общество, считает писатель, сплошь состоит из больших и малых «Батыев», а

* Печатается в виде тезисов, которые, ввиду смерти автора, не были развернуты в статью. – Ред.

русский народ сравнивает с татарами, над которыми властвуют «архи-Батыи».

Иной, научно-позитивистский подход к проблеме у А.Н. Пыпина, который видит в Чаадаеве отнюдь не запретного философа-одиночку. Рассматривая его в контексте культурного фона эпохи, ученый отмечает, что, например, в своем увлечении католичеством и историческим скептицизмом Чаадаев вовсе не был исключением. Характерная особенность взглядов Чаадаева, согласно Пыпину, заключалась в следующем: с европейской точки зрения он был католическим реакционером, но в контексте российской действительности его взгляды носили революционный характер. На указанную трактовку впоследствии неоднократно обращалось внимание в российской историографии.

Сделанные оценки роли личности Чаадаева в разной степени важны и значимы. Пыпинский культурно-исторический метод исследования, в результате которого Чаадаев предстал в большей степени «объектом из прошлого», позволил ученому пройти «фильтры» цензуры, что не удалось в свое время Чернышевскому. Выводы последнего, которому философ виделся «пророком России», живым современником, в настоящее время, безусловно, актуальны.

А.С. Озерянский

К ВОПРОСУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И А.Н. ПЫПИНА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ 1840-х – НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ)

В сообщении предпринят анализ эпистолярного наследия Н.Г. Чернышевского и А.Н. Пыпина, а также их ближнего родственного окружения в 1840-ые – начало 1860-х гг., в период, отмеченный становлением и утверждением общественно-политических взглядов, научно-литературных позиций и нравственных принципов двоюродных братьев.

Большую часть анализируемого материала составили письма Н.Г. Чернышевского Александру Пыпину, а также Е.Е. и Г.И. Чернышевским, А.Е. и Н.Д. Пыпиным¹, которые условно можно представить временными отрезками: период поездки в Петербург для поступления в университет – май–июнь 1846-го

года; регулярность переписки с теми же лицами характерна для Чернышевского-студента Петербургского университета в 1846–1850-е гг.; период жизни Николая Гавриловича в столице – 1853–1862 гг.

Уже в «дорожных» письмах Н.Г. Чернышевского 1846 года прослеживается его стремление активно участвовать в формировании личности младшего двоюродного брата Александра. В них он не ограничивался лишь сообщениями о путевых впечатлениях и вызванными ими размышлениями о необходимости коренного улучшения быта, наблюдаемой им безрадостной российской действительности. Он пытался побудить брата к поиску собственных путей своего развития, способствовал появлению у него вдумчивого отношения к предметам изучения. В этой связи показательным письмо от 30 мая 1846 года. Упрекая Александра в том, что он долго не отвечал на его письмо, Чернышевский с укором восклицает: «Нечего писать!! Да возможно ли... это. Неужели ты всю эту неделю не думал ни о чем, не делал ничего, ни одна новая мысль не пришла тебе в голову», – и далее продолжает: «Посмотри на дерево летом: есть ли хоть одна минута, в которую не произошло в нем перемен к лучшему или худшему? Так и душа человеческая, особенно в наших с тобой летах <...>. С каждым новым днем... начинаешь понимать и постигать что-нибудь, что прежде было для тебя непостижимо..., начинаешь задумываться над тем, что прежде и не приходило в голову, или начинаешь не понимать того, что казалось простым...» (Т.14. С. 12).

В письмах Чернышевского-студента желание влиять на формирование Пыпина усиливается. При этом в изложении своих мыслей Чернышевский был в достаточной степени последователен и изобретателен. Так, продолжая упрекать Сашу за его нежелание писать в подробностях о своей жизни, в которой якобы не происходит ничего примечательного, Чернышевский обращает его внимание на существующие различия во внутренней и внешней жизни человека. «В твоей жизни внешней, как и моей, – писал он, – нет ничего замечательного, никакого разнообразия. О ней нельзя написать ничего <...>. Есть жизнь другая... внутренняя, духовная... истинная жизнь. Не может быть, чтобы она не кипела в тебе...» (Т. 14. С. 57–58). Вызов Александра Пыпина на откровенный разговор становится для Чернышевского важным способом расположения к себе, главная

цель которого – усиление своего влияния на процесс становления взглядов двоюродного брата.

Письма показывают, что воздействие Чернышевского на Пыпина было разносторонним. Задаваемые им ему алгебраические задачи, ребусы и головоломки, тексты поэтических предпочтений, а также предложения выполнить переводы с латинского языка, наставления о необходимости знания иностранных языков: «читать свободно без лексикона по-немецки и французски» (Т. 14. С. 71) – содействовали общему образованию, просвещению. Оценки Чернышевского Пыпина той поры были однозначны и категоричны: «А у Сашеньки такая голова, что он обещает многое..., – писал он А.Е. и Н.Д. Пыпиным в декабре 1847 года. – У него очень живое и быстрое соображение, большой ум, вообще замечательное дарование, большая проницательность» (Т. 14. С. 142).

Высоко оценивая умственные способности брата, Чернышевский настаивал на необходимости их развития и будущего достойного применения. Начиная с 1846 года, когда Пыпину оставалось учиться в гимназии половину положенного срока, в письмах к родным Чернышевский постоянно рассуждал о необходимости поступления Александра в Петербургский университет, даже предлагал ему до окончания гимназии продолжить учебу в столице.

Настойчивые просьбы Н.Г. Чернышевского в конечном итоге не могли не повлиять на решение родителей Пыпина не отдавать их сына на казенное содержание в гимназию. Пансионеры были наиболее угнетаемой и бедствующей частью гимназического общества. Опасность такого положения для Александра заключалась и в том, что по окончании учебы он по существующим тогда правилам был бы лишен возможности свободы выбора своей дальнейшей судьбы.

Среди вопросов, поднимавшихся в письмах Чернышевского-студента к А.Н. Пыпину, были вопросы о важности общественного самосознания, и, что особенно важно, – изложения собственного понимания того, каким должен быть патриот России. Он побуждает тринадцатилетнего Александра задуматься о предназначении России, о том, по какому пути страна должна идти, к осмыслению приоритетов ее развития.

Вся последующая жизнь А.Н. Пыпина показывает, что уже в 1840-е гг. им были услышаны и восприняты слова Чернышевского из письма от 30 августа 1846 г.: «Неужели наше

призвание ограничивается тем, — писал он, — что мы имеем 1 500 000 войска и можем, как гунны, как монголы, завоевать Европу <...>. Быть всемогущими в политическом и военном отношении и ничтожными по другим *высшим* [курсив мой. — А.О.] элементам жизни народной? <...> Будем надеяться, ... не завоевателями и грабителями выступает в истории политической русские <...>. Спасителями, примирителями должны мы явиться и в мире науки и веры <...>². Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира..., выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества и на другом великом поприще — науке... И да свершится через нас хоть частью это великое событие. И тогда не даром проживем на свете» (Т. 14. С. 47–48)³. Эти проповеднические мысли в дальнейшем в разной степени привлекались Чернышевским и Пыпиным в их «программных» установках преобразования России. При всем безусловном различии их человеческих судеб, общественно-политических взглядов Чернышевский и Пыпин не только признавали наиважнейшую роль развития науки и просвещения как необходимых условий грядущих изменений российской действительности, но и проявили себя подлинными подвижниками в этом. Призыв Чернышевского «содействовать славе не преходящей, а вечной своего Отечества и благу человечества» (Т. 14. С. 48) не стал для обоих братьев лишь простой декларацией. Уже в юном возрасте они осознавали, что способность служить Отечеству не дается как само собой разумеющееся, а требует величайшего напряжения духовных сил, титанического труда над совершенствованием собственной личности.

В 1853–1862 гг. оба брата проживали в Петербурге. Интересны письма Чернышевского к родным в Саратов, содержащие частые и емкие характеристики, нередко в малейших подробностях, становления научной карьеры Пыпина. В этих сообщениях Чернышевский предстает как своеобразный биограф, непосредственно наблюдающий и запечатлевающий ход событий, что до сих пор недостаточно учитывалось исследователями жизни и творчества А.Н. Пыпина.

По приезду в Петербург в мае 1853 года в своих письмах саратовским родственникам Чернышевский особое внимание уделяет положению дел только что окончившего университет Пыпина. В июне 1853 гг. он сообщал: «Сашенька <...>, наверное, получит право служить прямо в министерстве <...>, не будет он иметь необходимость поступать в военно-учебные за-

ведения» (Т. 14. С. 230). 10 августа: «Сашенька должен получить стипендию <...>, которая обеспечит его на год <...>, думает все время употребить на занятия по своему предмету (русской словесности), чтобы держать экзамен как можно скорее. Это действительно благоразумнее всего в настоящее время» (Т. 4. С. 236).

Не забывал Чернышевский сообщить о появлении научных работ Пыпина. 17 августа 1853 года: «Милые дяденька и тетенька. Фамилия ваша начинает прославляться в литературе: в «Отечественных записках» за август <...> помещена статья Сашеньки: «Лукин». Это отрывок из его сочинения на золотую медаль» (Т. 14. С. 237); 9 ноября: «Сашенька пользуется большим успехом в литературном мире, теперь он готовит огромный труд о русских драматических писателях XVIII в.» (Т. 14. С. 250); 3 мая 1855 года: «Сашенька упрочивает <...> репутацию самого дельного исследователя старинной русской литературы между молодыми учёными» (Т. 14. С. 298).

Следует заметить, что с середины 1854 года в письмах Чернышевского к родным прочитывается доброжелательное подшучивание, а где-то и легкая ирония по отношению к успехам Пыпина. В июне 1854 года он, в частности, сообщал: «Сашенька скоро собирается ехать в Саратов <...>. Может быть, не будет ему неприятно и пощеголять в провинциальной глуши в качестве ученого, каких в Саратове еще не было. *Здесь он, действительно, начинает играть роль ученого* [курсив мой. – А.О.]» (Т. 14. С. 259); 15 марта 1855 года: «Будем праздновать рождение ныне уже «известного русского ученого», как я называю его отчасти в шутку, отчасти серьезно, А.Н. Пыпина» (Т. 14. С. 291); 4 апреля: «Сашенька начинает уже покровительствовать молодым талантам <...>. В 4-ом номере «Современника» является статья Пекарского, его короткого приятеля <...> благодаря неусыпным трудам А.Н. Пыпина, молодого, но известного нашего ученого. Он и рекомендовал ее, и поправил для печати <...>. Сам «молодой и известный ученый» <...> [дорабатывает] свою диссертацию, которая, вероятно, возбудит всеобщий восторг в ученом мире» (Т. 14. С. 294).

Стилистика высказываний Чернышевского была вызвана следующими обстоятельствами. К указанному времени пути двоюродных братьев все более расходились. Чернышевский с приходом в 1853 году в журнал «Современнику» уже своими первыми критическими статьями заявил о себе в литературно-

общественной жизни как продолжатель передовых демократических традиций В.Г. Белинского. В то время как Пыпин, все больше позиционировавший себя как человек, желающий сделать ученую карьеру, успешно и плодотворно в тот период исследовал далекие от современной злободневности проблемы древней русской литературы. Иронию Чернышевского могли вызвать и изменения во внешнем облике брата, входившего в роль «ученого мужа»: он сшил себе фрак у «хорошего портного», обзавелся бельем с манишкой из голландского полотна⁴.

В письмах Чернышевского лицам его окружения в 1850-е – начало 1860-х гг. упоминаний о Пыпине сохранилось немного. Между тем некоторые из них в вопросе оценок Чернышевским Пыпина достаточно примечательны. Так, например, в письме к Н.А. Некрасову от 13 февраля 1857 года Чернышевский замечает: «В прошлом месяце, т.е. № 1 [«Современника». – А.О.] – библиографию писал Пыпин – отчасти потому и показалось Вам скучно» (Т. 14. С. 340).

Письма Чернышевского освещают некоторые малоизвестные подробности первой заграничной командировки Пыпина (1858–1860 гг.) с целью получения профессорского звания в Петербургском университете, а также последующих событий, связанных с его преподавательской деятельностью в университете. Так, в письме к саратовским родным Чернышевский засвидетельствовал эпизод отъезда Пыпина за границу: «Во вторник 21 января в шесть часов вечера отправились мы провожать за границу Сашеньку. Он поехал <...> в почтовой карете на Тауроген, оттуда приедет уже в русской почтовой карете в Кенигсберг, а из Кенигсберга, по железной дороге в Берлин, где думает пробыть до мая, в мае проедет он через Дрезден в Прагу, где также останется на несколько месяцев <...>. В осени отправится в Италию, а на зиму поселится в Париже <...>. Провожали мы Сашеньку (предварительно погрузив дома о разлуке) очень весело: в почтамт собрались все его и наши близкие знакомые, так что съехалось до двадцати человек. Мы шутили, смеялись и напутствовали Сашеньку всеми добрыми пожеланиями» (Т. 14. С. 355–356). Это единственное известное свидетельство о провах А.Н. Пыпина имеет значимость первоисточника.

Чернышевский был в курсе подробностей поездки Пыпина вследствие того, что через него велась переписка Александра Николаевича с родными. Самому же редактору «Современника» Пыпин писал редко и скупно (Т. 14. С. 362, 363). В этой

связи обращают внимание строки из письма Чернышевского в Саратов от 30 декабря 1858 года: «В небольшой записке ко мне он [Пыпин. – А.О.] прибавляет, что чехи встретили его как друзья, и не может нахвалиться их радушием» (Т. 14. С. 369).

Николай Гаврилович был хорошо осведомлен о процедуре назначения Пыпина на должность профессора Петербургского университета в 1860-ом году. Его письма освещают события, предшествовавшие этому назначению, непосредственную деятельность Пыпина – профессора кафедры всеобщей литературы, так и его уход из университета в 1861 году в знак протеста против реакционных мер правительства (Т. 14. С. 388–389, 403, 407, 409–413, 418, 442).

Таким образом, в письмах Н.Г. Чернышевского петербургского периода 1853–1862 гг. можно обозначить целый ряд вопросов, требующих более детальной разработки. Так, несомненный интерес вызывают вопросы: почему Николай Гаврилович, неоднократно упоминавший в сообщениях родным о ходе подготовки братом магистерской диссертации, присутствовавший на ее защите, умолчал об этом в письмах в Саратов? Может быть, существовало его несохранившееся письмо об этом событии? Почему Пыпин не сообщал Чернышевскому о своих впечатлениях во время первой заграничной поездки? Какими причинами обусловлено то обстоятельство, что Чернышевский не побывал на лекциях Пыпина, в то же время давал им оценки с чужих слов. Значимым является установление круга лиц, присутствовавших на проводах А.Н. Пыпина в первое путешествие в Европу. Обозначенные вопросы требуют дальнейших архивных разысканий.

В конце жизни сам Пыпин отметил широту содержания писем к нему Н.Г. Чернышевского. «В начале сознательной жизни, – отмечал Александр Николаевич, – моим ближайшим товарищем был мой двоюродный брат, – не родной, но ближе, чем родной (позднее известный публицист) <...>. В письмах он поддерживал во мне интерес к занятиям, особенно рекомендовал историю, – с тех пор я узнал имена Раумера, Шлоссера, хотя в провинции не мог иметь их в руках. Часто писал он мне длинные письма по латыни <...>, касался таких предметов, о которых было менее писать по русски. Здесь в первый раз к концу сороковых годов я увидел возможность крестьянского вопроса. В письмах в связи с историей говорилось о "globae adscriptae" и "terrae firmi"»⁵. Сопоставление перечисленных сюжетов с опуб-

ликованным эпистолярным наследием писателя позволяет утверждать, что не все его письма сохранились.

Письма А.Н. Пыпина, адресованные старшему двоюродному брату, на первый взгляд, как в количественном отношении, так и по содержательности поднятых тем, уступают эпистолярно Чернышевскому. Но и они во многом дополняют картину их научно-литературных связей. Круг вопросов, поднятый в письмах разнообразен. С середины 1850-х годов, часто проводя лето у родных в Саратове, молодой ученый в переписке с Чернышевским поднимает вопросы, касающиеся профессиональной деятельности. Так, 30 июля 1854 года он советуется с Чернышевским по поводу написания магистерской диссертации, 17 августа 1856 года с сожалением сообщал: «мои планы сделать здесь хоть что-нибудь совершенно уничтожаются»⁶; 12 июля 1857 года писал: «через неделю пришло тебе, мой милый Николая, одну вещьцу для "Современника"»⁷.

В письмах 1862 года, в период второй заграничной поездки, Пыпин высказывает свою обеспокоенность наступлением реакции в России, в частности приостановлением «Современника»⁸.

В письмах Александра Николаевича содержатся интересные сведения к воссозданию портретов ученых и литераторов, составлявших окружение Пыпина и Чернышевского в те годы. На первый взгляд симпатии и привязанности Пыпина на стороне тех, кто придерживался умеренно-либеральных взглядов: коллег-студентов университета, будущего известного слависта В.И. Ламанского, о котором он сожалел, что тот не смог поехать с ним, «по дороге в Саратов имел бы много прекрасных случаев для исследования драгоценной для него народности», Н.П. Трушковского, племянника Гоголя, подготовившего первое посмертное издание сочинений писателя, «весьма принимающего к сердцу всякий неблагоприятный отзыв о его издании»⁹. Высоко оценивал Пыпин как ученого Н.С. Тихонравова, ставшего впоследствии видным представителем русского академического литературоведения: «прекрасный человек», «изучил превосходно все московские книжные рынки, гуляет в них как дома»; подробно сообщал, как реализуются творческие замыслы известного историка Н. И. Костомарова¹⁰. С особой теплотой звучат слова Пыпина о Н.А. Некрасове: «Когда увидишься с Некрасовым, – писал он Чернышевскому 12 июля 1857 года – <...> поблагодари его за книжку стихотворений, доставляю-

щую известное наслаждение его читателям <...>. Стихотворения Некрасова списывают целой книгой, за недостатком печатного издания <...>, за переписку установилась <...> постоянная цена. Так бывало только с Пушкиным и Лермонтовым <...>. Теперь Некрасов единственный поэт, которого может слушать порядочная публика»¹¹.

Анализируя в целом письма Пыпина к Н.Г. Чернышевскому, следует отметить преобладание в них научно-литературных тем. В них нет «истории души», – как в свое время отзывался о мемуарах ученого «Мои заметки» Н.К. Пиксанов¹². С этой стороны рассматриваемый эпистолярный явный проигрывает письменным обращениям того времени Пыпина к Д.Л. Мордовцеву и Н.С. Тихонравову¹³. В них Пыпин более свободно и откровенно освещает самые различные темы, в том числе останавливается на оценке личности Чернышевского. Так, его письма к Д.Л. Мордовцеву показывают, что период наибольшего преклонения Александра Пыпина перед Чернышевским, восхищение его личностью приходится на 1850 – 1851 гг. Чернышевский притягивал его внимание, он постоянно пытался проникнуть в характер старшего брата, нарисовать себе и другим духовный мир этого «необыкновенного человека», тем самым побудить всех его знавших, полюбить и оценить его: «Он (Чернышевский) такой человек, которого я никогда не видел, да никогда не увижу <...>. Как ошибся бы тот, кто сказал бы, что нет в нем участия, <...> в нем так много участия, что я не могу до сих пор привыкнуть видеть в нем это»¹⁴. Поэтому отъезд Чернышевского в 1851 году из Петербурга в Саратов стал большим ударом для Пыпина. До настоящего времени это событие оценивалось как потеря Пыпиным старшего товарища, наставника, в меньшей степени акцентировалось внимание на душевное потрясение, переживаемое Александром. Между тем в какой-то момент он даже пожалел, что приехал учиться в Петербург¹⁵.

В сообщениях к родителям в период преподавания Н.Г. Чернышевского в саратовской гимназии Пыпин сожалел о том, что редко получает письма от Николая Гавриловича, который не пишет никому из своих петербургских знакомых»¹⁶. Интересно, что спустя два года, в 1854 году, Александр Николаевич, находясь в Саратове у родных, в письме к Н.С. Тихонравову вновь отметит это качество Н.Г. Чернышевского, который к этому времени уже перебрался в столицу, и найдет этому свое

лишь на первый взгляд шутовское объяснение: «Чернышевский, больше пишет журнальных статей, нежели писем, и в первых гораздо плодотворнее, потому что получает за них деньги, тогда как за последние отдает сам. Вы только отличаетесь большим великодушием (каков каламбур)»¹⁷. Изменений во взаимоотношениях с братом не произошло, но некоторая досада и разочарование все же прочитываются в строках письма.

Возвращение Чернышевского летом 1853 года в Петербург, несомненно, было радостным событием для Пыпина. Долгое время Александр Николаевич проживал в одной квартире с семьей брата, что положительно отражалось на многих сторонах быта неженатого молодого человека¹⁸. Вместе с тем сложившаяся ситуация нарушала привычный для Пыпина образ жизни. В июле 1853 года он сообщал в Саратов: «Я не занимаюсь теперь своими учеными предметами, отчасти и потому, что еще не совсем привык к нашей жизни вместе [с Н.Г. и О.С. Чернышевскими. – А.О.] <...>. Мы беспрепятственно толкуем или делаем что-нибудь, а я до сих пор был один, мне оставалось только заниматься»¹⁹. В дальнейшем ряд неудобств для Пыпина создавали частые смены квартир, предпринимаемые Ольгой Сократовной.

В рассматриваемом эпистолярии нашли отражение такие важнейшие эпизоды биографии Чернышевского как защита им 10 мая 1855 года магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», а также его встречи с А.И. Герценом, состоявшиеся в последних числах июня 1859 г.

Три сохранившихся письма А.Н. Пыпина²⁰, в которых затрагивались вопросы о предполагаемом получении Н.Г. Чернышевским звания магистра русской словесности, составляют начало его будущих содержательных откликов по поводу защиты диссертации²¹. При этом непосредственное восприятие Пыпиным основных положений эстетической теории Н.Г. Чернышевского в письмах при сравнении их с его поздними оценками показывают, что точка зрения ученого со временем не претерпела изменений.

Пыпин был косвенно причастен к поездке Чернышевского в Лондон для встречи с А.И. Герценом. Мнимая болезнь Александра Николаевича, находившегося в тот период в заграничной командировке, послужила для редактора «Современника» поводом для путешествия в Европу. По итогам встречи с издателями «Колокола» Чернышевский сообщал Н.А. Добролюбову: «Не хочу писать, чтобы не огорчать Пыпина, через руки

которого пойдет это письмо <...>» (Т. 14. С. 379). В этих словах находит подтверждение тот факт, что Чернышевский знал: его отрицательный отзыв об А.И. Герцене будет неприятен Пыпину, уже в то время последовательного почитателя лондонских изгнанников. Пыпин не разделял критической позиции, занимаемой в данном вопросе Н.Г. Чернышевским, но надеялся, что его конфликт-недоразумение с А.И. Герценым и Н.П. Огаревым окончится примирением.

Имена Николая Чернышевского и Александра Пыпина нередко упоминались в письмах их родителей, а также родных братьев и сестер Александра Николаевича и И.Г. Терсинского. В них содержались советы вести переписку друг с другом, часто высказывалось беспокойство по поводу состояния бытовых сторон жизни юношей, живших вдали от родного дома. Волнение у родных вызывало устройство будущей карьеры Николая и Александра. Но были тревоги иного рода: «Слышал ли ты о событиях в Петербурге, – писала А.Е. Пыпина сыну в Казань 21 января 1850 года, узнав о деле петрашевцев. – Я не могу допустить мысли, что ты мог измениться <...>; для сохранения своих прежних верований <...> не ищи для себя знакомств, когда будешь иметь лета и положение в свете, то будет время и для знакомств, а теперь всего лучше сидеть с книгою <...>. Читая ведомости, я встретила в них имя Николай, фамилия <...> тоже сказана <...>, даже имя сходное с родным, заставило испугаться»²².

Семьи Чернышевских и Пыпиных были очень дружны, их объединяла жизнь в одной усадьбе, нравственные принципы, общие духовные интересы. Слова Н.Г. Чернышевского о том, что «дядя и тетка жили вместе с моим отцом и матерью в продолжение большей части годов моего детства и отрочества <...> были для меня теми старшими, жизнью которых формировался мой характер <...>» (Т. 15. С. 373) вполне мог произнести и А.Н. Пыпин.

Однако и в устойчивом мире двух семейств возникали разногласия. Одно из них проявилось в период перехода Пыпина из Казанского университета в Петербургский. Среди ближайших родственников Александра существовали разные мнения относительно целесообразности такого поступка. Н.Г. Чернышевский, сводная сестра Пыпина Любовь и ее муж И.Г. Терсинский отдавали предпочтение столичному университету. Родители же придерживались иного мнения: «Не лучше ли кон-

читать учение, где начал, и не бегать из места в место, – писала А.Е. Пыпина сыну 22 апреля 1850 года, – *надобно заботиться тебе и нам о твоих расходах* [курсив мой. – А.О.], выгода будет только в том, что вместе, но <...> *представится случай, так и Николай Гаврилович и Иван Григорьевич* [Терсинский. – А.О.] *не пропустят его*²³.

Таким образом, предпринятый анализ эпистолярия расширяет и уточняет имеющиеся сведения в вопросе взаимоотношений Н.Г. Чернышевского и А.Н. Пыпина²⁴. Поднятые в сообщении проблемы позволяют в некоторой степени по-иному расставить акценты в выявлении точек соприкосновения и отталкивания Чернышевского и Пыпина в обозначенный хронологический период, могут стать очередным шагом в разработке темы «Н.Г. Чернышевский и А.Н. Пыпин», углубляя и обогащая ее.

¹См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1939–1953. Т. 4. Далее ссылки на это издание приведены в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.

²Правомерно для оценки Чернышевского этого времени утверждение: «Молодой Чернышевский все еще мыслит о единстве науки и веры» // Демченко А. А. Молодые годы Николая Чернышевского. Саратов, 1989. С. 110.

³Показательны высказывания В.А. Пыпиной о том, что в результате общения с Чернышевским Пыпин не ограничился лишь филологическими и историко-литературными интересами, «вопросы общественные также нашли отклики в его душе» (Пыпина В. А. К биографии А.Н. Пыпина // МУК «МЧ». ОФ. Папка 3. № 3915. Л. 148). Не без влияния Чернышевского он с юношеских лет все более осознавал назревшую необходимость наступления перемен в жизни России. Но уже тогда, как и впоследствии, его поиск путей преобразований ограничивался лишь желанием последовательных буржуазно-демократических реформ в рамках существующего строя.

⁴Пыпина В. А. Указ. соч. Л. 110–111.

⁵Пятидесятилетие научно-литературной деятельности академика А.Н. Пыпина // Литературный вестник (Отд. оттиск). 1903. № 3. С. 22.

⁶Пыпина В. А. Указ. соч. ЛЛ. 115, 142.

⁷Письмо А.Н. Пыпина Н.Г. Чернышевскому от 17 августа 1856 г. // МУК «МЧ». ОФ. Папка 6. № 3711/3. Л. 6. Авторитетная копия В.А. Пыпиной. В 7–12 номерах журнала за 1857 г., 1–12 за 1858 г. работ Пыпина не значится.

⁸Письмо А.Н. Пыпина Н.Г. Чернышевскому 1862 г. // Там же. № 3714/11. Л. 11. Авторитетная копия В.А. Пыпиной.

⁹Пыпина В. А. Указ. соч. ЛЛ. 141, 143.

¹⁰ Там же. ЛЛ. 115–116, 142.

¹¹ Там же. Л. 171.

¹² См.: Пиксанов Н. К. Памяти Александра Николаевича Пыпина // Известия отделения русского языка и словесности АН. 1911. Т. 15. Кн. 3. С. 220; Пыпин А. Н. Мои заметки, Саратов, 1996. С. 13–20; Глинский Б. Б. Александр Николаевич Пыпин // Исторический вестник, 1905. № 1. С. 264, 278, 288–289.

¹³ См.: Глинский Б. Б. Там же; Пыпина В. А. Указ. соч. ЛЛ. 119–132.

¹⁴ Глинский Б. Б. Там же. С. 280–282.

¹⁵ Там же. С. 283.

¹⁶ Письмо А.Н. Пыпина А.Е. и Н.Д. Пыпиным (июнь, 1852г.) // МУК «МЧ». ОФ. Папка 6. № 3708/7. Л. 8. Авторитетная копия В.А. Пыпиной.

¹⁷ Пыпина В. А. Указ. соч. Л. 124.

¹⁸ Там же. Л. 111.

¹⁹ Там же. С. 103.

²⁰ См.: там же. С. 155–156.

²¹ См. об этом: Демченко А. А. Н.Г. Чернышевский : научная биография. Саратов. 1984. Ч. 2. С. 40–41, 276.

²² Цит. по: Озерянский А. С. Александр Николаевич Пыпин // Вопросы истории, 2009. № 10. С. 37.

²³ Там же.

²⁴ См. об этом: Крупчанов Л. М. Культурно-историческая школа в русском литературоведении. М., 1983. С. 174–190; Озерянский А. С. Н.Г. Чернышевский и А.Н. Пыпин об общественном сознании и перспективах России (60-е годы) // Н.Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы. М., 2004. Вып. 15. С. 194–201.

Г.Ф. Самосюк

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И А.Н. ПЫПИН В ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»

В 1995 году в журнале «Русская словесность» (№4, С. 2–19) были опубликованы материалы, посвященные «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: статья А.С. Суворина «Историческая сатира» и ответ на нее в апреле 1871 года М.Е. Салтыкова – «Письмо в редакцию» <«Вестника Европы»>. Публикации и комментарии к ним подготовлены К.И. Тюнькиным, который в содержательной преамбуле вскрыл суть рецензии А.С. Суворина и ответа на нее (правда, неопубликованного) автора «Истории одного города».

Посланию в редакцию журнала предшествовало два письма Салтыкова Пыпину от 2-го и 6-го апреля 1871 года, носивших частный характер. На одно из них (от 2-го апреля) Пыпин откликнулся серьезным разбором сочинения сатирика¹. В ответ Салтыков горячо благодарил неофициального рецензента: «Письмо Ваше душевно утешило меня, ибо для меня важно было Ваше мнение о моей литературной деятельности» [выделено Салтыковым. – Г. С.] (С. 78).

Впоследствии Пыпиным были написаны две специальные статьи о писателе. Обе они («Идеализм Салтыкова. Историко-литературное воспоминание» и «Журнальная деятельность: "Современник", 1863–1864») были опубликованы в журнале М.М. Стасюлевича «Вестник Европы», 1889, № 6, 10–12, а в 1899 году вышли в Санкт-Петербурге отдельной книгой – «М.Е. Салтыков».

Эти интереснейшие материалы во многом явились следствием сотрудничества Салтыкова и Пыпина в журнале «Современник» в 1863–1864 годах и результатом многолетних журнальных, творческих и личных общений.

Наше внимание привлекла в первую очередь работа Пыпина «Идеализм Салтыкова», которой он спустя много лет продолжил полемику, развернувшуюся вокруг «Истории одного города» вскоре после выхода ее в свет первым отдельным изданием (СПб, 1870).

Далекими истоками этих литературных событий послужила оценка салтыковских позиций по отношению к народу в «Истории одного города» в упомянутой статье-рецензии А.С. Суворина «Историческая сатира» («Вестник Европы», 1871, №4), а также переписка Салтыкова и Пыпина в связи с этой рецензией.

В первом письме от 2 апреля 1871 года автор «Истории одного города» прежде всего отверг взгляд рецензента на его сочинение как на «опыт исторической сатиры», заявив, что «ему нет никакого дела до истории» и что он имеет «в виду лишь настоящее»; историческая же форма рассказа была [для него. – Г.С.] удобна, тем более что «те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII веке, существуют и теперь». Следовательно, подводил он итоги, «историческая» сатира вовсе не была целью, а только формой» (С.74), которая дает ему «больше свободы» (С.75).

Для Салтыкова неприемлем также упрек рецензента в «смехе ради смеха», «вышедший», по его определению, «в первый раз от Писарева» [имеется в виду статья критика «Цветы невинного юмора». – Г.С.].

«Я <...> могу, – аргументирует Салтыков, – каждое свое сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они именно направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят» (С.75). Отвечая всем, кто разделял взгляд Суворина, писатель подчеркивает, что он рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия», когда изображал «жизнь под игом безумия» (С.76).

Самый главный тезис сатирика, обращенный против автора «Исторической сатиры», – определение своей позиции в отношении к народу. Упрек в «глумлении над народом» Салтыков воспринял особенно болезненно, поэтому подробно обосновал и разъяснил свой взгляд на эту проблему: «Мне кажется, – писал он, – что в слове «народ» надо отличать два понятия: народ исторический и народ, представляющий собою идею демократизма. Первому, выносящему на своих плечах Бородавковых, Бурчевых и т.п., я действительно сочувствовать не могу, второму я всегда сочувствовал, и все мои сочинения полны этим сочувствием» (С. 76).

Ответное письмо Пыпина, датированное тем же 2-м апреля 1871 года, демонстрирует положительное отношение ученого к «Истории одного города»: «она мне понравилась» (С. 347) и «остаётся для меня замечательной книгой с большими достоинствами» (С. 349). Однако Пыпин высказал замечание относительно «приема выражения известных понятий» (С. 347): «Вы предпочли прием, – разъясняет свою мысль автор, так сказать, общеотрицательный; я думал и думаю, что нужен также и прием положительный, например, нужно припомнить в истории и указывать – сколько можно – в настоящем то, что в них было и есть положительного и хорошего, что я таковым считаю», имея в виду «случавшиеся в обществе и народе» «протесты» «против тех безобразий, какие изображаются в «Истории одного города» (С. 347).

Вполне обоснованным в этом смысле было суждение Пыпина о недостаточной ясности щедринской сатиры: «Ваша сатира не всегда бывала достаточно ясна, то есть ясна в том смысле, чтоб не производить недоразумения об истинности ее

предмета». Между тем, «опасность недоразумения», по мнению Пыпина, «бывала иногда возможна» (С. 347).

Относительно главного тезиса Суворина о глумлении Салтыкова над народом Пыпин был вполне категоричен: «Я не разделяю всего его мнения о Вашем взгляде на народ, но думаю, что повод к недоразумению в книге действительно есть», так как, замечает он, «исторический характер в книге очень силен» (С. 348).

Пыпин побуждает Салтыкова к публичному ответу по этому важному вопросу, такого рода ответ помог бы «устранить то недоразумение, которое и [ему. – Г.С.] представлялось возможным» (С. 348).

В ответном письме Салтыков остановился на разъяснении своих позиций, теперь уже касающихся преимущественно «неясности <...> сочинений»: «она обуславливается, во-первых, характером их, а во-вторых, и тою обстановкой, которая до сего дня окружает русскую литературу» (С. 78), т.е. невозможностью «писать свободно» (С. 78).

Помимо частной переписки (и Салтыков и Пыпин снабдили свои эпистолы постскриптумом: «письмо <...> частное и <...> тиснению не подлежит» (С.76, 349), автор «Истории одного города» направил «Письмо в редакцию <<Вестника Европы>>», в котором во многом повторил разъяснения, содержащиеся в письмах Александру Николаевичу (С. 82, 83, 85).

Письмо это, как упоминалось, не было опубликовано, видимо, по причинам внутриредакционного характера, тем не менее Салтыков дважды, как установил В.Э. Боград (С. 86), частично сумел публично ответить Суворину: в рецензии на «Повести, рассказы и драматические сочинения Н.А. Лейкина» («Отечественные записки», 1871, №5) и в несостоявшемся, но начатом цикле «Самодовольная современность» (С.79) (Там же, 1871, №10). На последнюю статью Суворин намеревался ответить в «Вестнике Европы» в комментарии к письму А.Н. Пыпина от 6 апреля 1871 года (С.79).

Свое участие во всех этих обсуждениях «Истории одного города» и вспомнил А.Н. Пыпин в работе 1889 года «Идеализм Салтыкова», выясняя характер сатиры Салтыкова и содержание некоторых критических откликов. В предисловии к книге «М.Е. Салтыков» (1899) Пыпин разъяснил, что в этой статье он выступил «против взгляда, не однажды тогда [т.е. вскоре после его смерти. – Г.С.] высказанного, по которому Салтыков был

пессимистом, без положительного идеала, игравший без разбора своим желчным остроумием»². Такая «несправедливость осуждения», считал ученый, может быть опровергнута путем «беспристрастного изучения целого состава его произведений», в том числе (что следует из дальнейшего анализа) и «Истории одного города». К личным разъяснениям Пыпин «присоединяет» «собственные слова Салтыкова по вопросу, имевшему параллельное значение, – об его отношении к «народу». Поскольку следы «упомянутого враждебного отношения к Салтыкову или непонимания его можно встретить и донныне, не лишне будет, – считает Пыпин, – вернуться еще раз к этому предмету» (С. 5–6). Так аргументирована ученым необходимость обращения к «прошлым временам».

Прежде чем привести несколько достаточно обширных выдержек из прежнего письма к нему Салтыкова по поводу истолкования «Истории одного города» (ведь прошло около двадцати лет!), Пыпин подчеркивает, что писатель «вовсе не был хладнокровен к отзывам о своих произведениях; он не только интересовался ими, но волновался, когда в этих отзывах была не голословная хвала и хула, а выдвигались замечания принципиального свойства» (С. 8). Он заботился «о целом смысле своей деятельности» и «очень тревожился вопросами: был ли он правильно понят, достигают ли цели те усилия, какие полагал он на свой труд?» (С. 8).

Пыпин вспоминает 1860-е годы, когда впервые прозвучало писаревское обвинение Щедрина в «смехе ради смеха» и во враждебном отношении к народу. Такого рода обвинения, пройдя через 70-е годы, слышны, по замечанию Пыпина, «до последнего времени». К числу этих инсинуаций теперь присоединились и такие, что «у Салтыкова не было руководящего мировоззрения, не было идеала» (С. 9). Именно в связи с этим Пыпин ставит очень важный для восприятия сатирика вопрос «об идеалистической основе [его. – Г.С.] труда», т.е. о наличии у писателя идеала, из которого он исходит в своей сатире. Эта мировоззренческая проблема определяет содержание и второй статьи пыпинской книги о Салтыкове, построенной на анализе его публицистических и литературно-критических статей 1863–1864 годов, также «открывающих», по определению Пыпина, его литературные и общественные идеалы.

По мнению автора «историко-литературных воспоминаний», сатирик был «неразрывными узами» связан «с тою ча-

стью общества, которая ищет для русского народа благ просвещения и общественной справедливости» (С.10).

Таким образом, Пыпин предварил свои воспоминания о полемике вокруг «Истории одного города» очень важным для понимания Салтыкова и его концепции народа суждениями.

Большое место в этой статье занимает цитирование основных положений письма автора «Истории одного города», нужных Пыпину для того, чтобы, как он пишет, «пролить некоторый свет на смысл его произведений, разъяснение которого было всегда его [Салтыкова. – Г.С.] особенной заботой» (С. 11).

Пыпин выделяет самые главные места текста (об «исторической сатире» и «исторической форме рассказа»), об упреке в «смехе ради смеха» и определенности объекта его сатиры, об обвинении в «глумлении над народом»), а для доказательства сочувственного отношения писателя к «народной массе» ссылается на последнее произведение Салтыкова – «Пошехонская старина», проникнутое, по словам Пыпина, «глубоким чувством соболезнования» (С. 14) к крестьянству эпохи крепостного права.

Обращает на себя внимание тот факт, что автор статьи о Салтыкове опускает теперь все места, связанные с прямыми выпадами сатирика против «рецензента» Суворина, что по-видимому, связано с утратой злободневности конкретной полемики начала 70-х годов (опущено: «рецензент обвиняет меня», «критик-мичман», «гоголевский мичман» и др.).

Сняты также целые абзацы, где Салтыков дает волю своим ядовитым определениям автора рецензии в «Вестнике Европы»: «частные замечания <...> сообщили статье характер *подъяческий*»; «бывалый и ловкий человек»; «рецензент <...> с некоторою даже гадливостью (вот-то опрятный человек!) отзывается в статье «о корени происхождения» и т.д.

Трудно объяснить некоторые, наиболее существенные изменения в тексте Салтыкова при его цитировании Пыпиным. Так, вместо: «народ, представляющий собою идею демократизма», – Пыпиным было предложено безликое, неопределенное: «народ, представляющий собой *известную идею*» (С. 13).

Пыпинские оценки «Истории одного города» в статье 1889 года и тем более в книге «М.Е. Салтыков» более объективны и спокойны, чем в эпистолярных объяснениях. Его суждения основаны теперь на учете многочисленных и весьма противоре-

чивых откликов об этом произведении и на более глубоком прочтении самого текста писателя.

По-видимому, Пыпин считал несвоевременным заострять внимание на расхождениях с автором в отношении к «народу историческому» (как помним, Пыпин полагал, что наряду с негативными характеристиками народа «нужно припомнить в истории», что в нем «было и есть положительного и хорошего <...>»).

Второе замечание Пыпина в письме Салтыкову, также снятое и в статье 1889 года, и в книге 1899 года, касалось недостаточной «ясности» его сатиры, в результате чего, как уже цитировалось, могла появиться «опасность недоразумения», которое и возникло в интерпретации авторского взгляда на народ.

Изъятия Пыпиным из своей работы мысли об «опасности недоразумений» при прочтении щедринской сатиры, помимо названных причин, свидетельствовали и о психологической дальновидности Пыпина, об учете им изменений в настроении общества и нежелании усугублять имевшие место негативные оценки одного из самых ярких произведений писателя.

Пыпинские «историко-литературные воспоминания», если определять их значение, важны не только как свидетельство участия (хотя и запоздалого) в полемике вокруг «Истории одного города» по проблеме отношения писателя к народу, но и как намерение осмыслить роль личности этого «очень сложного» «характера», «славную деятельность» писателя и редактора (С. 1–2). В этой статье много тонких и глубоких суждений об особенностях таланта писателя, прибегавшего, по словам его коллеги по перу, то к «гневной сатире», исполненной «необычайного остроумия», то к «грустным лирическим мотивам» (С. 3). Все это автор статьи видел и в тексте «Истории одного города».

Очень показательна для пыпинской концепции щедринского творчества, в том числе и «Истории одного города», заключительная фраза: «<...> его сатира переходила в трагедию, и в глубине его мрачных картин светился вынесенный им из юности и бережно сохраненный идеал добра, справедливости и просвещения» (С. 16).

Под этим углом зрения рассматривалась ученым и «История одного города», и такое направление его мысли не лишено актуальности и в наше время.

¹Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. / под ред. С. А. Макашина. Т. 18. Кн. 2. 1976. С. 346–349. Письмо прокомментировано В.Э. Боградом. Далее ссылки на письма Салтыкова и пыпинское ответное послание указываются в тексте работы.

²Пыпин А. Н. М.Е. Салтыков. СПб., 1899. С. 5. Далее страницы указываются в тексте.

Е.Н. Манова

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ М.Н. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Важным звеном в формировании мировоззренческих позиций М.Н. Чернышевского стали 1870-е гг. – время пребывания его в Петербургской Ларинской (четвертой) гимназии, известной прогрессивными методами преподавания и знаменитыми учителями. Это учебное заведение было основано по инициативе министра народного просвещения графа С.С. Уварова в 1836 году¹. С Ларинской гимназией связано немало ярких имен, прославившихся на общественном, научном и литературном поприщах. В ней в разные годы учились ставший впоследствии издателем и редактором «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич, литератор А.М. Скабичевский, известный специалист по истории античности и европейскому средневековью, профессор Петербургского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов И.М. Гревс, профессор Петербургской консерватории А.А. Сакетти и многие другие. В 1870-е гг., несмотря на проведенную графом Д.А. Толстым реакционную реформу среднего образования, обстановка в Ларинской гимназии складывалась благоприятней, чем в других учебных заведениях. Главная заслуга в этом принадлежала ее директору И.Ф. Кноррингу, сумевшему создать как для учителей, так и для их воспитанников относительно благоприятные условия².

Михаил Чернышевский поступил во второй класс Ларинской гимназии в августе 1870 года³. В список обязательных дисциплин, которые предстояло ему в будущем освоить, входили: Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, география, естественная история, математика, рисование, чистописание и гимнастика⁴. В 1871 году был введен в действие новый

устав гимназий и прогимназий, по которому к обязательным предметам добавлялись латинский и греческий языки, исключалось преподавание естественной истории. Курс гимназического обучения устанавливался восьмилетним, а не семилетним, как было раньше.

Преподавателями гимназии во время обучения в ней Михаила Николаевича состояли: протоирей Борисоглебский, географию вел В.С. Парамонов, учителем немецкого языка был К.В. Зоммер, а русского – А.М. Скабичевский⁵. Но особенно важным событием в эти годы стало для Михаила Чернышевского знакомство с известным продолжателем традиций русского педагога В.Я. Стоюнина – Виктором Петровичем Острогорским⁶.

Сила влияния этого человека на учеников была поистине удивительной. По мнению И.М. Гревса – приятеля и однокурсника М.Н. Чернышевского, его «...нельзя было назвать ни ученым специалистом, ни глубоким мыслителем. Значение его заключалось не в оригинальности идей и не в новизне метода. Это был <...> удивительно начитанный и цельно сложившийся популяризатор, убежденный и одушевленный распространитель в сознании захиревших учащихся поколений 70-х и 80-х годов идеализма 40-х, прошедшего через общественность 60-х годов»⁷.

Раскрывая перед гимназистами «славные страницы <...> литературного прошлого», В.П. Острогорский знакомил учеников «с крупными моментами новейшей истории самосознания <...> общества», сочинениями К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова В.Я. Стоюнина, В.И. Водовозова. «Философские движения 40-х годов, кружки Станкевича, Грановского, Герцена, – вспоминал И.М. Гревс, – были нам знакомы в их просветительном значении, равно как и деятели эпохи Великих реформ»⁸. В итоге внутренний мир каждого восприимчивого ученика как бы сливался воедино «с широким потоком развития русского общества»⁹.

Во время занятий В.П. Острогорский с воодушевлением рассказывал ученикам о художественном наследии античных авторов, раскрывая перед ними всю «красоту и величие Гомера, Софокла, Аристофана, Вергилия, Горация»¹⁰.

В личном архиве М.Н. Чернышевского сохранился текст его гимназического сочинения 1875 года «Не все то золото, что блестит»¹¹, анализ которого позволяет судить не только о

разностороннем умственном развитии самого Михаила Николаевича, но и о тех личностных качествах, которые стремился развить в своих воспитанниках В.П. Острогорский.

Указанное сочинение посвящено годам правления римского императора Нерона, в частности характеристике его внутренней политики. В нем автор широко цитирует Тацита, описывает жестокие гонения на христиан и приходит к выводу, что эгоизм правителя совершенно исключал такие понятия, как жалость и сострадание, что побудило Нерона «истребить добродетель в лице немногих оставшихся ее представителей»¹², к примеру, римского поэта, философа и государственного деятеля Луция Аннея Сенеки. При этом, задерживаясь на оценке нравственно-религиозного учения последнего, Михаил Николаевич подчеркивает правоту Сенеки, когда тот отстаивал позиции нравственной строгости человека, прежде всего по отношению к самому себе. Целиком и полностью разделял он взгляды древнего философа и по отношению к окружающим людям, проповедавшие сострадание и снисходительность. Таким образом, уже в раннем своем сочинении Чернышевский – гимназист сумел отчетливо отразить главные черты своего мироощущения, основные представления о мире, человеке, добре и зле.

Наряду с античными авторами на уроках В.П. Острогорского глубоко изучались произведения Шекспира, Гете, Байрона, Гюго, Сервантеса, Диккенса, которые также «не оставались у него в виде ничем не связанных обрывков, а вставлялись в рамку эпохи, освещались умственными и общественными движениями, их породившими, истолковывались биографиями и характеристиками авторов»¹³.

С Виктором Петровичем ученики, в том числе и М.Н. Чернышевский, посещали чтения, устраиваемые Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). Острогорский являлся организатором всевозможных литературных и музыкальных собраний, спектаклей в пользу общества помощи нуждающимся ученикам Ларинской гимназии, привлекая для участия в них выдающихся представителей отечественной культуры – Ф.М. Достоевского, Д.В. Григоровича, А.Н. Плещеева. Духовное влияние В.П. Острогорского широко распространялось и за пределами гимназии. «Его мысль, – писал И.М. Гревс, – направляла домашние занятия учеников и приводила к сближению между ними»¹⁴.

С 1876 года, благодаря инициативе группы учеников, поддержанной В.П. Острогорским, начал действовать «литературный кружок для совместного чтения и разбора главнейших произведений литературы». Основная его задача состояла в стремлении «развить способность плавной речи и повести к живому обмену мыслей и более глубокому разностороннему познанию человека»¹⁵. Михаил Николаевич вспоминал, что «под влиянием убедительных доводов Виктора Петровича о необходимости для собственного же развития больше читать и глубже вникать в прочитанное, несколько человек V класса, в числе которых главным инициатором был ныне здравствующий профессор И.М. Гревс, задумали основать литературный кружок»¹⁶. Был разработан Устав, в котором провозглашалась главная цель «кружка»: «развить способность плавной речи и повести к живому обмену мыслей и более глубокому, разностороннему познанию человека»¹⁷. «Кружок» состоял из президента, секретаря, трех «непременных и пяти действительных членов»¹⁸. Учащиеся, которые не прочитали никакой литературы на протяжении двух месяцев, считались выбывшими. Во время докладов присутствующие на собрании члены кружка «заносили на бумагу свои мысли, как о читаемом произведении, так и самом чтении. Никто не имел права перебивать лектора»¹⁹, и все замечания делались по окончании чтения. Заседания кружка проводились по субботам, на квартирах у каждого из его членов. Проходили литературные собрания и в доме академика А.Н. Пыпина, слушателем лекций по средневековой французской литературе в Петербургском университете в 1860 – 1861 годы был В.П. Острогорский.²⁰

В архиве М.Н. Чернышевского сохранился перечень тем и докладов, которые обсуждались членами этого кружка. В нем присутствуют имена Гете, Данте, Шекспира, Шиллера, Мольера и других классиков мировой литературы. Что же касается русской классики, то она была представлена следующим образом: «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова, «Доходное место» А.Н. Островского, «Кулак» И.С. Никитина, «Сатира Щедрина и ее значение», И.С. Тургенев – «Параллель между Рудиним и некоторыми героями Шпильгагена»²¹.

На одном из собраний кружка Михаил Николаевич читал письма отца из Сибири, содержавшие его рассуждения о пользе для молодежи самообразования и изучения иностранных языков. В другой раз он же представлял обзор журнала «Вест-

ник Европы» за декабрь 1878 года, рефераты о «Юлии Цезаре» Шекспира, Савонароле, Н.М. Карамзине. Не ограничиваясь чисто литературными беседами, члены кружка нередко устраивали любительские спектакли, активное участие в которых принимал и М.Н. Чернышевский. Так, 17 апреля 1876 года он исполнил роль Хлестакова в комедии «Ревизор», а 30 января 1879 года – играл Фамусова в спектакле «Горе от ума»²².

Деятельность кружка продолжалась в течение пяти лет, вплоть до 1 марта 1881 года – дня убийства императора Александра II, события, сделавшего, по признанию М.Н. Чернышевского, «почти невозможным существование даже подобных кружков без известного риска»²³. Однако такое объяснение причин распада кружка разделяли далеко не все его участники. В частности, И.М. Гревс считал, что кружок прекратил свою деятельность «только в силу многообразия новых веяний, когда уже выполнил свою функцию», продержавшись «до самого окончания нами курса гимназии, оказав важное влияние на образование умственного склада его членов, перешел с нами в университет»²⁴.

После событий 1 марта 1881 г. члены кружка в полном составе смогли собраться только по случаю празднования университетского дня. Не обошлось без неприятного инцидента, связанного с появлением в самый разгар собрания пристава. «К счастью, – вспоминал М.Н. Чернышевский, – наши объяснения были приняты благосклонно, и все дело кончилось лишь тем, что пристав подробно переписал всех присутствовавших, среди которых были В.П. Острогорский и А.Н. Плещеев»²⁵.

Впоследствии М.Н. Чернышевский не раз подчеркивал, что литературный кружок В.П. Острогорского, наряду с другими жизненными факторами, явился для него живительным источником всестороннего и гармоничного развития, а годы, связанные с его деятельностью «останутся <...> лучшим и неизгладимым воспоминанием»²⁶. По прошествии многих лет Михаил Николаевич не терял связи с бывшими товарищами по кружку. С некоторыми из них – А.А. Сакетти, И.М. Гревсом – он и после окончания гимназии поддерживал тесную связь²⁷.

Отношение к гимназическому обучению М.Н. Чернышевского со стороны его родителей, как свидетельствуют многочисленные источники, было неоднозначным и довольно противоречивым. Так, Николай Гаврилович в письмах к сыну замечал, что «совершенно незнаком с нынешними гимназическими

порядками, и мои советы по твоим учебным занятиям едва ли могли бы оказываться идущими к надобностям, переходить из класса в класс, получать хорошие баллы»²⁸. Иначе высказывалась Ольга Сократовна, неоднократно напоминая Михаилу о необходимости прилежания в учебных занятиях. В письме от 24 июля 1871 года она наставляет сына, оставшегося на второй год в том же (во втором) классе: «Постарайся хоть на будущий год быть из первых учеников <...>. Главное нужно заботиться о том, чтобы Папашу порадовать чем»²⁹. Но, увы, аналогичный случай произошел с ним еще дважды – в третьем и шестом классах. Объяснялось это целым рядом обстоятельств: его болезненным состоянием, недостаточно серьезным отношением к учебе, увлечением любительским театром. Правда, имелись и более веские причины – материальная нужда, заставлявшая Михаила Николаевича с ранних лет самому заниматься репетиторством³⁰. Особых успехов, как свидетельствует табель успеваемости, он достиг в изучении древних и новых иностранных языков: латинскому – 4, немецкому – 5, французскому – 5. Отличные оценки стояли у него также по зоологии и Закону Божьему³¹.

Гимназический курс обучения Михаилу Николаевичу дался не легко. Уже один только факт, что оканчивать гимназию ему пришлось в двадцатидвухлетнем возрасте, угнетающе действовал на его психику. «Да, <...> я сержусь на себя за потерянное время, и почти завидую Саше. В мои годы он уже кончал университет»³², – делился он своими переживаниями с отцом. Был эпизод, когда в 1876–1877 гг. из-за нехватки денежных средств он хотел и вовсе уйти из гимназии и поступить на службу. И только вмешательство Ольги Сократовны, просившей мужа повлиять на решение Михаила, помогло избежать этого шага. В письме к сыну от 19 ноября 1877 года Н.Г. Чернышевский благодарил его за то, что тот, несмотря на тяжкие жизненные обстоятельства, все же «послушался своей маменьки и остался продолжать гимназический курс»³³.

Трудно сказать теперь, чьи доводы – отца или матери – решительным образом подействовали на М.Н. Чернышевского, но он отчетливо осознал, что обязан окончить гимназию. И моральная поддержка со стороны родителей оказалась как нельзя кстати. Можно только догадываться, насколько близки и понятны для него были слова матери, буквально умолявшей сына в одном из своих писем лучше готовиться к экзаменам: «На тебя у

меня больше надежды, чем на Сашу <...> ты у меня видел нужду и знаешь, как дороги деньги»³⁴.

Высокий уровень классического гимназического образования в сочетании с природными способностями и благотворным общением с А.Н. Пыпиным подтолкнули М.Н. Чернышевского к идее поступления в университет. В одном из писем к жене Николай Гаврилович, размышляя на эту тему, писал: «Миша скоро кончит курс гимназии. Что будет делать дальше? Конечно, поступит в университет? Это, вообще говоря, самое лучшее»³⁵. В другой раз, обращаясь уже к сыну, он убежденно заявлял о том, что только в университете «люди привыкают <...> думать, как думают вообще все рассудительные люди; привыкают быть благоразумными людьми»³⁶.

В результате, окончив в 1880 году курс гимназического обучения, М.Н. Чернышевский поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. «Я хочу быть филологом, но не классиком <...>. Я хочу выбрать своим предметом всеобщую литературу»³⁷, – сообщал он отцу о своих будущих планах, которые не осуществились.

Подводя итог, следует отметить, что именно Ларинская гимназия оставила неизгладимый след в судьбе Михаила Николаевича. Годы обучения расширили интеллектуальный кругозор юноши, серьезнейшим образом повлияли на весь дальнейший его жизненный путь. Надо полагать, что именно тогда он впервые четко осознал, что морально готов к восприятию традиционных для российского образованного общества культурных ценностей и нравственных идеалов. Михаил Николаевич всецело разделял мысли и чувства своего друга И.М. Гревса, обращенные к В.П. Острогорскому: «Кому мы в нашем среднем образовании обязаны больше всего тем, что есть в нас хорошего, это каждый из нас знает слишком хорошо; этого человека никто из нас никогда не забудет; он останется всегда в нашей памяти...»³⁸. Именно благодаря усилиям В.П. Острогорского в каждом из гимназистов закладывалось то, что впоследствии «привлекает к жизни и чем гордится совесть»³⁹.

¹Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886. СПб., 1886. С. 1.

²Гревс И. Виктор Петрович Острогорский, как учитель // Мир Божий. 1902. № 7. С. 2.

- ³Чернышевский М. Н. Записи о разных годах жизни // Муниципальное учреждение культуры «Музей Н.Г. Чернышевского». ОФ. Папка 159. № 7347/3871. Л. 1.
- ⁴Письмо М.Н. Чернышевского Н.Г. Чернышевскому от 6 декабря 1870 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 2.
- ⁵Там же.
- ⁶См.: Празднование двадцатипятилетия учительской деятельности В. П. Острогорского // Женское образование. 1889. № 32. С. 547–559.
- ⁷Гревс И. Указ. соч. С. 5.
- ⁸Там же. С. 11.
- ⁹Там же.
- ¹⁰Там же. С. 8.
- ¹¹МУК «МЧ». ОФ. Папка 71. № 3334.
- ¹²Там же. Л. 8.
- ¹³Гревс И. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁴Там же. С. 12.
- ¹⁵РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 214. Л. 4, 16.
- ¹⁶Там же. Л. 4.
- ¹⁷Там же. Л. 23.
- ¹⁸Там же.
- ¹⁹Там же. Л. 24.
- ²⁰См.: Острогорский В. П. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851–1864 гг.). 2-е изд. СПб., 1914. С. 46, 47.
- ²¹Чернышевская Н. М. Младший сын // Семья Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1988. С. 84.
- ²²РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 214. Л. 22, 23.
- ²³Там же. Л. 5.
- ²⁴Гревс И. Указ. соч. С. 12.
- ²⁵РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 214. Л. 5.
- ²⁶Там же. Л. 16.
- ²⁷Чернышевская Н. М. Младший сын. Указ. соч. С. 85.
- ²⁸Письмо Н.Г. Чернышевского М.Н. Чернышевскому от 25 марта 1875 г. // Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. СПб., 1912. Вып. 1. С. 151.
- ²⁹Письмо О.С. Чернышевской М.Н. Чернышевскому от 24 июля 1871 г. // Волга. 1987. № 7. С. 174.
- ³⁰Чернышевская Н. М. Материалы о М. Н. Чернышевском // МУК «МЧ». ОФ. Папка 17. № 7347/61. Л. 2.
- ³¹РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 552.
- ³²Письмо М.Н. Чернышевского Н.Г. Чернышевскому от 5 мая 1879 г. // РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 14.
- ³³Письмо Н.Г. Чернышевского М.Н. Чернышевскому от 17 ноября 1877 г. // Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. СПб., 1913. Вып. 2. С. 213.

³⁴Письмо О.С. Чернышевской М.Н. Чернышевскому от 18 апреля 1879 г. // Волга. 1987. № 7. С. 177.

³⁵Письмо Н.Г. Чернышевского О.С. Чернышевской от 17 марта 1876 г. // Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. Вып. 2. С. 8.

³⁶Письмо Н.Г. Чернышевского М.Н. Чернышевскому от 24 апреля 1878 г. // Там же. СПб., 1913. Вып. 3. С. 102.

³⁷Письмо М.Н. Чернышевского Н.Г. Чернышевскому от 5 февраля 1881 г. // РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 27.

³⁸РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 214. Л. 16.

³⁹Гревс И. Указ. соч. С. 13.

Н.А. Попкова

ИЗДАНИЯ ТРУДОВ А.Н. ПЫПИНА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В научной библиотеке Саратовского классического университета сочинения историка и литературоведа А.Н. Пыпина представлены с исчерпывающей полнотой. Здесь хранятся отдельные прижизненные и посмертные издания его произведений, а также публикации ученого в журналах «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного просвещения», в периодических выпусках «Исторического обозрения», «Памятников древнерусской письменности», «Известий Академии наук».

Многосторонность интересов Пыпина, его поразительная работоспособность (более 1200 опубликованных трудов) поражали многих, кто был знаком с этим неутомимым тружеником науки, его творческим наследием. По словам С.А. Венгерова: «Принадлежность всех этих сочинений, столь высоко авторитетных, одному лицу представляет собой явление почти беспримерное в нашем ученом мире»¹.

Как правило, в большинстве пыпинских работ выражалась его реакция на общественно значимые события, в том числе происходящие и в родном городе. Он приветствовал идею А.П. Боголюбова об открытии в Саратове Радищевского музея, позже описал это знаменательное событие (Вестник Европы. 1885. Август. С. 836–844). С гордостью отмечает Александр Николаевич в рецензии на «Саратовский сборник», «что вопрос

местного изучения <...> в Саратове поставлен лучше, чем во многих других городах»². Позже, размышляя о судьбах саратовских раскольников, Пыпин делает вывод, что «разгром иргизских монастырей был мерой не только жестокой, но и послужившей во вред православию», «идея сближения раскольников с православием — мера неудачная»³.

Значительная часть работ Пыпина поступила в фонд библиотеки СГУ в составе книжной коллекции, переданной в дар университету Ильей Александровичем Шляпкиным (1858–1918). Пыпина и его младшего современника, профессора Санкт-Петербургского университета И.А. Шляпкина объединял интерес к изучению русской литературы, старой и новой истории, славистики. Вполне объяснимо, что труды авторитетного в научном мире А.Н. Пыпина занимали значительное место в книжном собрании Шляпкина. Вместе с тем, и сочинения последнего привлекали внимание Александра Николаевича. Он откликнулся рецензиями на следующие публикации И.А. Шляпкина: «Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова» (Вестник Европы, 1890, январь, С. 428–431), «Святой Димитрий Ростовский и его время» (Вестник Европы, 1891, июль, С. 409–413) «Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени» (Вестник Европы, 1898, сентябрь, С. 404–408), «Из неизданных бумаг А.С. Пушкина» (Вестник Европы, 1903, март, С. 404–407). Высоко оценивая эти работы, в ряде случаев Пыпин высказывал и свое несогласие «с некоторыми приемами» Шляпкина. В частности, замечание Пыпина вызвали отсутствие биографии А.С. Грибоедова, включение в состав его произведений деловых бумаг⁴.

В библиотеке А.П. Скафтымова, профессора кафедры русской литературы Саратовского университета, были представлены четырехтомная «История русской литературы», «Общественное движение в России при Александре I», «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов». Пометы на страницах этих книг говорят о том, что мысли историка литературы, общественности — А.Н. Пыпина встретили отклик в Скафтымове, фольклористе, литературоведе.

Большое количество пыпинских изданий поступило в библиотеку СГУ и из книжных собраний деятелей науки: братьев — историков Барсуковых, географа Д.А. Рамзаева, исследовательницы русского фольклора, профессора Саратовского университета Т.М. Акимовой, а также из библиотек, расформиро-

ванных после революции 1917 года образовательных учреждений, — Саратовской первой мужской гимназии, Института благородных девиц, Учительского института. Справедливо отмечал Н.А. Котляревский, что на трудах Пыпина воспитывались «целые поколения ученых и вообще образованных людей»⁵.

¹Венгеров С.А. Пыпин (Александр Николаевич) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1898. Т. XXV. С. 894.

²Пыпин А. Н. «Саратовский сборник» // Вестник Европы. 1881. Июль. С. 444.

³Пыпин А. Н. Раскол на Дону в конце XVII в. Исследование В.Г. Дружинина. СПб. 1889. — Н. С. Соколов. Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888. Т. I. // Вестник Европы. 1889. Июнь. С. 814.

⁴Пыпин А. Н. Полное собр. соч. А.С. Грибоедова / под ред. И.А. Шляпкина. СПб., 1889. Т. I, II // Вестник Европы. 1890. Янв. С. 429–430.

⁵Котляревский Н. Предисловие // Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Петроград, 1918. С. 8.

В.А. Дьяконов

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ НА САРАТОВСКОЙ СЦЕНЕ

Жизнь и судьба Николая Гавриловича Чернышевского традиционно привлекают саратовскую творческую интеллигенцию. Художники и скульпторы Саратова создали его портретную галерею, композиторы и писатели посвятили ему свои произведения, режиссеры, сценаристы, теле- кинооператоры и артисты достойно запечатлели его в своих работах.

Неоднократно обращался к сценическому воплощению образа нашего именитого земляка Саратовский академический драматический театр. Так в 1939 году в этом амплуа выступает народный артист России И.А. Слонов в спектакле по пьесе «Чернышевский» местного драматурга В.А. Смирнова-Ульяновского. В своих заметках о работе над драмой последний писал: «Приступая к созданию пьесы о жизни и деятельности великого русского писателя и революционера — демократа Н.Г. Чернышевского, мы, прежде всего, задались целью изучить возможно полное эпоху 50–60-х годов прошлого столетия, историю революционно-демократического движения, во главе кото-

рого стоял великий саратовец. В связи с этим мы провели необходимую исследовательскую работу по первоисточникам, хранящимся в Доме-музее Н.Г. Чернышевского, по материалам фундаментальной библиотеки Саратовского госуниверситета, центральной и других библиотек города.

Нами было использовано множество различных источников: «Дневники», «Письма» и произведения Николая Гавриловича Чернышевского, воспоминания его современников, сына Михаила Николаевича, двоюродного брата писателя А.Н. Пыпина и др. Кроме того, мы неоднократно беседовали с родственниками Чернышевского. Особенно много ценных сведений о жизни Николая Гавриловича и его жены Ольги Сократовны мы получили от Елены Матвеевны Чернышевской – жены Михаила Николаевича, лично знавшей Николая Гавриловича, директора Дома-музея, внучки Николая Гавриловича – Нины Михайловны Чернышевской. Начиная работать над пьесой «Чернышевский», над созданием центрального образа, мы учитывали ту огромную задачу и ответственность, которые брали на себя. Мы поставили своей задачей – дать правильное, исторически правильное, отображение в пьесе той эпохи, в которой жил и боролся великий революционер-демократ Н.Г. Чернышевский.

Мы задались целью показать героический образ этого негибнемого, неустрашимого борца с самодержавием, показать его в окружении близких друзей и соратников – Н.А. Некрасова, Н.А. Добролюбова С.И. Сераковского, Н.А. Серно-Соловьевича, А.Н. Пыпина и др. Нарисовать также определенную группу враждебных Н.Г. Чернышевскому людей, представителей царского самодержавия во главе с царем Александром II, показать всю гнусность царской жандармерии и суда, действовавших против великого революционера – демократа путем подлогов, подкупов и провокаций, показать судебный процесс, гражданскую казнь и пребывание Чернышевского в Виллойском остроге.

В своей работе над пьесой «Чернышевский» мы старались сочетать правду историческую с правдой художественной, дать исторически верные картины того времени, показать обаятельный образ стойкого борца за народ Н.Г. Чернышевского, борьбу революционной демократии 60-х годов»¹.

В подготовке спектакля к 50-ой годовщине со дня смерти Н.Г. Чернышевского деятельное участие принял весь художественно-творческий состав театра во главе с художественным руководителем театра Л.Ф. Дашковским, режиссером-

постановщиком В.А. Дарвишевым, дирижером Г.К. Ершовым и художником Е.К. Щаблювским. Говоря о значительности замыслов и поставленных задач В.А. Дарвишев признавался: «Пьеса, созданная нашими драматургами наряду с интересными, верными исторически и хронологически материалами несет в себе трудность для сценической интерпритации уже по одному тому, что она включает в себе 11 картин при большом количестве ролей. Это, правда, вытекает из необходимости задачи, взятой на себя авторами, охватить в исторически последовательном развитии период времени, начиная с 1861 г. /освобождение крестьян/ до 1876 г.

Линию сквозного действия для режиссерской и актерской работы можно твердо провести лишь по некоторым ролям, развивая образы диалектически в их взаимосвязи с новыми, возникающими перед ними обстоятельствами и условиями из картины в картину, так как, попав в ту или иную короткую картину, образ сразу показывается только в определенном качестве, не успевая вырасти в ту или иную сторону. В этих случаях режиссура старалась средствами сценического воздействия находить более углубленный, чем казалось при первом прочтении, подтекст, тщательно выискивая, кроме того, вместе с исполнителями - актерами, наиболее яркую характеристику, углубляя индивидуальности, дифференцируя их, если они принадлежат к однотипным группам»².

В спектакле было занято 73 исполнителя основных действующих лиц пьесы и среди них Народный артист России И.А. Слонов, Заслуженные артисты республики С.М. Муратов, В.К. Соболева, П.А. Карганов, Г.Н. Несмелов и другие ведущие артисты театра. Весь актерский исполнительский коллектив ответственно отнесся к серьезным поставленным задачам, тщательно проработал исторический материал, имеющийся в распоряжении, и, как было принято, составил для себя биографию, характеристику и линию действия изображаемого персонажа.

«Работая над ролью Н.Г. Чернышевского в пьесе саратовских драматургов В. Смирнова-Ульяновского и Б. Найхина «Чернышевский», – говорил И.А. Слонов, – я стремлюсь показать обаятельный образ великого революционера-демократа, саратовца, человека железной воли, неустрашимого борца за освобождение народных масс от ига самодержавия. Некоторые современники изображали Чернышевского как человека аскетического склада, сухого, но это был человек не только сильной,

ясной мысли, но и большого живого чувства, острого, заражающего других. Чернышевский страстно любил жизнь. Этот высоко гуманный человек больше всего любил народ, всех эксплуатируемых и угнетенных. Защите их интересов он посвятил всю свою жизнь. Чернышевский был увлекательным собеседником, обладал мягким, даже нежным характером, но это не мешало ему иметь твердые, непоколебимые убеждения... Он вполне осознавал свою историческую роль. Недаром в письме к К.Т. Солдатенкову 25 декабря 1888 года Чернышевский писал: «Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее». Создание сценического образа Н.Г. Чернышевского – задача большой политической важности, и к ней я отношусь с особенным вниманием и ответственностью. Мне хочется показать Н.Г. Чернышевского, как яркую личность, как несломимого борца-революционера, защитника крестьянских интересов, показать личный моральный облик и жизненный подвиг этого великого, героического человека. С этими мыслями, с горячим желанием дать полноценный, реалистический рисунок роли я и выступаю на сцене, Как мне это удастся – пусть скажет зритель»³.

Саратовские зрители с большим вниманием отнеслись к этой постановке. Они считали своим долгом посмотреть этот спектакль и выказать признательность и уважение своему многострадальному и знаменитому земляку. Были организованы коллективные просмотры спектакля школьниками, студентами, рабочими, служащими и даже сельскими жителями близлежащих районов. Об этой постановке сообщалось в центральной и местной прессе.

В 1949 году образ Н.Г. Чернышевского был воссоздан вновь в спектакле «Великий демократ» В.А. Смирнова-Ульяновского. Но в исполнении заслуженного артиста РСФСР Г.И. Сальникова это был уже несколько другой человек, более страстный, непримиримый и страдающий. Казалось, он заранее предвидел безысходность своей трагической судьбы и от того сильно страдал и мучился.

В 1953 году на сцене театра имени К. Маркса была поставлена драма Н. Г. Чернышевского «Мастерица варить кашу». Эту редко идущую пастораль под руководством главного режиссера В.А. Менчинского сыграли заслуженные артисты республики Н.А. Гурская, А.А. Высоцкий, Б.Ф. Щукин, С.Ф. Бржевский С.П. Ожигин, ведущие артисты Д.Ф. Степурина,

А.А. Сергеев, Г.Ф. Лунина, В.Е. Порфилов, Г.Ф. Федорова и другие. Спектакль приурочивался к 125-летию со дня рождения Н.Г. Чернышевского и шел совсем недолго, но оставил светлый след в памяти земляков⁴. В том же году в Саратовском ТЮЗе по роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?» ставится спектакль «Новые люди». Постановщик спектакля главный режиссер театра Ю.П. Киселев собрал в нем лучшие творческие силы театра. Образ Рахметова на сцене воплотили А.М. Митясов и П.Д. Ткачев, Кирсанова – В.И. Давыдов, Лопухова – А.И. Щеголев, Веры Павловны – Л.М. Толмачева, Анастасии Крюковой – Н.Д. Шляпникова, Матрены – З.Г. Спирина, Жюли – В.А. Ермакова. Они, как, впрочем, и другие исполнители ролей действительно представляли новых, деятельных, современных людей, убедительно отвечающих на вопросы Что и Как нужно делать. Спектакль пользовался большим успехом у тюзовского зрителя и выдержал более 100 представлений. А в 1978 году к 150-летию Н.Г. Чернышевского сценический вариант романа «Что делать?» был вновь представлен выпускниками театрального училища имени И.А. Слонова на сцене Саратовского ТЮЗа. Новая версия еще острее и точнее корреспондировала в современность и главным образом потому, что в ней был достойно представлен образ автора, самого Н.Г. Чернышевского. Его великолепно сыграл молодой талантливый актер Сергей Сосновский. Увлеченный, страстный, решительный, он как бы направлял своих соотечественников, вдохновляя их на новые благие дела и свершения⁵.

В том же году по заказу академического драмтеатра имени К. Маркса Л. Виноградовым пишется новая пьеса о Чернышевском «Человек, который знал, что делать». Уже само ее название предполагало образ мудрого мыслителя, стойкого, негибаемого борца, готового на многие жертвы и лишения. Исполнитель главной роли Александр Михайлов во многом определил и развил это представление. Его Чернышевский был высоко интеллектуальной, одаренной личностью, способной на большие свершения и испытания, истинным сыном своего отечества. В спектакле ему противостояли многочисленные противники из жандармско-чиновничьего аппарата – от уличного осведомителя и провокатора до сенатского суда, и он с честью и достоинством преодолевал все их ухищрения, являя образец мужества и стойкости духа. Отдавая дань признательности своему знаменитому земляку, литератору, ученому, творцу и граж-

данину, театр адресовал свой спектакль прежде всего молодежи. Так на протяжении многих десятилетий саратовские учреждения искусств создавали многогранный образ своего именитого земляка, увековечивая память о нем.

¹Н.Г. Чернышевский. Издание Саратовского областного драматического театра им. К. Маркса. Саратов. 1939. С. 17.

²Там же, С. 18–21

³Там же, С. 22–23

⁴Театр, 1978. № 11. С. 122–123.

⁵Там же.

МУЗЕЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО. ИЗ ЛЕТОПИСИ СОБЫТИЙ (1918–2000)

1918 г. Марта 26.

М.Н. Чернышевский в докладной записке на имя Наркома по просвещению А.В. Луначарского предлагает передать советскому правительству дом своего отца и все дворовое место со всеми постройками для устройства в нем народной читальни-музея имени Н.Г. Чернышевского. В тот же день была выдана Охранная грамота, подписанная А.В. Луначарским, в которой значилось: «Дом великого русского писателя Николая Гавриловича Чернышевского, находящийся в городе Саратове, угол Б. Сергиевской и Гимназической, как представляющий исторический интерес, находится под покровительством Рабочего и Крестьянского Правительства и не подлежит никаким занятиям и реквизициям и не может быть перестраиваемым без особого на то разрешения Совета Народных Комиссаров».

Для облегчения первых шагов по устройству музея А.В. Луначарским выслано телеграфное распоряжение Саратовскому Совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о передаче дома Чернышевского в народное достояние. Саратовскому Совету переведено «50 тыс. руб. на превращение к 25 октября дома великого социалиста Н.Г. Чернышевского в музей его имени...». Тогда же советским правительством национализировано полное собрание сочинений Н.Г. Чернышевского 1906 года, а его издателю, М.Н. Чернышевскому, выдано 5 тыс. руб. золотом.

1919 г. Апрель.

Из Петрограда в Саратов приехал М.Н. Чернышевский для организации музея памяти его отца.

1920 г. Август.

М.Н. Чернышевским подана А.В. Луначарскому докладная записка и проект Положения о музее.

Августа 24.

М. Н. Чернышевский перевез из Петрограда имущество будущего музея: мебель, книги, портреты, документы Н. Г. Чернышевского.

Сентября 17.

В.И. Лениным подписан Декрет Совета Народных Комиссаров «Об объявлении музея имени Чернышевского в Саратове национальным достоянием и передаче его в ведение Народного Комиссариата Просвещения». Опубликованный в газете «Известия ВЦИК» от 25 сентября документ гласил: «Находящийся в Саратове музей имени Чернышевского объявить национальным достоянием и передать его в ведение Народного Комиссариата Просвещения. Одновременно с этим до конца текущего года сверхсметно ассигновать последнему на предмет оборудования охраны этого музея один миллион рублей с тем, чтобы в дальнейшем музей содержался по нормальной смете Народного Комиссариата Просвещения».

Октября 25.

Совет Народных Комиссаров принял постановление о назначении М.Н. Чернышевскому пожизненной пенсии в размере 20 тыс. руб. в месяц и предложил Саратовскому губисполкому произвести срочный ремонт дома Чернышевского, «в коем помещается музей имени Н.Г. Чернышевского и квартира его сына».

1920–1924 гг.

М.Н. Чернышевский передал в музей семейные документы, коллекцию писем, полученных от семьи Фан-дер-Флит и скопированные им тысячи страниц рукописей Н.Г. Чернышевского (в том числе расшифрованных М.Н. Чернышевским дневников отца 1848–1853 гг., «Автобиографии», романа «Отблески сияния», «Повести в Повести»), а также копии Дела Н.Г. Чернышевского из III-го Отделения (1862–1880 гг.). Е.Н. Пыпиной передано в музей две тысячи писем семейной переписки, мемориальные вещи и мебель из дома Чернышевских.

Музей прилагал огромные усилия по проведению капитального ремонта мемориального дома. Семья Михаила Николаевича проживала в дворе флигеле и двух комнатах дома Чернышевских, экспозиция музея представляла собой развеску в одной комнате.

1921 г. Февраля 4.

М.Н. Чернышевский передал А. В. Луначарскому, посетившему Саратов, записку с планом предварительных работ по реставрации дома и организации научного труда по изучению хранящихся в нём материалов.

Сентября 3.

Коллегией Главмузея утверждены Положение о музее и его первоначальный штат: заведующий музеем, его заместитель и хранитель, библиотекарь, научный сотрудник, два служителя. М.Н. Чернышевский назначен пожизненным заведующим музеем, которым он являлся до своей смерти (3 мая 1924 г.).

Декабря 19.

Саратовскому Государственному университету присвоено имя Н.Г. Чернышевского, с этого времени складывается постоянное научное сотрудничество Дома-музея и университета.

Декабрь.

По отчету М.Н. Чернышевского музей, расположенный в двух комнатах дома Чернышевских, за год посетило 150 человек.

1921–1939 гг.

Музей являлся отделением Саратовского государственного областного музея.

1922 г. Декабрь.

По отчету М.Н. Чернышевского за год в музее побывал 131 посетитель.

1923 г. Августа 9.

По докладу М.Н. Чернышевского Совет Народных Комиссаров перевел 10 тысяч рублей золотом на ремонт музея.

Конец года.

Начат ремонт Пыпинского дома, освобождены от посторонних проживающих два флигеля – О.С. Чернышевской и Е.Н. Пыпиной. По отчету М.Н. Чернышевского за год музей посетило 332 человека.

1924–1925 гг.

Профессор Саратовского университета А.П. Скафтымов организовал в музее первый архивный семинар по изучению эпохи 1860-х гг. и ее главных представителей для студентов педагогического факультета университета.

1924–1975 гг.

Заведующей, а затем директором музея являлась внучка писателя, Нина Михайловна Чернышевская, кандидат филологических наук (1944), в 1956, 1966 гг. награждалась орденом Трудового Красного знамени, с 1967 г. Заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин Саратова.

1925 г.

Совет Народных Комиссаров выделил на ремонт музея 10 тыс. руб. золотом. Семье Чернышевских предоставлено помещение во флигеле сестер Пыпиных, что дало возможность музеефицировать мемориальный дом. Из Саратовской городской публичной библиотеки возвращена Дому-музею часть книг из личной библиотеки Н.Г. Чернышевского.

1926 г.

Отреставрирован внешний фасад дома Чернышевских в стиле первой половины XIX века. Началась переписка Н.М. Чернышевской с К.А. Фединым. Из Государственного Книжного фонда для библиотеки музея получены 133 книги и свыше 450 томов различных журналов и энциклопедий.

Создана комиссия по организации Дома-музея имени Н.Г. Чернышевского (для подготовки первой стационарной экспозиции), в которую вошли представители Саратовского университета – профессора В.В. Буш, П.Г. Любомиров, П.С. Рыков, А.П. Скафтымов, С.Н. Чернов и доцент В.Г. Ильинский.

Н.М. Чернышевская вошла в редакционную коллегия сборника «Н.Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания» (Саратов, 1926).

1926–1927 гг.

Научный архив музея пополнился крупной коллекцией из рукописного отделения Академии Наук (Ленинград): авторскими рукописями Н.Г. Чернышевского (в частности, романов «Пролог» и «Отблески сияния») и списками с них, корректурами статей Н.Г. Чернышевского, рукописями старшего сына писателя А.Н. Чернышевского.

1927 г.

Музей посетил Нарком по просвещению А.В. Луначарский.

Ноября 6.

Комиссией по организации Дома - музея выработан план экспозиции по биографическому принципу, который лег в основу всех последующих экспозиций музея. Открылась первая стационарная экспозиция музея в 4-х комнатах дома. Коллектив музея посвятил ее 10-летию годовщины Октябрьской революции, что положило начало музейной традиции создавать экспозиции к знаменательным датам.

1928 г. 100-летний юбилей Н. Г. Чернышевского.

Музей участвовал в организации «Избранных сочинений» писателя в 5-ти томах, издаваемых по решению Научной Комиссии ВЦИК. В журнале «Историк-марксист» сообщалось, что «все произведения революционного демократа будут воспроизводиться по дошедшим до нас первоисточникам – рукописям или корректурам, хранящимся в Саратовском музее», а работа по «сличению напечатанного текста с рукописями и корректурами ведётся для этого издания Н.М. Чернышевской, в настоящее время заведующей Саратовским Домом-музеем».

Н.М. Чернышевская вошла в редакционную коллегию саратовского сборника «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы, статьи». Вышли работы научных сотрудников музея: *Быстров С. И.* Описание рукописей Н.Г.Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени // Указ. сб.; *Сушицкий В. А.* Н.Г. Чернышевский : популярная биография (Саратов).

Ноября 26.

Открылась экспозиция с двумя новыми разделами: «Н.Г. Чернышевский под запретом цензуры» и «Н.Г. Чернышевский в его памятниках», которые, по мнению автора Н.М. Чернышевской, «дадут возможность широким массам уяснить отношение к Чернышевскому царского правительства и советской власти и помогут уяснению исторической оценки Чернышевского как защитника интересов трудящихся масс».

Музей заказал необходимое оборудование (11 витрин-столов, 13 настенных витрин и витрину-шкаф).

1930 г.

Вышел 3-й том издания «Н.Г. Чернышевский. Литературное наследие». (М.–Л.), подготовленный Н.М. Чернышевской совместно с Н.А. Алексеевым.

1931 г.

Напечатаны работы *Н. М. Чернышевской* «Одна из попыток освобождения Н.Г. Чернышевского» и «Неизданные письма Н.Г. Чернышевского» // Каторга и ссылка, №№ 5, 7.

1933 г.

Музей посетили 6000 человек. Издана книга: *Н. М. Чернышевская-Быстрова* «Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского» М.–Л. (2-е изд., испр. и доп. М., 1953).

1934 г.

В. А. Сушицким опубликована под редакцией *В. А. Артисевич* первая библиография трудов саратовских исследователей, посвященных великому земляку, «Саратовский университет и Н.Г. Чернышевский. 1909–1934 гг.».

1935 г.

Вышла работа *В. А. Сушицкого* «Описание корректур Н.Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени» (Саратов). Н.М. Чернышевская включена в редколлегию по изданию Полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского (М., 1939–1953 : в 16 т.).

1937 г.

В Саратове под редакцией проф. *А. П. Скафтымова* издана книга: «Из литературного наследства Н.Г. Чернышевского». Подготовка текста, комментарии и вступительная заметка *В. А. Сушицкого*.

1938 г.

В Саратове опубликована под редакцией проф. *А.П. Скафтымова* работа: *Н. Г. Чернышевский* «Из автобиографии», редакция и комментарии *В. А. Сушицкого*. По оценке Б.П. Козьмина, это «документ, чрезвычайно важный для русской общественной и частной жизни первой половины XIX столетия».

Из Москвы получены портреты Н.Г. Чернышевского для продажи посетителям.

За год музей посетили 7000 посетителей.

1939 г. 50-летие со дня смерти Н.Г. Чернышевского.

Дом-музей им. Н.Г. Чернышевского выделился из состава Саратовского государственного областного музея в самостоятельное учреждение республиканского значения и стал именоваться Государственный Дом-музей Н.Г. Чернышевского.

Вышел первый путеводитель (автор *Е.Н. Сторожницкая*) по открывшейся в музее экспозиции. Опубликованы работы *Н. М. Чернышевской*: Вилкойский узник. [Н.Г. Чернышевский в ссылке]. (2-е изд. – 1953 г., 3-е – 1955 г.); «Н.Г. Чернышевский в Саратове. Воспоминания современников». Сост. и предисловие *Н. М. Чернышевской*: «Обзор первоисточников, хранящихся в Доме-музее Н. Г. Чернышевского» // Н.Г. Чернышевский : сб. статей.

За год музей посетили 14000 человек.

1940 г. Июль.

В исполнительный комитет Саратовского городского Совета депутатов трудящихся и отдел по делам искусства при Саратовском областном Совете направлена выписка из протокола отдела по охране памятников управления по делам искусств при правительстве РСФСР о взятии на централизованный учет и государственную охрану, как историко-бытового, Дома-музея Н.Г. Чернышевского в Саратове. Предполагалось «в месячный срок провести осмотр указанного здания, составить паспорт и технический акт его современного состояния, а также зафотографировать это здание». Указывалось, что согласно распоряжению Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 марта 1940 года за № 910-02 ремонт и реставрация здания музея должны производиться с разрешения отдела по охране памятников.

Декабря 7.

Постановлением Саратовского Исполкома Городского Совета депутатов трудящихся дом семьи Пыпиных передан Дому-музею Н.Г. Чернышевского.

Декабря 20.

Все здания музея приняты на централизованный учет и взяты под охрану государства. Принято «Положение о Саратовском Государственном Доме-музее Н.Г. Чернышевского», которое закрепляло успехи, достигнутые музеем в научной, пропагандистской, собирательской и издательской работе и определяло его задачи как научно-просветительского учреждения. «Положением» был учрежден Ученый совет при музее, в который вошли его научные сотрудники, а также филологи и историки Саратовского университета.

1941 г.

В условиях военного времени архив Н.Г. Чернышевского и некоторые книги из его личной библиотеки переданы в Москву в Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне РГАЛИ).

1941–1945 гг.

За военные годы сотрудниками Дома-музея прочитано 1958 лекций на заводах и фабриках, в школах и ремесленных училищах, в лектории Ленинградского государственного университета, находившегося в Саратове в эвакуации. Для раненых госпиталей коллективом музея разработаны тематические лекции: «Н.Г. Чернышевский – великий патриот нашей родины»,

«Роман "Что делать?"», «Н.Г. Чернышевский и война». Только за 1943 год количество слушателей в госпиталях достигло 25000 человек. За 1941–45 гг. в музее побывало свыше 15000 посетителей, из них – 6,5 тысяч школьников и студентов, более 5000 военнослужащих.

1942–1944 гг.

Должность заместителя директора по научной работе музея занимал профессор Ленинградского государственного университета Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов.

1942 г.

В Саратове вышла книга *В. Е. Евгеньева-Максимова* «Н.Г. Чернышевский – великий патриот земли русской».

1944 г. Февраля 26.

Н.М. Чернышевская на Ученом совете Ленинградского государственного университета защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук по теме «Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского». Официальные оппоненты: профессора А.П. Скафтымов и Г.А. Гуковский.

1944 г. Октября 1. – 1945 г. Декабря 1.

Заместителем директора по научной работе музея был профессор Саратовского государственного университета Александр Павлович Скафтымов.

1944–1962 гг.

Хранителем фондов музея работала старшая внучка Н.Г. Чернышевского Марианна Михайловна Чернышевская.

1945 г.

На торжественном заседании, посвященном 25-летию Дома-музея, А.П. Скафтымов выступил с сообщением о научно-исследовательской работе музея. Возобновлена работа Ученого совета музея. Под руководством А.П. Скафтымова в музее проведена архивная практика для студентов филологического факультета СГУ по изучению литературного наследия Н.Г. Чернышевского.

1946–1950 гг.

Заместителем директора по научной работе музея был П.А. Бугаенко, в 1952 году защитивший кандидатскую диссертацию «Проблема общественно-преобразующего значения литературы в эстетической теории Н.Г. Чернышевского».

Для библиотеки музея приобретены все номера журнала «Современник» за 1850-е – 1860-е годы.

1948 г. Сентябрь.

В Доме-музее прошла научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения Н.Г. Чернышевского.

В Саратове вышла книга *Н. М. Чернышевской* «Н.Г. Чернышевский в Саратове», 2-ая часть – 1949 г. (2-е изд. – 1952 г., 3-е с измененным названием «Чернышевский и Саратов» – 1978 г.). Выпущен путеводитель «Дом-музей Н.Г. Чернышевского» (автор *П. А. Бугаенко*).

1950 г.

Опубликованы статьи научных сотрудников музея: *Дьякова Е. П.* История дома Н.Г. Чернышевского до основания в нем музея (1822–1920) // Звенья. № 8; *Супоницкая П. А.* Семинарские сочинения Н.Г. Чернышевского // Там же.

1950–1966 гг.

Заместителем директора по научной работе была Б.И. Лазерсон. В 1958 г. защитила кандидатскую диссертацию «Способы подцензурной иносказательности в публицистике Чернышевского» (научный руководитель проф. А.П. Скафтымов).

1952 г.

В Москве издана работа *Н. М. Чернышевской* и *Г. А. Малинина* «Памятные места Н.Г. Чернышевского в Саратове» (2-е изд. – Саратов, 1953 г.).

1953 г. 125-летие со дня рождения Н.Г. Чернышевского.

Открылась экспозиция из четырнадцати разделов, соответствующих подробной периодизации биографии писателя. В экспозиции представлено большое количество живописных и графических работ советских художников, отражающих различные эпизоды жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. Авторы: Н.М. Чернышевская, Б.И. Лазерсон. Архитектурно-художественное оформление: художники – С.П. Исаков, М.Я. Лурье, архитектор – И.Г. Цейриф (Живописно-выставочный комбинат художественного фонда СССР, Москва).

Июля 26.

Открытие памятника Н.Г. Чернышевскому в Саратове на площади, носящей его имя (скульптор А.П. Кибальников), на котором выступила Н.М. Чернышевская.

1957 г.

Выпущен путеводитель «Дом-музей Н.Г. Чернышевского» (автор *Б. И. Лазерсон*), 2-е изд. – 1962 г.

1958 г.

В Саратове вышла повесть *Н. М. Чернышевской* «Саратовский мальчик». (2-е изд., доп. – 1960 г., 3-е – 1962 г., 4-е – 1978 г.).

Октябрь.

Состоялась научная конференция, посвящённая 130-летию со дня рождения писателя, организованная Домом-музеем Н.Г. Чернышевского, Саратовским университетом, ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом).

1959 г. Сентября 28.

Музей посетил К.А. Федин.

1961 г.

В Москве опубликована статья *Н. М. Чернышевской, Б. И. Лазерсон* «Обзор деятельности Дома-музея Н.Г. Чернышевского в Саратове» // «Труды научно-исследовательского Института музееведения». Вып.1 : Вопросы работы музеев литературного профиля.

1962–1979 гг.

Главным хранителем фондов являлась правнучка писателя Вера Самсоновна Чернышевская.

1964 г. Вышла книга: *Н. М. Чернышевской* «Повесть о Чернышевском». Саратов, (2-е изд. – 1969 г., 3-е – 1971 г., 4-е – 1973 г., 5-е – 1975 г., 6-е – 1979 г.).

1965 г. Января 5.

Музей посетил первый в мире летчик - космонавт СССР Ю.А. Гагарин.

1966–1972, 1985–1986 гг.

Заместителем директора по научной работе был А.А. Демченко. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблема научной биографии Н.Г. Чернышевского периода первой революционной ситуации (опыт критического анализа первоисточников)», в 1983 г. – докторскую диссертацию «Научно-биографическое изучение русских писателей классиков: Н. Г. Чернышевский». Автор научной биографии Н. Г. Чернышевского, изданной в Саратове в 1978–1994 гг., в 4-х частях. В 1987–2010 гг. проректор, заместитель директора Педагогического института СГУ по научной работе. В настоящее время – профессор, заведующий кафедрой литературы и методики ее преподавания Педагогического института СГУ.

1967 г.

В доме Чернышевских к 50-й годовщине создания Советского государства и 140-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского открылась новая монографическая историко-литературная экспозиция, рассказывающая о жизни и деятельности писателя-демократа, его эпохе и окружении. МеморIALIZED две комнаты музея: воссозданы комната Н. Г. Чернышевского в период его учительства в Саратовской гимназии (1851–1853 гг.), расположенная в мезонине дома и синяя гостиная. Авторы: А. А. Демченко, В. Г. Смолицкий (НИИ Музееведения, Москва); художники-оформители Р. Н. Лукьянова, Б. А. Протоклитов, А. С. Талонкина (Саратовское отделение Художественного фонда СССР).

1969 г.

Издан путеводитель: *Демченко А. А.* «Дом-музей Н. Г. Чернышевского» (Саратов). Переиздание – 1973 г.

1974 г. Июля 24.

Впервые в музее прошел праздник, посвященный Дню рождения Н. Г. Чернышевского, с этого времени ставший ежегодным. Традиционно программу мероприятия составляют: торжественное заседание с участием представителей общественности, культурных и научных учреждений, тематическая выставка, литературно-музыкальная композиция, детские утренники. Знаменательной дате предшествует месячник по пропаганде знаний о Н. Г. Чернышевском.

В Киеве вышла книга *Н. М. Чернышевской* «Н. Г. Чернышевский и Т. Г. Шевченко. Воспоминания, заметки, материалы» (Переиздание – 1978 г.).

1975 г. Май.

К 30-летию Победы советского народа над фашистской Германией организована выставка «Музей Н. Г. Чернышевского в 1941–1945 гг.».

Мая 22.

В подшефной средней школе № 25, носящей имя Н. Г. Чернышевского, открыт класс-музей, рассказывающий об ученических годах писателя в Саратовской духовной семинарии.

Октября 25.

Скончалась директор музея Н. М. Чернышевская.

Октября 29.

В день памяти Н.Г. Чернышевского ученики средней школы № 25 представили литературную композицию, посвященную этой дате. Вечер о Н.Г. Чернышевском прошел в 27-й средней школе. Была подготовлена выставка рисунков школьников, подведены итоги конкурса на лучшее сочинение о писателе.

Музей оказал помощь 80-й средней школе г. Саратова в организации класса-музея: переданы выставки о жизни и деятельности и памятных местах Н.Г. Чернышевского в Саратове. С той же целью в среднюю школу № 18 были отданы материалы к выставке «Памятные места Н.Г. Чернышевского в Саратове».

Музей посетило 70265 человек, проведено 1962 экскурсии, прочитано 90 лекций.

Октябрь – Ноябрь.

В фойе Драматического театра им. К. Маркса, на сцене которого неоднократно ставились спектакли, посвященные великому земляку, работала выставка «Н.Г. Чернышевский на сцене саратовских театров», в её основе – материалы из фондов музея и театральных архивов. Автор: Ю.М. Костин.

1976 г. Августа 4.

В музее миллионный посетитель – работница саратовской швейной фабрики Л.В. Шиповская, оставившая запись в книге отзывов: «Я очень рада, что мне пришлось стать миллионным посетителем вашего музея. Сегодняшняя встреча еще больше сблизила меня с жизнью нашего земляка...»

1976 г. Января 13. – До настоящего времени.

Директором музея является Г.П. Муренина. Член Союза журналистов России (1967). Награждена орденом «Знак Почета» (1980), знаком «За достижения в культуре» (2000), в ознаменование 65-летия Победы в Великой Отечественной войне – медалью «За трудовые заслуги» (2010), удостоена звания «Заслуженный работник культуры» (2003). Лауреат «Чеховской премии» (2008), занесена в Российский энциклопедический словарь биографий современников «Вся Россия XXI в.» (Самара, 2003), а также во всемирную энциклопедию «Кто есть кто в России» (Швейцария, 2009).

1978 г. 150-летие со дня рождения Н.Г. Чернышевского.

Мая 29.

В музее впервые открылась мемориально-бытовая экспозиция «Н.Г. Чернышевский в Саратове. 1828–1853 гг.». Авторы: Г.П. Муренина, Ю.М. Костин; художники-оформители: Н.В. Кривенкова, Е.Л. Якубович (Комбинат декоративно-оформительского искусства, Москва).

Июля 4.

Г.П. Муренина и В.С. Чернышевская приняли участие во Всесоюзном торжественном заседании, посвященном 150-летию Н.Г. Чернышевского, проходившем в Большом театре СССР (Москва).

Июля 15.

Музей принял участие в торжественном заседании в связи со знаменательной датой – 150-летием со дня рождения писателя-демократа, прошедшем в саратовском Театре оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского.

Июля 21.

В выставочном зале на Набережной Космонавтов открылась выставка «Н.Г. Чернышевский – революционный демократ, писатель, ученый». Авторы: В.И. Порох, В.В. Смирнова, А.С. Озерянский; художники-оформители – Н.В. Кривенкова, Е.Л. Якубович. Руководитель проекта – Г.П. Муренина.

Июля 24.

На усадьбе Дома – музея состоялся праздник, посвященный Дню рождения Н.Г. Чернышевского.

Августа 1.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик «за большую работу по изучению и пропаганде идейно - теоретического и художественного наследия великого русского революционера – демократа Н.Г. Чернышевского Указом от 1 августа 1978 года наградил Саратовский Государственный Дом-музей Н.Г. Чернышевского орденом «Знак Почета».

Октября 12-14.

Музей принял участие во Всесоюзной научно - теоретической конференции, посвященной Н.Г. Чернышевскому, состоявшейся в Саратове. С этого года научные чтения «Чернышевский и его эпоха», организуемые музеем и Саратовским университетом, становятся ежегодными. В 1990-е гг. они стали – Все-

российскими, а с 1998 г. в связи с участием в них профессора Токийского университета Ёсиро Имаи и других зарубежных ученых – Международными. По результатам конференций издаются выпуски межвузовских научных сборников «Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», «Н.Г. Чернышевский. История. Философия. Литература».

В Саратове издан сборник «Поэзия мысли. Высказывания и афоризмы Н.Г. Чернышевского». Составители: *Г.П. Муренина, А.С. Озерянский, Ю.М. Костин, Н.Ф. Куликова, И.В. Порох*. Вступительная статья *Ю. М. Костина*.

1979 г.

Вышли: в Саратове – путеводитель: *Е. К. Максимов, Г. П. Муренина*. «Дорогие каждому места». [Памятные места Н.Г. Чернышевского в Саратове], в Москве – сборник: «Н.Г. Чернышевский и книга». Автор вступительной статьи и составитель сборника *Г. П. Муренина*.

1980 г.

В Саратове опубликованы: путеводитель *Г. П. Мурениной, Ю. М. Костина* «Дом-музей Н.Г. Чернышевского», очерк *Г.П. Мурениной* «Дом на Волге» в сборнике «Из книги памяти народной» [Отзывы посетителей Дома-музея Н.Г. Чернышевского].

Сентябрь.

Открылась юбилейная выставка к 60-летию создания Дома-музея. Автор *С.В. Клименко*, художники-оформители *Н.В. Кривенкова* и *Е.Л. Якубович* (Комбинат декоративно-оформительского искусства) Москва.

Посещаемость музея впервые превысила 100 тысяч и составила 105 179 человек.

1981 г.

Опубликована статья *Г. П. Мурениной* «Из опыта создания мемориальной экспозиции» // Что такое литературно-мемориальный музей. – М., 1981.

1980-1990-е гг.

Расширилась тематика выставочной деятельности. Работали выставки: историко-литературные («"Блестящее десятилетие": Н.Г. Чернышевский в журнале «Современник (1853–1862)»; «Властитель дум молодого поколения»: К 150-летию *Н.А. Добролюбова*; «Живой пульс общества»: К 150-летию журнала «Современник»; «И.С. Тургенев и литературное окружение», «Зову живых»: К 175-летию *А.И Герцена*; «А.С. Пуш-

кин и его эпоха»; «Не так живи, как хочется»: Мир героев А.Н. Островского); посвященные общественно-культурной и бытовой сторонам жизни Саратова и в целом России XIX и XX вв. («Русская демократическая культура второй половины XIX века», «Круг семейного чтения XIX века», «"Я к Вам пишу...": К истории почты и письма», «Синий чулок или Женский вопрос в XIX веке», «Жизнь разума и любви: Несколько семейных историй»); живописные и фотографические («Провинциальный город: саратовские художники XIX–XX веков»; «Улочки старого Саратова» (живопись Р. Мерцлина); «Звуки Набережной» (живопись В. Мошникова); «Саратов времени Н.Г. Чернышевского»). Их авторами были: Л.Г. Устиченко, Н.А. Гришина, Д.Г. Сапожникова, С.В. Клименко

1982 г.

Музею присвоена первая категория по оплате труда руководящих и творческих работников.

1983 г. 155-летие со дня рождения Н.Г. Чернышевского.

Открылись выставки: «Чернышевский в творчестве советских художников» (Автор Д.Г. Сапожникова), «"Пропагандист великого наследия": К 125-летию М.Н. Чернышевского» (Автор: С.В. Клименко), «Н.Г. Чернышевский и А.Н. Пыпин: К 150-летию А.Н. Пыпина (Авторы: А.С. Озерянский, Л.Г. Устиченко). Произведена реэкспозиция флигеля О.С. Чернышевской.

1984 г.

В Саратове издан сборник «Пропагандист великого наследия», ставший периодическим музейным изданием (последующие выпуски: 1990, 2002 гг.), включающий разделы: о работе музея, из фондов и архива, исследования и материалы. Ответственный редактор сборников: *А.А. Демченко*, составители – *Г.П. Муренина, А.С. Озерянский*.

Вышел сборник «*Н. Г. Чернышевский. Пролог. Мастерица варить кашу. Письма*» (Иркутск). Составление и комментарии к сибирским письмам Н. Г. Чернышевского – *Г.П. Мурениной*.

1984–1986 гг.

Работал лекторий «У нас в гостях литературные музеи страны». С лекциями о русских писателях в музейном зале, средних, специальных и высших учебных заведениях выступали научные сотрудники музеев страны: Музея-квартиры Н.А. Некрасова и Музея-квартиры А.С. Пушкина (Ленинград), Музея

Н.А. Добролюбова (Горький) и др. Автор и координатор проекта Т.С. Конкина.

Ноябрь 5.

По завещанию Н.А. Алексеева, известного исследователя творчества Н.Г. Чернышевского, из его личной библиотеки в музей поступила литература о писателе-демократе.

1985 г.

Экспонировалась выставка «Государственный Дом-музей Н.Г. Чернышевского в годы Великой Отечественной войны». Автор: Е.А. Шишкина.

В Саратове издан сборник «Саратовские друзья Чернышевского». Под общей редакцией доктора исторических наук *И.В. Пороха*, составитель *Г.П. Муренина*.

1986 г.

Работала выставка «"Пропагандист великого наследия": К 90-летию Н.М. Чернышевской. (Автор: С.В. Клименко).

Декабрь.

В журнале «Вопросы литературы» вышла публикация *А. С. Озерянского* и *В. В. Смирновой* «А.Н. Пыпин. Из записных книг».

1988 г. 160-летие со дня рождения Н.Г. Чернышевского.

Март.

В специально построенном здании музея открылась монографическая историко-литературная экспозиция «Отечества достойный сын». Ее авторы Н.А. Гришина, С.В. Клименко, Ю.М. Костин, А.С. Озерянский, В. В. Смирнова. Руководитель творческой группы – Г.П. Муренина. Архитектурно-художественный проект экспозиции ленинградских художников-оформителей Б.А. Робенко и В.М. Глазкова (Комбинат живописно-оформительского искусства) был отмечен Гран-при как лучший проект года.

Июль.

В доме Пыпиных открылась выставка «Чернышевские и Пыпины», в которой были использованы подлинные материалы основного музейного фонда (Автор: А.С. Озерянский).

Январь.

В журнале «Русская литература» опубликована статья *С. В. Клименко* «Четы Миней в детском чтении Н.Г. Чернышевского».

1989 г. 100-летие памяти Н.Г. Чернышевского.

Организованы стационарные выставки из фондов музея: «Саратов времени Н.Г. Чернышевского». (Авторы: С.В. Клименко, Н.А. Гришина), передвижные: «Семейное окружение Н.Г. Чернышевского», «Народники и Саратовский край», «Саратовский мальчик».

Музей посетило 86500 человек, проведено 1720 экскурсий, прочитано 225 лекций, из них 60 – в районах области.

1990 г.

Вышел первый выпуск «Каталогов фондовых коллекций музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского». Его содержание и составители: «Иконография Н.Г. Чернышевского», «Фотографии Саратова 19 века и памятных мест Н.Г. Чернышевского» (Ю.М. Костин), «Книжная коллекция А.Н. Пыпина» (А.С. Озерянский), «Книжная коллекция М.Н. Чернышевского» (И.В. Пузанкова).

Начало 1990-х гг.

В музее начали экспонироваться интерактивные выставки для детей: «Там чудеса...» (по сказкам А.С. Пушкина), «Наша кунсткамера», «Ах, эти разные, разные куклы» (Авторы: Н.А. Гришина, Л.Г. Устиченко, Д.Г. Сапожникова, Л.Л. Калинина).

1990-е гг.

Утвердились новые формы работы для детей разного возраста – игровые занятия «Музейная азбука» и «Музейный всеобуч». Музей совместно с Саратовским педагогическим институтом и другими музеями города организовал и провел научно-практические конференции по теме: «Музей в системе образования и воспитания». По итогам конференций издано четыре сборника «Музейная педагогика» (1996, 1997, 1999, 2001).

1992 г. Март.

Был открыт и работал в течение 1990-х гг. «Провинциальный салон», задуманный как цикл музыкально-литературных вечеров. Среди участников салона были: струнный квартет «Моц-арт» и фольклорный коллектив «Балаган» Саратовской областной филармонии, ансамбль старинной музыки «Триосоната», актеры саратовских театров: Оперы и балета, драматического, Юного зрителя, «Балаганчика». Организаторы мероприятия: Л. Л. Калинина, Т.С. Конкина, Д.Г. Сапожникова.

1993 г.

Вышла публикация *А.С. Озерянского* «Письма Н.Г.Чернышевского О.С. Чернышевской» // Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Первоисточники. – Новосибирск, 1993. Т. 1. Вып. II.

1996 г.

Переизданы воспоминания А.Н. Пыпина «Мои заметки». Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии *А.С. Озерянского* и *Г.П. Мурениной*.

1998 г. В альманахе «Памятники Отечества», посвященный 200-летию Саратовской губернии, вошли статьи *С.В. Клименко* «Тепло родительского дома» и *А.С. Озерянского* «Ближе, чем родной...».

1999 г. 110-летие памяти Н.Г. Чернышевского.

Июля 24.

Ко дню рождения Н.Г. Чернышевского организована выставка «Возвращенные реликвии», на которой были представлены прошедшие реставрацию личные вещи семьи Чернышевских. Передвижная выставка «Н.Г. Чернышевский в изобразительном искусстве саратовских художников» работала в Советском районе.

Октября 29.

Открылись фондовые выставки: «1889 год – последний год жизни Н.Г. Чернышевского» и «Н.Г. Чернышевский в научных исследованиях последнего десятилетия XX века», где особое место уделено работам японских ученых.

К 200-летию А.С. Пушкина в музее были представлены выставки: «На фоне Пушкина», передвижная фотовыставка «По музеям А.С. Пушкина»; интерактивная – «Там чудеса...», из фондов музея и Областного музея краеведения. Авторы: Л.Г. Устиченко, Н.А. Гришина.

2000 г. Июля 24.

Ко дню рождения Н.Г. Чернышевского открылась выставка «Н.Г. Чернышевский – мифы нашей коллекции», на которой представлены жанровые сюжеты советских художников (1940–50 гг.), связанные с вымышленными фактами биографии писателя и мыслителя. Автор: Д.Г. Сапожникова.

Сентябрь.

К 80-летию музея открылась выставка «Друзья нашего дома». В ее основе экспонаты, переданные в дар музею коллекционерами Саратова. Автор: Л.Г. Устиченко. Всего за год дей-

ствовало 24 выставки, в том числе «Газета и мы. Мы и газета» с разделами: История в газетных заголовках; Н.Г. Чернышевский и музейная газетная коллекция; Жизнь нашего музея в зеркале прессы за 80 лет; Саратовская пресса сегодня. Автор: Г.А. Аветисян.

Проводился конкурс «Газетный арт», по итогам которого открылась выставка «Газетный арт. Вторая жизнь газеты» (Автор: Д.Г. Сапожникова), отмеченная второй премией на региональном фестивале музейных проектов «Музейный пикник-2000».

Составитель *А.С. Озерянский*,
при участии *Т.О. Пелех, И.В. Семеновы*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.Н. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1858 г. Октября 19.

В Санкт-Петербурге родился Михаил Николаевич Чернышевский. Отец, Н.Г. Чернышевский (1828–1889). Мать, Ольга Сократовна (1833–1918), в девичестве Васильева, дочь известного саратовского врача Сократа Евгеньевича Васильева.

1866 г.

Поездка вместе с Ольгой Сократовной в Кадау, место ссылки отца.

1869 г.

Переехал в Петербург к дяде, А.Н. Пыпину.

1870 г. Август.

Поступил в Ларинскую гимназию (4-я гимназия) Санкт-Петербурга.

1880 г.

Окончил гимназию. Поступает в Петербургский университет на историко-филологический факультет.

1883 г.

Перевелся на естественный факультет того же университета.

Семья Чернышевских остро нуждается в средствах, что вынудило Михаила Николаевича оставить университет.

1885 г.

Поступил на службу в Правление Общества Закавказской железной дороги агентом Коммерческого Отделения.

Июля 2.

Бракосочетание с Еленой Матвеевной Соловьевой (1864–1940 гг.)

1886 г.

Назначен Помощником Заведующего Коммерческой частью В.В. Уржумцева в Правлении Общества Закавказской железной дороги.

1889 г.

Будучи лично известен С.Ю. Витте, директору Департамента железнодорожных дел и председателю Тарифного комитета, по совместному участию на съездах представителей русских железных дорог, был приглашен на службу в созданный при министерстве финансов, Департамент железнодорожных дел на должность Столоначальника.

1889–1892 гг.

В должности Столоначальника по I Отделению занимался тарифами дорог I группы и Кавказско–Каспийскими сообщениями, участвуя во всех съездах по делам этих тарифов и сообщений в качестве представителя Министерства Финансов.

1891 г.

За фотопортрет жены Елены Матвеевны Чернышевской на конкурсе журнала Photo - Gazette в Париже получил третий приз. Тема – «Портрет на воздухе без регуши» (См. фотоальбом: музей Н.Г. Чернышевского. ОФ. № 7347/3890).

Издана книга М.Н. Чернышевского «Свод тарифных узаконений и циркуляров Департамента Железнодорожных Дел Министерства Финансов» (рец. газета «Гражданин» 11/XI 1891 г.).

Марта 20.

Рождение дочери Марианны Михайловны Чернышевской (ум. в 1973 г.).

1892 г.

Назначен Чиновником Особых Поручений Департамента железнодорожных дел IV класса со всеми правами и преимуществами, присвоенными Начальникам Отделений, с исправлением должности Начальника Хлебного Отделения.

Издal сочинения отца – «Очерки гоголевского периода русской литературы», воспроизводящие текст «Современника» за 1855–1856 гг.

На конкурсе журнала Photo - Gazette в Париже получил бронзовую медаль за фотографию с изображением фрагмента домашнего интерьера. (См. фотоальбом: музей Н. Г. Чернышевского. ОФ. № 7347/3890).

1893 г.

Выпустил три сборника произведений Н.Г. Чернышевского – «Критические статьи: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Островский, Лев Толстой, Щедрин и др. («Современник» 1854–1861 гг.)»; «Эстетика и поэзия» («Современник» 1854–1861 гг.), а также 2-е издание «Очерков...».

В должности Начальника Хлебного Отделения принял деятельное участие по пересмотру хлебных тарифов, участвуя во всех подготовительных работах и Комиссиях по их пересмотру.

1893–1894 гг.

Исполнял обязанности Начальника II Отделения по тарифам на нефтяные грузы, каменный уголь, скот, рыбу).

1894 г.

Издal работы Н.Г. Чернышевского «Заметки о современной литературе 1856–1862 гг. («Современник» 1856–1862 гг.)».

В газете «Новое Время» № 6690 опубликована статья М.Н. Чернышевского «По поводу воспоминаний Огаревой–Тучковой».

1895 г.

Выпустил 2-е издание «Критических статей...».

Заведовал льготными тарифами, параллельно занимался изданием журналов Тарифного Комитета (издано 6 томов) и делопроизводством по хозяйственной Комиссии.

1896 г. Мая 28 (июня 9) – октября 1 (октября 13).

Состоял Комиссаром Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. На выставке были продемонстрированы лучшие достижения начавшегося промышленного подъема. Выставка 1896 г. была крупнейшей дореволюционной выставкой в России. За участие в ней Михаил Николаевич был удостоен Высочайшей благодарности.

Декабря 18.

Рождение дочерей Нины Михайловны (ум. в 1975 г.) и Елены Михайловны (ум. в 1920 г.) Чернышевских.

1898 г. Марта 15.

Рождение сына Николая Михайловича Чернышевского (ум. в 1924 г.).

Апреля 22.

Совет Императорского Русского Технического Общества, утвердив постановление Комиссии экспертов Пятой Фотографической выставки 1898 г., признал М.Н. Чернышевского достой-

ным награждения бронзовой медалью Министерства Финансов за художественно исполненные снимки.

1899 г.

Назначен представителем Министерства Финансов в Комиссию по соединению рельсовым путем Европейской России со Средней Азией.

Ноября 24.

Получил Диплом Санкт-Петербургского Фотографического Общества и бронзовую медаль за диапозитивы для проекционного фонаря, представленные на конкурсе 1898 г. Жанр – диапозитивы под девизом «Лови момент». Это был первый в России конкурс художественных диапозитивов для проекционного фонаря.

1901 г.

Назначался представителем Министерства Финансов: в гербовую Комиссию Тайного Советника Ольхина; в Комиссии по рассмотрению сметы казенных железных дорог, по отдаче в аренду отчужденных земель, по выработке документов о невзысканных переборах; в Обществе Собрания акционеров Рязанско-Уральской железной дороги.

Назначен Начальником Отделения Особых поручений (льготные тарифы и расстояния).

1902 г.

Получил жетон на право пожизненного проезда по Рязанско-Уральской железной дороге, Московско-Казанской железной дороге, Армавир-Туапсинской железной дороге.

1904–1918 гг.

В Правлении 1-го Общества Подъездных путей: правительственный директор, позже Комиссар.

1905 г.

Изданы «Статьи по крестьянскому вопросу» Н.Г. Чернышевского, воспроизводящие текст журнала «Современник» за 1857–1859 гг.

Март.

Вышло первое отдельное издание романа «Что делать?». Спустя три месяца роман был переиздан (2-е издание).

Марта 5.

В газете «Новое Время» опубликована статья Михаила Николаевича «Об ограждении прав собственности на издание сочинений Чернышевского».

1906 г.

Издан полное собрание сочинений Н.Г. Чернышевского в 11 томах с 4 портретами, свыше 7000 страниц, с восстановлением исключенных цензурой мест.

В пятом номере журнала «Былое» опубликована статья «К делу Н.Г. Чернышевского».

Издан роман Н.Г. Чернышевского «Пролог».

Осуществил третье издание романа «Что делать?».

1907 г. Август.

В восьмом номере журнала «Былое» опубликована статья «Последние дни жизни Н.Г. Чернышевского». (Этот же материал был напечатан в газете «Закаспийское обозрение. 1907 г. 18 и 19 сент.)

1909 г.

Подготовил и издал «Библиографический указатель статей о Н.Г. Чернышевском и его сочинениях».

Передал в рукописный отдел Императорской Академии наук собранные им подлинные рукописи статей, романов и переводов Н.Г. Чернышевского, его письма, книги и личные вещи.

1910 г.

Статья «Ольга Сократовна Чернышевская» в Первом женском календаре на 1910 г. изд. Ариян.

1910–1919 гг.

Принимал деятельное участие в работе книгоиздательства «Огни». Являлся пайщиком данного товарищества печатного и издательского дела и секретарем на заседаниях общего собрания.

1911 г.

Составил и переиздал библиографию о Чернышевском.

Передал все собранные его отцом материалы для биографии Н.А. Добролюбова в Литературный фонд.

1912–1913 гг.

Издана переписка Н.Г. Чернышевского сибирского периода в трех томах с портретами и рисунками (примечания М.Н. Чернышевского).

1912 г. Декабрь.

В 12 номере журнала «Современник» опубликована статья «Отчеты Императорского Российского Исторического Музея в Москве за 1908–1911 г.»

1917 г.

В журнале «Былое» опубликовано письмо Н.Г. Чернышевского, адресованное жене, А.Н. Пыпину и детям.

1918 г.

Состоял на службе в должности Члена Ликвидационной Комиссии Правления Волго-Бугульминской ж.д. и Общества железнодорожных ветвей и одновременно Членом и Секретарем Комитета Фотографии и Фототехники Комиссариата Народного Просвещения.

Марта 26.

Михаил Николаевич передал в народное достояние дом своего отца.

Стал заместителем представителя Народного Комиссариата Финансов в Управлении Рязанско-Уральской ж.д.

1919 г. Апрель.

Переезд из Петрограда в Саратов.

1920 г. Марта 5.

Заложено основание музея. В одной из комнат был устроен уголок имени Н.Г. Чернышевского. Начинается создание первой экспозиции.

1921 г.

Утверждено Положение о Музее Н.Г. Чернышевского в г. Саратове, назначен пожизненным заведующим Музея.

1922 г.

В первом номере газеты «Культура» (Саратов) опубликована работа «Дом-музей Н.Г. Чернышевского».

Публикация статьи «Пропавшие письма Чернышевского (из документов III Отделения)» в журнале «Былое» №18.

Избран ученым секретарем Общества истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ).

1924 г. Апрель.

Командировка в Москву.

Мая 3.

Михаил Николаевич скончался.

Мая 12.

Тело М.Н. Чернышевского перевезено из Москвы в Саратов.

Мая 15.

Похороны в Саратове на Воскресенском кладбище.

Составитель *Е.Н. Манова*

И Л Ю С Т Р А Ц И И

Н. Г. Чернышевский.
Петербург. 1857 г.
С фот. Лауфферга

О. С. Чернышевская в шапке
Н. А. Некрасова.
Петербург. 1860-е гг.

М. Н. и А. Н. Чернышевские.
Петербург. 1862 г.

М. Н. Чернышевский
(второй справа в нижнем ряду)
среди преподавателей
и одноклассников 2-го класса
Ларинской гимназии.
Петербург. 1870 г.

Газета «Страна» от 15 января 1881 г.,
в которой говорилось о необходимости помилования Н.Г. Чернышевского

Статья в английской газете «Daily News» от 22 декабря 1883 г. и ее перевод
на русский язык («Новое время» от 17 декабря 1883 г.), где рассказывалось
о трагической судьбе Н.Г. Чернышевского

А. Н. Пыпин с внучкой
Нинной Беренштам.
Фот. «Вестли Сын».
Петербург. 1890-е гг.

М. Н. Чернышевский.
Фот. А. Захарьина.
Петербург. 1916 г.

Анфилада комнат экспозиции музея. 1927 г.

Н. М. Чернышевская. Саратов. 1946 г.

Выступление В. С. Чернышевской на празднике в музее, посвященном 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. 24 июля 1978 г.

Группа экскурсантов с парохода «Клим Ворошилов» в музее Н.Г. Чернышевского. Конец 1950-х гг.

Александр Михайлов в роли
Н. Г. Чернышевского в спектакле
Саратовского Государственного
академического театра драмы
им. К. Маркса «Человек, который
знал, что делать». 1978 г.

Сергей Сосновский в роли
Н. Г. Чернышевского в спектакле
Саратовского театра юного зрителя
им. Ленинского комсомола
«Что делать?». 1978 г.

Награждение Дома-музея Н. Г. Чернышевского орденом «Знак Почета». Справа налево: Первый секретарь Саратовского Обкома КПСС В. К. Гусев, директор музея Г. П. Муренина, служитель Т. М. Прохорова, зам. директора по научной работе А. С. Озерянский, зав. экспозиционным отделом Ю. М. Костин. 1978 г.

Министр культуры Саратовской области В. В. Лотарев вручает Г. П. Мурениной знак «За достижения в культуре» в связи с 80-летием музея. Ноябрь 2000 г.

Мемориальный дом Н. Г. Чернышевского. Вид со двора. 2005 г.

Фрагмент мемориально-бытовой экспозиции «Н. Г. Чернышевский в Саратове. 1828–1853 гг.». Комната Н. Г. Чернышевского в мезонине. 2001 г.

Фрагмент экспозиции «Отечества достойный сын». 2002 г.

Участники XXX Международных научных чтений
«Н. Г. Чернышевский и его эпоха». Октябрь 2008 г.

Фрагмент выставки «Когда была война...». Май 2005 г.

Группа ветеранов Великой Отечественной войны и сотрудников музея Н. Г. Чернышевского. Май 2000 г.

Экскурсия в мемориально-бытовой экспозиции. 2004 г.

Вечер «Играй гармонь Саратовская» в зале музея в рамках социального проекта «Сохраним народный символ земли Саратовской». 26 декабря 2008 г.

Сотрудники отдела фондов музея с правнуком А.Н. Пыпина В.В. Колпаковым. 2008 г.

Музейное занятие в детском лагере «Молодежный». 2010 г.

Сведения об авторах

Громаковский Юрий Адамович, кандидат психологических наук, профессор Института дополнительного профессионального образования СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Демченко Адольф Андреевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики ее преподавания Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Дьяконов Вячеслав Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент Института социального образования филиала Российского государственного социального университета (Саратов).

Клименко Светлана Васильевна, старший научный сотрудник музея Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Колпаков Вадим Викторович, правнук А.Н. Пыпина (Москва).

Конкина Татьяна Степановна, старший научный сотрудник музея Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Кравченко Наталья Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Манова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, главный хранитель фондов музея Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Муренина Галина Платоновна, директор музея Н. Г. Чернышевского (Саратов).

Озерянский Александр Семенович, старший научный сотрудник музея Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Он Оя, профессор, декан факультета иностранных языков университета г. Саппоро (Япония).

Пелех Татьяна Олеговна, ученый секретарь музея Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Поляков Анатолий Александрович, научный сотрудник музея Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Попкова Нелли Алексеевна, заведующая отделом редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Пузанкова Ирина Вячеславовна (Саратов).

Самосюк Галина Федоровна, кандидат филологических наук, доцент СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Сапожникова Дженнет Георгиевна, заведующая экспозиционным отделом музея Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Семенова Ирина Викторовна, научный сотрудник музея Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Степанова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук (Саратов).

Торопыгин Петр Григорьевич (Саратов).

Троць Юлия, журналист (Саратов).

Содержание

	Стр.
<i>От редактора</i>	3
«XXI век будет веком Н. Г. Чернышевского!» (Интервью Г. П. Мурениной газете «Саратовская панорама»).....	5
К истории музея	
<i>Клименко С. В.</i> Музей особенной достоверности.....	12
<i>Муренина Г. П.</i> «Хотелось бы надеяться, что это паломничество не прекратится...».....	21
<i>Пузанкова И. В.</i> «Нам полюбилась Волга, полюбилась ее люди...».....	25
<i>Сапожникова Д. Г.</i> Формирование инновационной модели «музей–посетитель» в программах для детей и юношества (1985–2005).....	30
<i>Кравченко Н. Ю.</i> Социальная востребованность музея Н. Г. Чернышевского в современных условиях (по материалам социологического исследования).....	41
Из фондов и архива	
<i>Конкина Т. С.</i> Газетные публикации о Н. Г. Чернышевском в 1864–1889 гг.....	49
<i>Степанова Е. В.</i> К истории организации сборника «Н. Г. Чернышевский» 1926 г. (письмо Вас. В. Гиппиуса к А. П. Скафтымову).....	68
<i>Поляков А. А.</i> Фотофонд М.Н. Чернышевского в музее (1861–1888 гг.).....	73
<i>Озерянский А. С.</i> «Диспут был вчера, в воскресенье...» (защита А. Н. Пыпиным магистерской диссертации 24 марта 1857 г.).....	84
<i>Колпаков В. В.</i> Потомки А. Н. Пыпина.....	89
<i>Чернышевская Н. М.</i> Воспоминания об Александре Павловиче Скафтымове. Публикация Г. П. Мурениной	92
Исследования и материалы	
<i>Он Оя.</i> К истории парижской встречи Ф.И. Тютчева с А.И. Герценом.....	107
<i>Демченко А. А.</i> По поводу некоторых современных газетных публикаций о Н. Г. Чернышевском.....	113
<i>Громаковский Ю. А.</i> Психологизм произведений Н. Г. Чернышевского.....	117
<i>Торопыгин П. Г.</i> Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин о П. Я. Чаадаеве.....	123

<i>Озерянский А. С.</i> К вопросу взаимоотношений Н. Г. Чернышевского и А. Н. Пыпина (по материалам переписки 1840–нач. 1860-х гг.).....	124
<i>Самосюк Г. Ф.</i> М. Е. Салтыков-Щедрин и А. Н. Пыпин в полемике вокруг «Истории одного города».....	136
<i>Манова Е. Н.</i> Гимназические годы М. Н. Чернышевского.....	143
<i>Попкова Н. А.</i> Издания трудов А. Н. Пыпина в научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.....	151
<i>Дьяконов В. А.</i> Н. Г. Чернышевский на саратовской сцене.....	153
Хроника	
Музей Н. Г. Чернышевского. Из летописи событий (1918–2000) <i>Сост. А. С. Озерянский</i> при участии <i>Т. О. Пелех, И. В. Семеновой</i>	159
Основные даты жизни и деятельности М. Н. Чернышевского. <i>Сост. Е. Н. Манова</i>	177
Иллюстрации.....	183
Сведения об авторах.....	197

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
КУЛЬТУРЫ
«МУЗЕЙ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»
приглашает посетить экспозиции:**

**Мемориально-бытовые:
«Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В САРАТОВЕ. 1828-
1853»,
«ОЗАРЕНА ТОБОЮ ЖИЗНЬ МОЯ».**

**Историко-литературную:
«ОТЕЧЕСТВА ДОСТОЙНЫЙ СЫН».**

**Экскурсию по городской усадьбе
«ЧЕРНЫШЕВСКИХ-ПЫПИНЫХ».**

**Работает выставка картин
заслуженного художника России В.О. Фомичева.**

**Ежегодно в октябре проходят международные на-
учные чтения «Н.Г. Чернышевский и его эпоха»,
24 июля отмечается
День рождения писателя-демократа.**

**Проводятся также театрализованные экскурсии,
фольклорные праздники, фотосессии
в интерьерах XIX в.**

Адрес музея: 410002, Саратов, ул. Чернышевского, 142.
Контактный телефон: 23-06-66
E-mail: sarusadba@gmail.com
Часы работы: с 10⁰⁰ до 17⁰⁰, выходной – понедельник.

Научное издание

ПРОПАГАНДИСТ ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник научных трудов и материалов
Вып. 4

Дизайн обложки и оригинал-макет подготовила *Т.С. Назарова*
Ответственная за выпуск: *Т. О. Пелех*

Подписано в печать 11.05.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризопечат. Усл.-печ. л. 12,56.
Тираж 200 экз. Гарнитура Таймс. Заказ № 066.

ООО "Издательский Центр "Наука"
410600, г. Саратов, ул. Пугачевская, 117, к. 50.

Отпечатано в типографии "Эстамп" тел: (8452)37-47-85
410028, г.Саратов, ул. Заулошнова, д.3, оф.108.

